ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

А. Н. МУРАВЬЕВѢ.

КІЕВЪ.

1875.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

А. Н. МУРАВЬЕВѢ.

КІЕВЪ.

Въ Губернской Типографіи.

1875.

Дозволено Духовною цензурою. Кіевъ. 30 Апрѣля 1875 года.

18 Августа 1874 года въ 4 ч. 15 м. дня, послѣ непродолжительной но тяжкой болѣзни скончался въ Кіевѣ Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

Проживши послѣднія девять съ половиною лѣтъ вмѣстѣ съ покойнымъ, я хотѣлъ бы изложить нѣкоторыя черты изъ его домашней жизни, и на сколько возможно коснуться общественной его дѣятельности, а для большей ясности прибѣгну и къ его собственноручной перепискѣ со мною, во время его отлучекъ изъ Кіева.

Чтобы ознакомить читателя съ личностью покойнаго А. Н. начну съ его аттестата, или указа объ отставкѣ, такъ какъ о минувшемъ не могу ничего сказать больше; за тѣмъ помѣщаю по порядку описаніе моей съ нимъ жизни, а потомъ приступлю къ послѣднимъ днямъ его жизни. Такимъ образомъ мой трудъ раздѣлится на три отдѣла: служебная дѣятельность А. Н. до выхода въ отставку; переселеніе и жизнь его въ Кіевѣ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ его писемъ ко мнѣ и наконецъ— время болѣзни, кончина и погребеніе.

М. Семеновъ.

I.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ, родился въ Москвѣ, 30 Апрѣля 1806 года, (сынъ извѣстнаго Генералъ-Маіора, основателя корпуса колоновожатыхъ), воспитывался при родителяхъ, (подъ руководствомъ С. Е. Раича), а въ службу вступилъ въ 34 Егерскій полкъ юнкеромъ 1823 г. Мая 7; произведенъ въ Прапорщики съ опредѣленіемъ въ Харьковскій драгунскій полкъ 3 Декабря 1823 г. По Высочайшему приказу уволенъ отъ военной службы съ повышеніемъ чина, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ 3 Сентября 1827 г. Въ 1828 году держалъ экзаменъ въ учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Комитетѣ въ языкахъ и наукахъ, предписанныхъ Именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 6 день Августа 1809 года, и оказалъ во всѣхъ сихъ языкахъ и наукахъ удовлетворительныя свѣдѣнія, въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему изъ Правленія Московскаго Университета, 9 Апрѣля 1828 года, аттестатъ за № 1933, за подписаніемъ членовъ помянутаго Комитета и съ приложеніемъ Университетской печати. По Высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ причисленіемъ его къ Дипломатической Канцеляріи Главнокомандо-

вавшаго 2-ю Арміею, Генералъ-Фельдмаршала Графа Витгенштейна, 10 Августа 1828 г. Указомъ Правительствующаго Сената переименованъ въ Губернскіе Секретари 12 Октября 1828 г., пожалованъ въ Коллежскіе Секретари 9 Августа 1829 г., пожалованъ въ Титулярные Совѣтники 26 Декабря 1829 года; по предложенію Вице-Канцлера Графа Нессельрода опредѣленъ Столоначальникомъ въ Азіятскомъ Департаментѣ 20 Мая 1831 г. Высочайшимъ Именнымъ указомъ пожалованъ въ Коллежскіе Ассесоры 1 Января 1833 г. Именнымъ Высочайшимъ указомъ опредѣленъ за Оберъ-Прокурорскій столъ Св. Синода, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 22 Апрѣля 1833 г; произведенъ за выслугу лѣтъ въ Надворные Совѣтники, со старшинствомъ съ 1 Января 1836 г. Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе Камергера Двора Его Императорскаго Величества 21 Мая 1836 г.; назначенъ Членомъ Хозяйственнаго Комитета при Св. Синодѣ 17 Ноября 1836 года; Всемилостивѣйше пожалованъ за отличіе по службѣ въ Коллежскіе Совѣтники 5 Сентября 1838 года; по преобразованіи Хозяйственнаго Комитета при Св. Синодѣ, на основаніи Высочайшаго указа 1 Марта 1839 года въ Хозяйственное Управленіе, выбылъ изъ Членовъ того Комитета 31 Марта 1839 г.; назначенъ Членомъ Общаго Присутствія Духовно-Учебнаго Управленія при Св. Синодѣ того же числа и года; согласно прошенію его Всемилостивѣйше уволенъ отъ служенія по Св. Синоду 18 Іюня 1842 года; опредѣленъ Членомъ Общаго Присутствія Азіятскаго Департамента 17 Августа 1842 г. Высочайшимъ Именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему

Сенату, въ 20-й день Августа 1843 г., произведенъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 5-го Сентября 1842 года. По Высочайшему повелѣнію назначенъ Чиновникомъ Особыхъ Порученій V класса при Азіятскомъ Департаментѣ 7 Декабря 1846 года; пожалованъ знаками отличія безпорочной службы за XV лѣтъ 22 Августа 1847 года, за XX лѣтъ 22 Августа 1850 года; за XXV лѣтъ 22 Августа 1854 года; Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству произведенъ за отличіе въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники 17 Апрѣля 1855 года; на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста, получилъ медаль темной бронзы на Андреевской лентѣ, въ память войны 1853 – 1856 годовъ, 26 Августа 1856 г.; за отлично усердную службу и особые труды по Комитету общества Попечительнаго о Тюрьмахъ согласно представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Императорскаго Величества 10 Мая 1857 года; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, 22 Августа 1859 года. Высочайшимъ указомъ въ 28-й день Февраля 1863 г. Министру Финансовъ, повелѣно производить ему, вмѣсто аренды, изъ Государственнаго Казначейства, въ продолженіи 12 лѣтъ, по тысячѣ пятисотъ руб. сер. ежегодно, 28 Февраля 1863 года. Высочайшимъ приказомъ, по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 28 Февраля 1866 г. № 4, по случаю упраздненія должности, которую занималъ онъ въ Азіятскомъ Департаментѣ, уволенъ отъ службы съ мундиромъ, послѣдней должности присвоеннымъ, а вмѣстѣ съ симъ Всемилостивѣйше пожалована ему пенсія по ты-

сячѣ руб. въ годъ, съ производствомъ оной съ 1 Марта 1866 года.

Во время войны съ Турціею въ 1828 и 1829 годахъ, находился въ походѣ при Главнокомандующихъ Генералъ-Фельдмаршалахъ: Графѣ Витгенштейнѣ и Графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ по дипломатической части, за что получилъ медаль за оную войну установленную. 10 Октября 1829 г. Высочайше дозволено ему предпринять путешествіе въ Іерусалимъ, для поклоненія св. Гробу Господню, откуда онъ возвратился 7 Сентября 1830 года.

II.

Я познакомился съ А. Н. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, чрезъ Т. Б. Потемкину и бывалъ у него на Троицкомъ подворьѣ въ Петербургѣ, но, по производствѣ моемъ въ офицеры, съ назначеніемъ въ Кіевскую саперную бригаду, сошелся съ нимъ ближе и получилъ даже приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ Кіевъ, но отказался. Когда же пришло время отправляться къ мѣсту своего служенія, въ Маѣ 1864 года, то въ Москвѣ неожиданно встрѣтился съ нимъ въ часовнѣ Иверской Божіей Матери, такъ какъ время нашего выѣзда изъ Петербурга совпало, и здѣсь онъ меня упрекнулъ за то, что не поѣхалъ съ нимъ, «ради чванства», какъ онъ выразился, и опять предлагалъ ѣхать; но я не рѣшился, сославшись на желаніе ознакомиться поближе съ Бѣлокаменною. - Пріѣхавши въ Кіевъ, явился своему начальству и счелъ долгомъ представиться въ полной формѣ ему; тутъ я съ перваго разу былъ пораженъ его простотою, а больше всего красотою видовъ изъ его хижины въ саду, которую онъ занималъ. Здѣсь же я познакомился съ его сожителемъ Ротмистромъ С. И. Санниковымъ, который занимался подъ наблюденіемъ его устройствомъ сада, около Андреевской

церкви, на деньги пожертвованныя купцемъ Кокоревымъ въ распоряженіе Городской Думы. Свиданія наши участились съ откомандированіемъ меня въ инженерную фотографическую мастерскую; но при всемъ томъ я не рѣшался поселиться въ хижинѣ, хотя и бывалъ ежедневно, чтобы не стѣснять его, какъ мнѣ казалось. Нанявши квартиру на Печерскѣ, я часто имѣлъ у себя гостемъ А. Н., пріѣзжавшаго верхомъ съ берейторомъ.. Въ теченіи лѣта я успѣлъ побывать въ с. Вышгородѣ, Межигорьѣ и на всѣхъ торжествахъ въ Лаврѣ, гдѣ былъ А. Н-мъ представленъ Митрополиту и властямъ за Адъютанта подъ № 2-мъ, такъ какъ Санниковъ, будучи Адъютантомъ Генералъ-Губернатора Анненкова, въ тоже время считался и Адъютантомъ у своего сожителя подъ № 1-мъ, до своей женитьбы, когда я замѣнилъ его мѣсто.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ А. Н-ча посѣтилъ Герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ, въ сопровожденіи тогдашняго Военнаго Губернатора Казнакова; послѣдній шутилъ, что слѣдовало бы дать дорогимъ гостямъ хорошій завтракъ, а не угощать однимъ чайкомъ.

У А. Н. было давнишнее желаніе осуществить мысль покойнаго Протоіерея Андреевской церкви—устроить въ самомъ фундаментѣ Андреевскаго храма церковь. 20 Іюля часа въ три дня, мы отправились разсматривать темные своды подъ церковью, и камердинеръ въ это время прибѣжалъ доложить о пріѣздѣ Митрополита Арсенія, возвращавшагося съ Подола, послѣ литургіи въ церкви Иліи Пророка. Просіяла у А. Н. на лицѣ улыбка отъ этаго неожиданнаго совпаденія обстоятельствъ; онъ поспѣшилъ выйти къ гостю и, подхвативъ его подъ руку, повелъ

прямо въ пещеру съ просьбою благословить мѣсто для церкви Преподобн. Сергія, сказавши, что храмовую икону выпроситъ въ благословеніе отъ Митрополита Московскаго изъ Троицко-Сергіевой Лавры, а остальныя иконы и иконостасъ будутъ готовы къ его выѣзду изъ Кіева, который предполагается въ Октябрѣ; тутъ же попросилъ онъ Владыку и на освѣщеніе церкви, а потомъ на завтракъ. Митрополитъ, зная горячность А. Н. къ Церкви и дѣламъ церковнымъ, на все изъявилъ свое согласіе и далъ благословеніе къ началу работъ. Такимъ образомъ, при содѣйствіи друзей и пріятелей, была устроена и 7 Октября освящена церковь, въ которой всѣ иконы были написаны по указанію самого Ктитора, а описаніе самой церкви и символическое значеніе священныхъ изображеній помѣщено въ книгѣ: «Кіевъ и его святыня». — При устройствѣ церкви было намѣчено и мѣсто его усыпальницы.

26 Октября А Н. уѣхалъ въ Петербургъ на зиму, какъ и раньше это дѣлалъ. Санниковъ переселился въ большой домъ и вскорѣ женился, а я остался зимовать уже въ хижинѣ, не занимаясь однако хозяйствомъ. Такъ какъ работы по разведенію сада и откосовъ около Андреевской церкви приняли дурной оборотъ и всѣ насыпи отъ подземныхъ родниковъ оборвались, то, по моему совѣту, А. Н. обратился къ Генералъ-Губернатору съ просьбою назначить коммисію изъ спеціалистовъ техниковъ и приступить къ радикальному укрѣпленію Андреевской горы, собственно съ лѣвой стороны, такъ какъ правая требовала большой суммы, и составленная смѣта не получила утвержденія; отпущено было 2 тысячи р. и на эти деньги устроили водопріемникъ.

Зима прошла безъ особенныхъ приключеній, исключая претерпѣваемаго мною холода; вьюги заносили всѣ дорожки, по которымъ приходилось пробираться. и я иногда долженъ былъ просиживать безъ обѣда при 5/° тепла. Единственная возможность не замерзнуть окончательно состояла въ томъ, что я надѣвалъ на себя все, что имѣлъ теплаго, не исключая калошъ и башлыка и садился около самоварчика, а потомъ, разогрѣвши желудокъ, ложился спать подъ тремя одѣялами. Однажды бурею сорвало крышу, а мнѣ казалось, что и меня самого унесетъ куда нибудь на Кожемяки, расположенныя въ ущельяхъ.

Въ Декабрѣ С. И. Санниковъ уѣхалъ съ Генералъ-Губернаторомъ Анненковымъ въ С.-Петербургъ, откуда возвратился уже съ новымъ Начальникомъ Края Генералъ-Адъютантомъ Безакъ.

Въ теченіи зимы я велъ постоянную переписку съ А. Н., а въ Мартѣ 1865 г. лично видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, и уже былъ принятъ какъ родственникъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ мой сожитель, и у насъ началась дѣятельная жизнь. Меня утомляло писанье подъ диктовку, которому не было конца, такъ какъ постоянно возбуждались вопросы по церковнымъ дѣламъ. Всегда удивлялся я громадной памяти, какою одаренъ былъ А. Н. и глубокому его знанію предметовъ; случалось писать статьи или письма по нѣсколько листовъ. Во время диктованія являлись посѣтители; работа пріостанавливалась иногда на нѣсколько дней, и никогда я не слышалъ вопроса: на чемъ остановились? а всегда начиналась диктовка словомъ: *точка,* потомъ фразы лились равномѣрно будто обыкно-

венный разговоръ. Нужно замѣтить, что А. Н. зналъ въ совершенствѣ языки: нѣмецкій, французскій и греческій; свободно говорилъ по англійски и итальянски и могъ читать латинскія и польскія книги. По вечерамъ частенько дремалъ мой сожитель, въ особенности осенью подъ завываніе вѣтра; но странно то, что онъ никогда не сознавался въ этомъ и всегда дотягивалъ до положеннаго часу, хотя бы не доставало пяти минутъ. Когда я хотѣлъ уйти раньше положеннаго времени, то онъ всегда удерживалъ: «подожди: еще не ударили часы». Вообще въ это время жизнь наша шла регулярно: вставши въ 6 ч. утра А. Н. отправлялся къ ранней обѣдни, что всегда исполнялъ; потомъ ѣздилъ купаться, за тѣмъ чай, писанье и прогулка на работы; въ 4 часа обѣдъ; по обѣдѣ вторичная прогулка и писанье, а иногда отправится А. Н. съ визитами, и большею частью верхомъ съ берейторомъ; въ 8 ч. вечера чай, за тѣмъ чтеніе газетъ или книгъ и въ 11 спать. Впослѣдствіи измѣнились немного часы вставанья и обѣда, но никогда безъ занятій время не проходило. Если послѣ конной прогулки кто нибудь заглянетъ *разсидѣть* вечерокъ и еще не интересный господинъ, то Генералъ мой безъ зазрѣнія совѣсти дремалъ преисправно и проснувшись, удачно поддерживалъ сказанное во время дремоты. Трудно было уличить его въ этомъ, и мнѣ казалось, что онъ въ состояніи былъ уснуть стоя, въ чемъ потомъ и убѣдился.

Если никого у насъ не бывало изъ пріѣзжихъ, а здѣшніе живутъ визитами, то онъ усядется бывало въ кресло за столикомъ съ двумя свѣчами и читаетъ книгу, или разрѣзываетъ въ ней листы. Книга начинаетъ постепенно понижаться; малѣйшій шорохъ заставляетъ его от-

крыть глаза и книга опять на готовѣ. Долго слѣдилъ за этимъ его любимый камердинеръ, чтобы уличить Генерала на мѣстѣ преступленія, и наконецъ удалось, когда толстая книга упала съ шумомъ на полъ и тотъ успѣлъ прибѣжать. Словно ребенокъ, уличенный въ совершенномъ проступкѣ, Генералъ сконфузился, и все таки старался доказать, что онъ не спалъ.... Любовь къ кавалеріи и звонкимъ шпорамъ доходила у него до невѣроятности, послѣднихъ у него болѣе дюжины и огромныхъ размѣровъ, начиная съ рыцарскихъ и кончая золотыми, поднесенными его пріятелями въ день имянинъ, чуть ли не въ сороковыхъ годахъ. Эта любовь, мнѣ кажется произошла отъ посвященія его въ рыцари Св. Гроба въ 1830-мъ году, во время пребыванія его въ Іерусалимѣ, гдѣ хранятся мечь и шпоры Короля Готфрида. Если я надѣвалъ иногда рыцарскія шпоры, то могъ школьничать какъ угодно и все принималось съ любовію... Вотъ отличительная странность его характера! На письмахъ ко мнѣ и къ нѣкоторымъ пріятелямъ онъ часто рисовалъ шпору вмѣсто подписи, и я долженъ былъ также подписываться, иначе сердился, и даже совѣтывалъ мнѣ заказать печать со шпорою. Осенью Санниковъ перебрался на другую квартиру, а я проводивши А. Н. въ Питеръ, остался зимовать въ большемъ домѣ, доколѣ не нанялъ его Ген. Краснокутскій въ Декабрѣ мѣсяцѣ; все хозяйство оставлено было на мое распоряженіе.

Весною этаго года, отъ таянія снѣговъ образовался обвалъ горы, съ правой стороны Андреевской церкви. Мое письмо о разрушеніи было прочитано А. Н-мъ бывшему въ это время въ Петербургѣ Генералъ-Губернатору Безакъ,

и сей послѣдній, чрез Министра Внутренних Дѣлъ, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ денегъ по смѣтѣ составленной за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на устройство водопріемника, въ количествѣ 26 тысячъ руб. изъ процентнаго сбора съ владѣльческихъ имѣній въ Западныхъ губерніяхъ, за неимѣніемъ городскихъ суммъ. Въ это же время, чрезъ завѣдывавшаго дѣлами по обезпеченію сельскаго духовенства и постройкою православныхъ церквей П. Н. Батюшкова, А. Н. выпросилъ 10 тысячъ р. с., на исправленіе храма Св. Апостола Андрея Первозваннаго къ предстоящему столѣтнему юбилею. Вслѣдствіе отзыва Генералъ-Губернатора, отъ 9 Іюня № 3185, уже по пріѣздѣ А. Н. изъ Питера, былъ составленъ Временный Хозяйственный Комитетъ, подъ его предсѣдательствомъ, въ которомъ приняли участіе спеціалисты разныхъ вѣдомствъ; я также назначенъ былъ Членомъ дѣлопроизводителемъ.

Предъ началомъ работъ, собственно касавшихся до церкви, получено было на имя А. Н. письмо отъ Его Высокопреосвященства Митрополита Кіевскаго Арсенія, отъ 27 Іюля № 1812, слѣдующаго содержанія:

> «Съ искреннею благодарностію за попеченіе Ваше о поддержаніи и благоукрашеніи знаменитой церкви Св. Апостола Андрея Первозваннаго, усердно призываю на Васъ и сотрудниковъ Вашихъ въ семъ благоугодномъ дѣлѣ благословеніе Божіе».

Работы начались съ наружной штукатурки, перекрытія куполовъ и крыши новымъ желѣзомъ, исправленія подгнившихъ стропилъ, наконецъ внутренней и наружной

покраски масляною краскою и позолоты лѣпныхъ орнаментовъ и украшеній.

Предъ началомъ работъ я успѣлъ побывать на южномъ берегу Крыма и осмотрѣлъ въ подробности Севастополь, такъ какъ раньше былъ ознакомленъ съ нимъ по описанію и планамъ, составлявшимся въ Коммисіи подъ наблюденіемъ Ген. Адъют. Тотлебена, гдѣ также состоялъ временно для работъ.

Въ началѣ Августа въ Кіевѣ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ старшимъ сыномъ, и А. Н. въ теченіи 3-хъ дней сопровождалъ Его Высочество для осмотра древностей и святыни. И самъ владѣлецъ роскошной усадьбы былъ осчастливленъ милостивымъ вниманіемъ Высокихъ посѣтителей.

29 Августа получено было горестное извѣстіе о кончинѣ Графа М. Н. Муравьева въ своемъ имѣніи Сырцѣ, около Луги, по поводу чего многіе пріѣзжали къ А. Н. съ заявленіемъ сочувствія. Въ Сентябрѣ Генералъ Краснокутскій выбрался на другую квартиру, а въ Октябрѣ А. Н. уѣхалъ въ Петербургъ, оставивши въ моемъ распоряженіи и большой свой домъ, не занятый жильцами, въ которомъ я и поселился.

Здѣсь помѣщаю нѣкоторыя сохранившіяся у меня письма, въ которыхъ проглядываетъ постоянный недостатокъ въ средствахъ, особенно когда наступало время переѣзда.

Москва. 20 Окт. 1866 г.

«Посылаю казанскому сиротѣ на бѣдность 50 р. и надѣюсь, что при твоихъ нынѣшнихъ богатствахъ, этаго

достаточно будетъ до Декабря, а изъ Питера пришлю паки. Разсказать тебѣ, что я вытерпѣлъ въ эту ужасную дорогу, было бы утомительно; я ѣхалъ ровно пять сутокъ, преслѣдуемый всѣми непогодами, вѣтеръ дулъ въ рыло отъ начала до конца; экипажъ ломался; сперва лопнулъ тяжъ; въ Черниговѣ перемѣнялъ шину на переднихъ колесахъ, и это повторялось за Рославлемъ. Послѣ тяжкой дороги до Довска надѣялся найти паркетъ до Москвы, вмѣсто того обрѣлъ массу щебенки обмазанную снѣгомъ, такъ что бока всѣ отколотило и трещалъ экипажъ. За Рославлемъ поднялась такая вьюга, что по брюхо вязли лошади въ оврагахъ и едва къ ночи добрался до Юхнова, гдѣ я долженъ былъ ночевать, потому что не было перевоза; ледъ шелъ по Угрѣ, далѣе вся дорога покрыта была снѣгомъ, а когда онъ къ вечеру застылъ и сдѣлался холодъ, то это была настоящая пытка по колоди, при моемъ итальянскомъ костюмѣ продуваемомъ вѣтрами. Весьма я былъ счастливъ, когда добрался до Москвы во вторникъ къ ранней обѣднѣ и теперь отдыхаю на лаврахъ подъ кровомъ добраго Викарія. Завтра ѣду въ Сергіеву Лавру, а въ понедѣльникъ въ Питеръ. Увѣдомь меня о моемъ хозяйствѣ: все ли въ порядкѣ, о посадкахъ, если можно ихъ дѣлать и о работахъ по терассѣ Андреевской церкви. Не предваривъ меня, ни кому не отдавай дома въ наемъ, ради предстоящаго юбилея. О золотѣ я уже писалъ, Павлу Өедоровичу [1]), кланяйся его семейству и Афанасьевымъ [2]).

---

[1]) Протоіерей Андреевской церкви.

[2]) Вдова полковника.

Племянника [1]) я здѣсь не засталъ, онъ еще въ деревнѣ. Жду письма твоего и остаюсь душевно преданный».

Выраженіе «пріѣхалъ въ Юхновъ» всегда повторялось, когда сильно уставалъ А. Н. Переселившись въ большой домъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ Барономъ З., пріѣхавшимъ со мною въ одно время въ Кіевъ, у меня случилась покража внутреннихъ замковъ отъ всѣхъ дверей, о чемъ конечно немедленно сообщилъ А. Н., отъ коего получилъ отвѣтъ:

С. П. Б. 26 Октября.

«Меня еще постигло семейное горе: въ ту минуту, когда я садился на желѣзную дорогу, получилъ я печальную телеграмму, что братъ мой Николай (Карскій) скончался въ деревнѣ, 23 Октября. Такимъ образомъ я остался старшимъ въ родѣ и слѣдовательно на очереди. Тяжело лишиться двухъ такихъ братьевъ въ два мѣсяца и остаться, можно сказать одинокимъ. Сестра Графиня очень убита и все ея семейство, о племянникѣ и слуха нѣтъ. Началъ я здѣсь панихидой по братѣ Николаѣ, а сейчасъ ѣду въ Невскій помолиться надъ могилой брата Михаила; не знаю, чѣмъ то кончу зиму, а начало не утѣшительно. У твоихъ я еще не былъ, и тятеньку не видѣлъ и не сплетничалъ, потому что ты пай мальчикъ съ тѣхъ поръ, какъ отбушевалъ, хотя и прокутилъ мои замки.

---

[1]) В. С. Муравьевъ.

Поблагодари Барона за добрую стражу дома. Вотъ что значитъ десятикопѣечная порція деньщикамъ съ приваркомъ замковъ хозяйскихъ, при блистательной жизни, блистательнаго Маіора. Остерегись, чтобы твои вещи не потаскали. Какой же маляръ ночевалъ у насъ въ домѣ и за чѣмъ? Прости; спѣшу на почту, увѣдомь о хозяйствѣ. Кланяйся П. Ѳ. и Афанасьевымъ».

По ошибкѣ написано: Кіевъ. 27 Ноября.

«Стыдливое сердце у саперика, хотя весьма трогательно увѣрялъ M-me Борейшъ [1]), будто бы безъ меня скучно, а пишетъ только по одному письму въ недѣлю, вѣроятно во избѣжаніе расходовъ. Честь имѣю проздравить съ моими имянинами; чѣмъ то вы разрѣшитесь отъ бремени въ мою пользу? Какъ же вы такъ дешево продали желѣзо и камень, хотя за одну сажень кубическую даютъ 25 р. Лучше было вымостить у Кокоревщины, ибо это нужно же будетъ сдѣлать, да и на сколько продано желѣза, не написалъ мнѣ. Съ Г. Безакомъ только помѣнялись визитами. Племянникъ былъ здѣсь три недѣли и ни слова о дѣлѣ не говорилъ; я ему написалъ по отъѣздѣ. Съ нимъ кажется каши не сваришъ,.. .. все хочетъ у себя замки строить и парки разводить. Гр. Строг. все напрашивается на мою виллу, чтобы я ему въ наслѣдство отдалъ на условіяхъ. Третьяго дня на имяни-

---

[1]) Вдова, жившая въ д. Т Б. Потемкиной.

нахъ у Княгини Дадіанъ, неожиданно встрѣтилъ я ГОСУДАРЯ, который чрезвычайно милостиво взялъ меня за руку и съ участіемъ говорилъ со мною о потерѣ двухъ братьевъ, и что я безъ нихъ осиротѣлъ. Я былъ очень тронутъ сею милостію. Въ день Александра Невскаго, я встрѣтилъ, на обѣдѣ у Митрополита, Ректора Филарета [1]) очень дружески. Митрополитъ говорилъ мнѣ, что онъ самъ хлопочетъ объ отпускѣ Преосвящ. Александра въ Іерусалимъ, лишь бы онъ былъ тамъ остороженъ въ словахъ. Скажи ему это отъ меня. Кланяйся П. Ѳ. и супругѣ его и Афанасьевымъ всѣмъ. А ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ коняхъ и поварѣ въ шпорахъ: все ли въ порядкѣ и какъ ѣздитъ. Прости обнимаю тебя».

У А. Н. давно была мысль отдать свою усадьбу на извѣстныхъ условіяхъ племяннику или кому либо другому, но мечты его не осуществились и первый, будучи въ Кіевѣ, рѣшительно отказался отъ всѣхъ условій, найдя домъ для себя неудобнымъ.

Въ Январѣ домъ былъ нанятъ пріѣхавшимъ изъ Оренбурга Генераломъ К., съ которымъ впослѣдствіи А. Н. хорошо сошелся, а я среди жестокой зимы долженъ былъ перейти въ хижину.

Изъ писемъ 1867 года, до пріѣзда въ Кіевъ А. Н., сохранились у меня только три, и всѣ одного времени, которыя и помѣщаю:

---

[1]) Нынѣ Епископъ Уманскій.

С. П. Б. 11 Марта 1867 г.

«Любезный саперикъ, благодарю за счеты, которые очень экономичны.

Былъ у меня вчера самъ Генералъ Б. и я о тебѣ говорилъ, и хвалилъ до небесъ. Но онъ отзывается, что рѣшительно нѣтъ вакансій, даже по особымъ порученіямъ и при штабѣ, а есть еще много кандидатовъ. Я. и С. приводилъ въ примѣръ. Наконецъ я просилъ имѣть въ виду для будущаго, (ибо безъ жалованья прикомандировывать нельзя) и онъ сказалъ: пусть С. мнѣ о немъ напоминаетъ. Тутъ мало надежды, но поелику еще ни кто изъ моихъ птенцовъ не пропадалъ, и всѣ меня потомъ забывали, разумѣется уже въ густыхъ эполетахъ, то вѣроятно и ты будешь имѣть успѣхъ.

Бѣдному Р. нѣтъ лучше и малый пропалъ и не откуда мнѣ больше набирать кавалерійскихъ рекрутовъ. Простите Г. Штабсъ-Ротмистръ, только не унывайте».

16 Марта.

«Бѣдный мальчикъ! совсѣмъ было пропалъ въ Гончарахъ! [1]) да какъ же ты не спасся къ П. Ѳ., вмѣсто того, чтобы высиживать бурю въ своемъ кораблѣ? И у насъ страшная зима началась въ Мартѣ, а теперь стало теплѣе. Вотъ и хваленый кіевскій климатъ! боюсь чтобы

---

[1]) Ущелье у подножія сада.

отъ снѣговъ опять не сползли горы; пожалуста увѣдомь о настоящемъ ихъ положеніи. Къ Проск. я писалъ чрезъ П. Θ. Пора начинать работы. А я ранѣе 13-го Мая едва ли могу пріѣхать.

Касательно твоей поѣздки незнаю, что и сказать. Привезти обратно я могу, но полезно ли тебѣ деньги сорить на короткое время? Ты и въ Крыму уже прокукался! да и что взять, твоя невѣста Б. помолвлена за кирасира въ Гатчино, это еще семейная тайна. Я тебѣ писалъ инструкцію, что дѣлать въ саду и около церкви. Не ради эгоизма, а ради дѣла полагаю, что полезнѣе остаться, нежели скакать на одинъ мѣсяцъ. Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь, чтобы потомъ мнѣ не колоть глаза симъ пожертвованіемъ. Прости обнимаю тебя».

18 Апрѣля.

Христосъ Воскресъ!

«Что съ тобой случилось, бѣдный саперикъ! Я очень потревожился вѣстью П. Θ. Спасибо имъ, что тебя призрѣли и спасли! Ни какъ не ожидалъ такой бѣды. Слава Богу, что миновалась. Я думаю, ты простудился въ избѣ и не поберегся сначала. Вчера объявилъ твоему отцу о твоей болѣзни, онъ ничего не зналъ, да и лучше, ибо обезпокоился бы. Какіе расходы были по твоей болѣзни, поставъ мнѣ на счетъ; самъ не хлопочи о посадкахъ, а только объясни садовнику, да наблюди за огородомъ.

Прилагаемое письмо отошли съ жандармомъ къ M-me Слуцкой [1]. Навѣщали ли тебя Афанасьевы во время болѣзни и жильцы? Отчего Анютины глазки ѣдутъ на все лѣто въ Москву?

Добрѣйшимъ П. Ѳ. и Софьѣ Ивановнѣ въ ножки отъ меня поклонись за то, что за тобой ходили. Прости, обнимаю тебя крѣпко и прошу быть здоровымъ къ моему пріѣзду.

Не начинайте работать гору, пока не засыплютъ трещины на Кокоревщинѣ. Пусть одно кончатъ сперва».

При моемъ выходѣ изъ учебной фотографіи и назначеніи въ Комитетъ по исправленію Андреевской церкви и укрѣпленію Андреевской горы, А. Н. заботила мысль, чтобы меня, по окончаніи работъ, куда нибудь пристроить къ Генералъ-Губернатору, или въ Окружной Штабъ, и эта забота продолжалась до послѣднихъ минутъ его жизни, хотя ничего не удалось ему сдѣлать, собственно для меня, при всемъ его желаніи и хлопотахъ въ теченіи девяти съ половиною лѣтъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ я серьезно заболѣлъ нарывомъ въ горлѣ и П. Ѳ. сообщилъ А. Н. о моемъ опасномъ положеніи, что и видно изъ его отвѣтнаго письма, которое дышетъ любовію и внимательностью ко мнѣ, не забывая конечно и интересовавшихъ его дѣлъ. Предъ болѣзнью

[1] Вдова Директора Кіев. Кадет. Корпуса.

было у меня желаніе поѣхать въ отпускъ къ роднымъ, но такъ оно и осталось, безъ исполненія.

Въ Маѣ А. Н. пріѣхалъ снова на лѣтнее жительство въ Кіевъ, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ былъ проѣздомъ чрезъ Кіевъ бывшій Министръ Путей Сообщенія П. П. М., который жилъ нѣсколько дней по сосѣдству съ нами и всякій день приходилъ въ 6 часовъ утра въ садъ, гдѣ съ А. Н. прогуливался. Приходилось и мнѣ рано вставать, потому что П. П. всегда стучалъ въ окно моей спальни съ словами: «младенецъ, полно спать».—Однажды вечеромъ разговоръ коснулся постройки Дворца въ Кіевѣ, для остановки Царствующихъ Особъ во время Ихъ проѣзда въ Крымъ; А. Н. горячо напомнилъ Министру о сгорѣвшемъ зданіи Императрицы Елисаветы въ коемъ помѣщались минеральныя воды. П. П. раздѣляя мнѣніе А. Н., просилъ написать письмо, которое бы онъ могъ прочитать въ Петербургѣ. Конечно вторичной просьбы не нужно было, и не успѣлъ П. П. доѣхать до столицы, какъ было послано ему письмо слѣдующаго содержанія:

М. Г. П. П.

«Пишу Вамъ въ день Вашего Ангела, еще подъ впечатлѣніемъ тѣхъ пріятныхъ минутъ, которыми я наслаждался въ бесѣдѣ Вашей, когда Вы приходили дышать вечернею прохладой на моемъ балконѣ и любовались чудною картиной Кіева и Заднѣпровья. Отрадно мнѣ было услышать отъ Васъ, что нашему родному Кіеву возвратятся времена Елисаветы и Екатерины посѣщеніемъ

дорогихъ Царственныхъ гостей, когда возстановятся ихъ обгорѣвшія палаты, сооруженныя рукою Растрелли, посреди роскошнаго сада, который и до нынѣ называется Царскимъ, не смотря на его запустѣніе. Такъ и храмъ Первозваннаго, чудное созданіе того же геніальнаго зодчаго, олицетворившаго здѣсь высокую мысль дочери Петровой, доселѣ слыветъ, въ народѣ Государевою церковью, ибо для сердца народа дѣйствительно дорога память его Державныхъ благодѣтелей. Липовый садъ Императрицы Елисаветы, раскинутый на утесахъ Днѣпровскаго берега съ глубокою долиною въ густой чащѣ деревъ, гдѣ не умолкаютъ соловьи во все лѣто, достоинъ Царскаго жилища, которое нѣкогда тутъ господствовало надъ всѣмъ Кіевомъ, доколѣ не истребилъ его пожаръ. Но если сгорѣлъ верхній деревянный ярусъ, то уцѣлѣлъ нижній, сохранившій всѣ прежнія формы изящнаго зодчества, и можно опять соорудить, на этомъ прочномъ основаніи, роскошныя палаты во вкусѣ Растрелли. Это будетъ служить лучшимъ украшеніемъ Кіеву, и ничего удобнѣе нельзя было бы придумать для помѣщенія Царственныхъ посѣтителей. Съ одной стороны тѣнистый садъ, съ верхней терассы коего открывается весь Старый Кіевъ съ его златоглавою святынею, съ другой же обширная площадь для парадовъ и сосѣдство Лавры, съ которой всегда начинаютъ свое богомолье Державные наши гости. Однимъ словомъ это мѣсто было для нихъ создано и должно возвратиться первобытному назначенію. Одна мысль, что они, хотя на короткое время, будутъ обитать между нами, одушевляетъ уже теперь преданныхъ Имъ Кіевлянъ, жаждущихъ лицезрѣть своего Царя, посреди матери городовъ

Русскихъ, надъ колыбелью нашей вѣры О, если бы это исполнилось скоро, еще прежде нежели откроется желѣзный путь давно желанный Кіеву!

Если теперь, въ нижнихъ уцѣлѣвшихъ покояхъ искусственныя воды собираютъ въ лѣтнее время довольно посѣтителей, то ихъ легко перевести въ какое нибудь новое зданіе, которое можно соорудить въ сосѣднемъ участкѣ того же обширнаго сада, гдѣ теперь огородъ. И какъ много выигралъ бы самый садъ, если дѣйствительно онъ сдѣлается опять Царскимъ, не по одному лишь названію, ибо теперь преданный въ наемныя руки иностранцу, онъ пришелъ въ совершенный упадокъ. Мало по малу истребляются его столѣтнія липы; онъ глохнетъ и сохнетъ, и если не будетъ обращено на него должнаго вниманія, то эта чудная сердцевина Кіева можетъ совершенно истребиться, хотя нужно было цѣлое столѣтіе, чтобы дождаться такого сокровища. Все вниманіе обращено теперь на увеселительный воксалъ и театръ, которые устроены въ нижней части сада и разумѣется, потребовали много древесныхъ жертвъ, для расширенія своей площадки. Не въ духѣ стараго церковнаго Кіева эта новая шумная его сердцевина, которая состязуется своими ракетами и громкою музыкой съ звукомъ колоколовъ св. Лавры, въ самые торжественные часы всенощной, не разбирая ни какихъ праздниковъ, ибо они чужды нѣмецкому хозяину воксала, а между тѣмъ, не мало такимъ пренебреженіемъ церковнаго устава соблазняются многочисленные богомольцы, которые стекаются сюда со всѣхъ концовъ Россіи и придаютъ особенный характеръ Кіеву, не повторяемый ни въ одномъ изъ городовъ Россіи, и этотъ характеръ необходимо охранять

здѣсь наипаче какъ въ центрѣ православія Русскаго, посреди окружающаго насъ латинства. Съ возстановленіемъ палатъ царскихъ въ завѣтномъ саду Елисаветы, восстановится и это церковное приличіе, по благоговѣнію къ величію Царскому!

Я хотѣлъ Вамъ написать только нѣсколько строкъ, и вотъ какъ увлекся моимъ предметомъ, потому что отъ избытка сердца говорятъ уста. Простите и не забывайте искренно уважающаго Васъ».

Кіевъ. 29 Іюня 1867 г.

Работы по исправленію церкви приходили къ концу, и 19 Августа отпразднованъ былъ торжественно столѣтній юбилей Андреевской церкви, на которомъ присутствовали всѣ военныя и гражданскія власти. Службу совершалъ Митрополитъ съ двумя Архіереями: Викаріемъ Кіевскимъ и Епископомъ Полтавскимъ Іоанномъ, нарочно пріѣхавшимъ въ этотъ день. Послѣ обѣдни было угощеніе въ домѣ виновника торжества, которому клиръ поднесъ серебряную корзинку для хлѣба и мнѣ небольшой подарокъ за труды и въ память событія. Къ этому дню по ходатайству А. Н. присланы были отъ щедротъ Царскихъ дары Андреевскому храму: отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА икона Спасителя, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ голубое соборное облаченіе съ Андреевскими крестами, отъ Цесаревича и Цесаревны Св. Евангеліе и отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ двѣ иконы Византійскаго стиля въ богатыхъ кіотахъ съ изображеніями на одной—святыхъ сои-

менныхъ Царствующимъ Особамъ, при которыхъ церковь существовала, и на второй—святыхъ, празднуемыхъ въ день освященія храма 19 Августа; кромѣ того отъ Митрополита Арсенія выпросилъ А. Н. богатую картину: водруженіе креста Первозваннымъ на горахъ Кіевскихъ, которая была поставлена у праваго клироса, а на противоположную сторону досталъ онъ отъ Графа Шереметева, копію съ картины находящейся предъ входомъ въ домовую его церковь: избраніе Владиміромъ вѣры. На щедрыя и милостивыя Царскія приношенія А. Н. писалъ благодарственныя письма, также какъ и за прочіе пожертвованія; копіи съ первыхъ у меня сохранились и я беру на себя смѣлость ихъ здѣсь помѣстить, такъ какъ были писаны мною и подлинники:

Ваше Императорское Высочество.

«Благолѣпный даръ Св. Евангелія, принесенный храму Первозваннаго Апостола въ Кіевѣ, отъ лица обоихъ Августѣйшихъ Супруговъ, столь близкихъ сердцу каждаго Русскаго, исполнилъ утѣшенія не только священнослужителей сего храма, но и всѣхъ благочестивыхъ богомольцевъ, которые его посѣщаютъ и въ немъ возносятъ теплыя молитвы о благоденствіи Царствующаго Дома.

Утренняя заря Христіанства, озарила нѣкогда всю необъятную землю Русскую съ высоты сего завѣтнаго холма, гдѣ впервые водруженъ былъ Спасительный крестъ благовѣствующимъ Апостоломъ. Отрадно и теперь отразились на немъ первые лучи восходящей Царственной Денницы,

которая осіяваетъ благими надеждами отечество наше. Голосъ молитвы о Державныхъ жертвователяхъ будетъ голосомъ благодарности украшаемой Ими церкви».

24 Мая 1867.

Всемилостивѣйшій Государь.

«Господь Вседержитель, содержащій въ рукѣ своей судьбы Царей, отклонилъ и на сей разъ Всемогущею своею десницею тотъ гибельный ударъ, который угрожалъ въ одно и тоже время Отцу и Отечеству и всему Царству, въ лицѣ его Царя. Священная икона Вседержителя, пожалованная нынѣ благоговѣйнымъ усердіемъ Вашего Императорскаго Величества въ храмѣ Первозваннаго Апостола въ Кіевѣ, отколѣ знаменіемъ креста проповѣданы намъ милость и спасеніе отъ Господа Искупителя нашего, увѣковѣчитъ здѣсь память чуднаго спасенія Помазанника Божія. Въ этомъ храмѣ Первозваннаго, который обновляется щедротами Царскими, ко дню его столѣтняго юбилея, благочестивые молитвенники не престанутъ и въ будущіе времена возносить благодарныя молитвы къ Богу, дивно спасшему ихъ возлюбленнаго Государя, во свидѣтельство милости своей вѣрнымъ чадамъ Православной церкви и въ знаменіе иновѣрнымъ».

24 Мая 1867.

Всемилостивѣйшая Государыня.

«Храмъ Первозваннаго въ Кіевѣ, на томъ холмѣ, гдѣ водрузилъ онъ первый крестъ, единственная память Апо-

стольскаго посѣщенія страны нашей, благоговѣетъ предъ обиліемъ щедротъ Царскихъ нынѣ на него изліянныхъ. Если мы умолкнемъ о такихъ благодѣяніяхъ, то каменіе возопіютъ, по слову Господню. Да будетъ же позволено мнѣ, вмѣсто сихъ нѣмыхъ камней выразить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, тѣ чувства живой глубочайшей благодарности, какими исполнена одушевленная церковь православныхъ граждань Кіевскихъ къ Вѣнценоснымъ благодѣтелямъ, которые свидѣтельствуютъ своею любовію къ святынѣ древней матери городовъ Русскихъ, отческую любовь къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, здѣсь обитающимъ.

Еще недавно дерзнулъ я повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества, благодарное слово за пожалованную Имъ икону Господа Вседержителя, которая, по весьма знаменательному случаю, получена была въ Кіевѣ въ самый тотъ день, когда мы праздновали чудное спасеніе нашего возлюбленнаго Государя. Еще недавно выразилъ я и предъ Ихъ Императорскими Высочествами— Государемъ Цесаревичемъ и Государынею Цесаревною то отрадное впечатлѣніе, которое возбуждено въ сердцахъ нашихъ благоговѣйнымъ Ихъ приношеніемъ драгоцѣннаго Евангелія на мѣстѣ первой евангельской проповѣди въ землѣ Русской. Теперь же осмѣливаюсь излить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ краткой неудовлетворительной рѣчи, хотя что либо отъ преизбытка тѣхъ невыразимыхъ чувствъ, какими преисполнилась душа наша, при полученіи великолѣпнаго дара обоихъ Помазанниковъ Божіихъ, ибо они облекли нынѣ бывшее убожество Андреевской церкви въ Царское по истинѣ одѣяніе, наз-

наменованное крестами Первозваннаго на крыльяхъ Русскаго орла. Да воспаритъ же онъ высоко, высоко и крестъ Первозваннаго да восторжествуетъ опять на Востокѣ, отколѣ нѣкогда пришелъ онъ осѣнить землю Русскую».

14 Авг. 1867.

Въ Сентябрѣ былъ въ Кіевѣ Великій Князь Алексѣй Александровичъ и А. Н., какъ привиллегированный чичероне, сопровождалъ вездѣ Его Высочество.

Въ Октябрѣ я поѣхалъ уже съ А. Н. въ отпускъ; путешествіе было совершено на почтовыхъ въ знаменитомъ его тарантасѣ, который былъ знакомъ всѣмъ станціоннымъ смотрителямъ, и также часто ломался. Въ Москвѣ останавливались на Саввинскомъ подворьѣ у Пр. Викарія Леонида, съ которымъ я въ первый разъ увидѣлся, а самое главное для меня было представленіе Митрополиту Филарету, также въ первый разъ моей жизни, который съ такою любовію насъ принялъ и очень много разспрашивалъ меня про Андреевскую церковь, послѣ ея праздцнества. Интересовался онъ всѣми работами,— говорилъ, не увлекся ли А. Н. лишнею наружною позолотою орнаментовъ и капителей. Читая письмо А. Н. къ Константинопольскому Патріарху Григорію, Владыка мимоходомъ замѣтилъ, что А. Н. умѣетъ писать заочныя рекомендаціи, такъ какъ въ этомъ письмѣ упоминалось о немъ; тутъ же мною было прочитано нѣсколько писемъ А. Н. по Восточнымъ дѣламъ. По просьбѣ нашей Владыка показалъ намъ Царскій подарокъ въ его 50-ти-лѣтній юбилей. По-

томъ мы ѣздили въ Сергіеву Лавру и останавливались въ комнатахъ Митрополита; здѣсь я познакомился съ Намѣстникомъ Архимандритомъ Антоніемъ, а на обратномъ пути опять заѣзжали вмѣстѣ къ Владыкѣ, и онъ благословилъ меня образомъ Пр. Сергія, такъ какъ я раньше А. Н. уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а именно 24 Октября.

Погостивши у родныхъ и ежедневно видѣвшись съ А. Н., въ Ноябрѣ я собирался въ обратный путь, какъ 19 числа получена была телеграмма о кончинѣ Московскаго Митрополита Филарета. Трудно передать то впечатлѣніе, которое произвело печальное извѣстіе на всѣхъ насъ, собравшихся къ А. Н. на Троицкое подворье. Мы провели весь день въ тяжело-грустномъ настроеніи Съ кончиною Владыки и судьба А. Н. измѣнялась; ему предстояло окончательное переселеніе въ Кіевъ, такъ какъ подворье слѣдовало очистить для преемника Московскаго Митрополита. Вечеромъ А. Н. отыскалъ письмо усопшаго, написанное къ нему въ сороковыхъ годахъ, при путешествіи его въ Римъ и прочиталъ въ слухъ: мы всѣ заплакали; такъ много оно содержало въ себѣ чувствъ —Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Кіевъ, а А. Н. отправился въ недавно оставленную Москву на погребеніе Святителя, съ которымъ въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, доказательствомъ чему служитъ напечатанная имъ переписка.

По пріѣздѣ я получилъ письмо отъ А. Н. изъ Москвы, которое здѣсь помѣщаю, также какъ и цѣлый рядъ послѣдующихъ до переселенія его въ Кіевъ писемъ.

Москва. 25 Ноября 1867.

«Трудно мнѣ высказать, любезный другъ, какъ мнѣ пусто и тоскливо въ Москвѣ, послѣ того утѣшенія, котораго свидѣтелемъ ты былъ самъ. Утѣшительна только одна любовь Преосв. Леонида. Мы съ нимъ встрѣтились впервые у воротъ Саввинскаго подворья, когда съ церемоніей несли мимо тѣло Владыки и, не смотря на его облаченіе, бросились другъ другу въ объятія Я только что пріѣхалъ съ машины и пошелъ за гробомъ до Кремля. Шествіе было умилительное и великолѣпное отъ массы духовенства и народа. Въ Чудовъ монастырь можно только войти приступомъ, даже ночью; вчера мы едва могли выйти съ Пр. Леонидомъ послѣ панихиды. Сегодня было отпѣваніе торжественное, свыше всякаго слова. Я выстоялъ пять часовъ и нога моя такъ опухла, что лежу. Не знаю, какъ завтра, на выносѣ изъ Кремля въ Лавру, выстою обѣдню. А надобно ѣхать и въ Лавру на встрѣчу и тамъ быть при погребеніи во вторникъ. Едва ли успѣю воротиться въ Петербургъ на свои имянины, а мнѣ нуженъ отдыхъ, потому что нога моя не вынесетъ такихъ трудовъ. Боюсь заболѣть. Но можетъ случиться, что вмѣсто отдыха меня погонятъ съ подворья; еще неизвѣстно кто преемникъ. Поговариваютъ и о нашемъ. Но мнѣ отъ этаго не легче. Страшный переломъ произошелъ въ моей жизни и рѣшительно все пошло подъ гору, такъ что я можетъ быть потеряю свою энергію. Не пишу тебѣ теперь много, потому что право не въ духѣ. Когда возвращусь въ Питеръ—напишу. Кланяйся отъ меня П. Ѳ. и супругѣ его и скажи, что я уже не то, что былъ. Кланяйся Копьевымъ

и Афанасьевымъ; Княгиню [1]) поздравь съ имянинами. Хотѣлъ ей писать, но не въ силахъ. Прости, обнимаю тебя».

С. П. Б. 8 Декабря.

«Спѣшу отвѣчать тебѣ, милый саперикъ, котораго очень люблю и въ шпорахъ и безъ шпоръ, и болѣе нежели ты думаешъ, въ это послѣднее время особенно. Слава Богу, что ты доѣхалъ добрымъ до дома, а я воротился полубольной и было очень захворалъ, но теперь поправился и мнѣ лучше; я писалъ по возвращеніи П. Ѳ., а ты получилъ ли мое письмо изъ Москвы? Надѣюсь, что теперь все будетъ въ порядкѣ дома; возьми денегъ у жильцевъ, но если крайность, напиши мнѣ и пришли счетъ, что исхарчили. Спасибо за размѣры картины, я закажу ее. У насъ еще нѣтъ рѣшенія о преемникѣ Владыки; кажется будетъ Камчатскій, и это былъ бы лучшій выборъ. Хотѣлось бы мнѣ удержать квартиру до весны, но еще не знаю, все зависитъ отъ выбора. Мебель перебиваю всю и подготовляю къ отправленію весной. Какъ то ты терпишъ холодъ въ избѣ? нельзя ли во время холода перебраться къ сосѣдямъ; боюсь за твое здоровье; у насъ зима жестокая. Извини, что о деньгахъ не пишу пока.

Смерть Владыки меня также связала; вездѣ неудачи. Занимаюсь описаніемъ погребенія Владыки, не знаю удастся

[1]) В. С. Голицына.

ли? Прости, обнимаю тебя весьма *крѣпко*. Прошу кланяться П. Ѳ. и Афанасьевымъ.

Всѣ Безаки были у меня и отецъ и дѣти и зять. Кланяйся Свѣтланину [1]) и если крайность въ деньгахъ, то возьми у него».

31 Декабря.

«Съ старымъ годомъ и съ старымъ еще счастьемъ привѣтствую любезнаго саперика, а что новый еще принесетъ, не знаю; ничего хорошаго не ожидаю.

Вчера былъ у меня Г. Безакъ во всѣхъ регаліяхъ и такъ любезенъ, что привозилъ письмо мое о золотѣ и записывалъ, что нужно доложить Министру о остаткахъ суммъ. Я тутъ же говорилъ ему о Старостѣ и о Трехсвятительской церкви, и онъ велѣлъ прислать памятныя записки. Говорилъ и о В., но увы финансы ни какъ не соглашаются на такую пенсію. Кажется Г. Безакъ въ хорошемъ духѣ и къ намъ возвращается въ Генварѣ.

Увѣдомь меня гдѣ ты купилъ свои звонкія шпоры, потому что я долженъ былъ подарить такія же и не нашелъ. Попроси П. Ѳ. прислать мнѣ молитву Первозванному Апостолу, ибо та, что у меня была, осталась въ бумагахъ покойнаго Владыки.

Г. Безакъ сказалъ, что дѣло о Проск. кончено и онъ останется въ Кіевѣ. Позаботься о рабочихъ и объясни мнѣ, что за Дейбнеръ [2]) и для чего онъ къ намъ назначенъ? Хорошо, если бы Звѣревъ [3]) остался.

---

[1]) Бывшій смотритель делижансовъ.

[2]) и [3]) Воен. Инженеры.

Вотъ все, что имѣю тебѣ сказать новаго въ старый годъ, развѣ еще что очень тебя люблю и на новый, и что тебѣ не должно терять духа отъ рублевыхъ неудачь; конечно я буду стараться дѣлать все, что можно для тебя, по моимъ хорошимъ теперь отношеніямъ съ семействомъ Безакъ, которые всѣ ко мнѣ особенно внимательны. Прости, обнимаю тебя крѣпко и искренно по коннопіонерному, а не по саперному. Кланяйся П. Ѳ. и супругѣ; Г. Копьеву и супругѣ; Афанасьевымъ со чады и пиши чаще искренно преданному тебѣ.

Сегодня вечеромъ у меня собираются на молитву ради будущаго года».

3 Января 1868.

«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Кажется, любезный другъ не можетъ меня упрекнуть въ молчаніи. Пишу два раза въ недѣлю, ажъ пальцы болятъ Жалованье выслалъ и источникъ доходовъ указалъ въ балладѣ Свѣтланѣ, а если же будешъ кричать караулъ, то пришлю малую толику, хотя у самого не много. Ужасно, что все стало дорого въ Кіевѣ.

Теперь напишу тебѣ о дѣлахъ: мнѣ кажется, нельзя рѣшить о работникахъ безъ П , такъ какъ онъ теперь остается, а Звѣревъ уѣдетъ; можетъ выйти изъ этаго ссора, и такъ рѣшите это вмѣстѣ. Касательно позолоты надобно знать, много ли уступитъ Діаконъ и при томъ имѣетъ ли онъ средства для матеріаловъ; иначе намъ придется выдавать ему деньги впередъ безъ всякаго руча-

тельства. Имѣй это въ виду и дай мнѣ отвѣтъ по общему мнѣнію Комитета. А между тѣмъ, да будетъ вамъ извѣстно, что я выпросилъ у Граф. Шереметевой еще 110 р. на картину, и такимъ образомъ церковь ничего не должна будетъ за нее платить.

Вчера С. И. Мальцевъ объявилъ мнѣ, что онъ заказалъ уже оба чугунные иконостаса въ пещерную церковь и дѣлаетъ ихъ *даромъ*; весной они придутъ по Деснѣ. Только вѣроятно ты сдѣлалъ ошибку въ размѣрахъ, потому что онъ увѣряетъ, что въ боковыхъ дверяхъ назначено только 2 ар. 6 вершковъ высоты и онъ отъ себя уже сдѣлалъ въ 2 ар. 10 верш. Кажется, тутъ будутъ хлопоты съ размѣрами иконъ, но дѣлать нечего: можетъ быть придется ихъ переписать на мѣди, а этотъ подарокъ Мальцева стоитъ 500 р., кромѣ провоза; онъ весь сквозной; дай Богъ, чтобы удался. Прости, обнимаю тебя и прошу всѣмъ кланяться; остаюсь душевно тебѣ преданный».

10 Января.

«Поспѣшаю отвѣчать на письмо милому саперику безъ шпоръ, (ибо никогда не рисуетъ ихъ на концѣ) и прошу доставить письмо Зальца. О П. Ѳ-чѣ поѣду ворожить съ его письмомъ къ Д. и дамъ отвѣтъ. Не знаю только, что сказать по Комитету о рабочихъ. Не прогуляйте дорогаго времени для ихъ найма, чтобы потомъ не плакать, а П. все будетъ обѣщать. Употреби на это В. и саперъ имѣй въ виду; переговори съ вашимъ Бригаднымъ. А Звѣреву я уже писалъ. О золотѣ дѣло пошло въ дальній

ящикъ. Г. Безакъ докладывалъ Министру Валуеву, а тотъ передалъ мою записку Батюшкову; не знаю чѣмъ кончится; надобно опять хлопотать.

Назначенъ въ Москву Митрополитомъ Иннокентій Камчатскій, чему я очень радъ, ибо это лучшій выборъ. Пріѣдетъ онъ вѣроятно къ Пасхѣ, а я послѣ Пасхи отсюда ускользну, чтобы уже не возвращаться въ холодный Питеръ для *теплаго* Кіева.

Чувствую, что нужна мнѣ сія перемѣна; стара стала, глупа стала, какъ говорятъ башкиры, и готовлюсь къ сей радикальной для меня перемѣнѣ.

Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно преданный.

Кланяйся и поздравъ съ новолѣтіемъ всѣхъ присныхъ Кіевлянъ, начиная съ Десятиннаго переулка и такъ по дорогѣ».

12 Января.

«Отвѣчаю немедленно на твои проекты условій, любезный членъ правитель. Я ихъ прочелъ случившемуся у меня старшему брату Санникова, и онъ мнѣ замѣтилъ, что задатки выдаются по правиламъ только на $^1/_4$ часть, а не на $^1/_3$. Говорилъ также, что лучше имѣть дѣло съ знакомымъ подрядчикомъ, чѣмъ принимать въ конкуренцію незнакомыхъ, и что надобно быть весьма осторожнымъ съ залогами. Отсюда мнѣ трудно рѣшать дѣло; вамъ виднѣе. Твои замѣчанія о дороговизнѣ плотниковъ и каменьщиковъ справедливы. Вотъ все, что могу сказать. Боюсь, что намъ мало останется на церковь. А какъ ты

сдѣлалъ съ возвращенынымъ отчетомъ? Прости, обнимаю тебя».

18 Января.

«Милый саперикъ! Обнимаю тебя крѣпко и прошу также неиначе и меня любить. Назначеніе Пр. Иннокентія очень меня порадовало, но ни сколько не измѣнило плановъ скораго переселенія въ Кіевъ, въ Апрѣлѣ. Уже о. экономъ поговариваетъ, что надобно полы и печи передѣлывать, но, разумѣется, я раньше весны не выѣду. Хорошо, что вы хлопочете о позолотѣ царскихъ вратъ и о церкви вообще. Прилагаю письмо къ Проск. для его возбужденія, но вы дѣйствуйте съ В., чтобы не терять времени. Г. Безакъ уѣзжаетъ 21; неизвѣстно, кто будетъ на мѣстѣ Э. Губернаторомъ. Новостей особенныхъ нѣтъ по Кіеву. Отъ П. Ѳ. получилъ вчера письмо; кланяйся и скажи, чтобы не совѣстился о своихъ порученіяхъ; кажется, мы люди свои. Пожалуста распоряжайся всѣми дѣлами, какъ знаешъ лучше, потому что я почитаю Михаила Осиповича очень близкимъ своимъ *роднымъ*, и желаю во всемъ ему угодить, какъ очень милому и умному юношѣ. Только прошу никогда на меня не дуться и не прикидываться старымъ генераломъ. Прости, обнимаю тебя крѣпко».

20 Января.

«Пишу и я тебѣ въ догонку любезный саперикъ, за всѣми моими письмами и даже за г. Безакомъ, который

сегодня къ вамъ поѣхалъ, (а Губернаторомъ къ вамъ назначенъ М. К. Катакази, служившій въ Одессѣ). Я пишу тебѣ почти всякій день, такъ что я думаю уже тебѣ надоѣлъ, а все дѣловъ много. Все, что вы придумали въ Комитетѣ, весьма хорошо. Діакону можно отдать наружную позолоту, а Шатрову царскія двери и знаменникъ — Не поздравляй меня еще помѣщикомъ Мурликійскимъ; еще нѣтъ на это Султанскаго фирмана, да и когда то разростутся, въ оградѣ церковной апельсины (въ коихъ вѣроятно полагаютъ, что я больше знаю толкъ).

Ты счастливѣе меня на сновидѣнія; а я до сихъ поръ еще не видалъ Владыки во снѣ. Значитъ у тебя премудрость въ головѣ и будешъ великій человѣкъ; насъ тогда не забудьте.

Контрактовыхъ бумагъ и конвертовъ ожидаю въ подарокъ отъ тебя. Прости, обнимаю крѣпко».

24 Января.

«Спѣшу отвѣчать по всѣмъ пунктамъ кавалеристу въ звонкихъ шпорахъ. Мнѣ очень больно, что ты сомнѣваешься, будто я не отвѣчалъ на одну твою просьбу, когда я рѣшительно на всѣ отвѣтилъ. Ты знаешъ, что я теперь совершенно у тебя въ рукахъ и исполняю всѣ твои приказанія, ибо ты въ самыхъ первыхъ №. О службѣ твоей я уже писалъ, что позабочусь въ Кіевѣ и не дамъ тебѣ уйти отъ насъ. Повѣрьте, что во всемъ останетесь нами довольны, только будьте къ намъ милостивы.

Отъ чего ты думаешъ, что Преосв. Иннокентій такъ старъ? онъ еще бодрый и за себя постоитъ лучше дру-

гихъ. Онъ прослужилъ довольно для пользы Церкви. К. кланяйся и скажи, что они могутъ спокойно у меня оставаться до Сентября. Жалѣю, что ты опять вытерпѣлъ въ избѣ. Надѣюсь, что въ будущую зиму у меня не будешъ мерзнуть, и что ты звономъ шпоръ будешъ оживлять по кавалерiйски мои залы, ибо я тебя не отпущу никуда, слышите ли сударь, никуда?... Прости, обнимаю тебя крѣпко и остаюсь душевно преданный».

1 Февраля.

«Ты такая умница, милый саперикъ, что мнѣ остается только разцѣловать тебя за всѣ твои распоряженiя по Комитету и хозяйству, которые бы безъ тебя пропали въ Кiевѣ. Спасибо, что двинулъ П. Хорошо, что и цѣну сбавилъ. Не взять ли саперовъ человѣкъ пять, чтобы плести ограду, пока не засохъ хворостъ; впрочемъ какъ знаешъ, вѣрю твоей премудрости.

Г. Эйлеру дали землю. Г. Катакази хотѣлъ у меня быть, а Попечитель А. уже былъ. Хорошо если бы и мнѣ дали землю за Самарскую, которую все еще не могу выручить и потому теперь покамѣсть деньжатъ не проси, надобно думать и о подъемѣ, который за одни вещи стоитъ 700 р. Уфъ! да еще и мнѣ надобно подняться, а уже начали тревожить. Прошу вымѣрить высоту и ширину стѣнъ въ большой гостинной для соображенiя о мебели.

Прости обнимаю тебя и не пишу много, ибо усталъ писать все утро на Востокъ и Западъ».

4 Февраля.

«Я думаю, что уже надоѣлъ милому шпорику своими письмами, только что не всякій день, но дѣловъ много, и оставлять безъ отвѣта не могу, а только цѣлую ручки за всѣ умныя распоряженія; просто золотцо саперикъ!

Не забудь однако переговорить о участкѣ земли съ Хорватомъ и нанять по условію непремѣнно, пока есть контракты. О. П. справлюсь въ Министерствѣ и о нашихъ Старостѣ и Ктиторѣ. Пишу мало, ибо тороплюсь ужасно на почту, а времени мало. Обнимаю тебя крѣпко и даже уважаю очень за распорядительность, умъ и ловкость.

Фонъ-Санникова поздравъ съ дочкой, эполетами и землею».

8 Февраля.

«Съ честною масляницею!

Бѣдный саперикъ! какъ это тебя бурею чуть въ трубу не вынесло; впрочемъ кіевскія вѣдьмы всегда на помелахъ лѣтаютъ. Слава Богу, что крыша уцѣлѣла, но плохо, что деревья померзли. Спасибо, что уладилъ дѣло о деньгахъ. Отпускать тебя изъ Кіева не хочу для того, чтобы постараться помѣстить гдѣ либо въ Кіевѣ, если Богъ поможетъ.

Прости, хотѣлъ было еще писать тебѣ и П. Ѳ., но кавалеристы прискакали ѣздить верхомъ, благо сегодня честная масляница. Обнимаю тебя крѣпко».

13 Февраля.

«Съ великимъ постомъ привѣтствую милаго саперика въ шпорахъ и прошу простить, въ чемъ согрѣшилъ. Теперь буду умница, никогда не буду обижать сиротку. А у меня теперь своихъ дѣловъ предстоитъ множество; надобно помышлять постомъ о переселеніи, а это одно стоить будетъ 700 р. Такъ ахнешъ! Но мебель купить въ Кіевѣ еще дороже, да и свою не хочется бросать; авось Богъ поможетъ!

Теперь П. спокоенъ на счетъ себя, я ему выхлопоталъ переводъ обратный; пусть же для насъ хлопочетъ вѣрою и правдою. Скажи ему это, а послѣ и утвердятъ въ званіи Губ. Инженера въ Кіевѣ.

Староста все плачетъ о мендали, а я тормошу Б.; все обѣщаетъ, а толку мало. Не все здѣсь такъ легко дѣлать, какъ у васъ полагаютъ. Я кажись дѣятеленъ и связи большія имѣю, а все не удается. Прости кланяйся всему Десятинному переулку отъ моего фонаря и до фонаря Афанасьевыхъ и Копьевымъ. Обнимаю тебя крѣпко и очепно люблю».

15 Февраля.

«Посылаю любезному кавалеристу по 10 экзем. описанія кончины Владыки Филарета и жизни Иннокентія, съ нынѣшней почтой; роздай оные такъ: 1-нъ себѣ, 2-й П. Ѳ., 3-й Ректору, 4-й Викарію, 5-й Крамареву, 6-й Княгинѣ, 7-й Намѣстнику, 8-й Игуменьи и два оставь для

запаса. Видите ли, что мы васъ помнимъ. По твоему дѣлу я писалъ, но лично дѣйствовать лучше, а если бы и прикомандировали, какъ бы ты сдѣлалъ съ Комитетомъ при твоихъ частыхъ отлучкахъ?

Пишу не много, ибо спѣшу въ церковь, яко говѣющій. Прости, обнимаю тебя крѣпко и прошу не сомнѣваться, что люблю тебя очень и все готовъ дѣлать, что могу для тебя».

20 Февраля.

«Любезный шпорикъ (сокращенное саперикъ), я все исполнилъ, что ты мнѣ приказалъ, ибо страшно боюсь тебя прогнѣвать. Сегодня писалъ трогательное о тебѣ письмо, гдѣ все высказалъ, что только могъ о твоихъ добродѣтеляхъ; не знаю будетъ ли успѣхъ, но ты долженъ бы за это меня крѣпко обнять и поцѣловать.

Спасибо за всѣ распоряженія по Комитету и хозяйству, но смотри, выдавая впередъ деньги не запутайся при составленіи отчета.—Страшны ваши Кіевскіе пожары безъ водопроводовъ особенно на Старомъ городѣ и въ Липкахъ. Это бы первая вещь, какую необходимо устроить, и жаль, что Г. Анненковъ не исполнилъ свой проектъ, особенно теперь при желѣзныхъ дорогахъ. Прости, кланяйся всѣмъ головастикамъ» [1].

24 Февраля.

«Спѣшу отвѣчать любезному шпорику и благодарить за поздравленіе со всѣми головастиками. Меня очень тре-

[1]) Такъ называлъ А. Н. дѣтей II Ѳ

вожитъ запросъ изъ Контроля; мы никогда не предполагали ни какой смѣты, да и нельзя было сдѣлать и даже приблизительно, потому что необходимость работъ открывалась постепенно, да и Комитетъ для того собственно былъ составленъ, чтобы распоряжаться хозяйственно и въ бумагахъ, при его назначеніи, ничего не упомянуто о смѣтѣ. Я думаю, что вамъ надобно представить въ Контроль общій отчетъ всѣхъ работъ по храму, объяснивъ всѣ сіи причины. Прощай, обнимаю тебя крѣпко».

25 Февраля.

«Любезный шпорикъ.

Вчера былъ у меня Г. Мельниковъ и я говорилъ ему о требуемой отъ насъ смѣты; онъ мнѣ сказалъ, что мы отъ нея ни какъ не отдѣлаемся, если не въ Кіевѣ, то здѣсь, и потому лучше отдѣлаться отъ контролеровъ Кіевскихъ; для этаго онъ совѣтовалъ составить исполнительную смѣту по дѣйствительному производству работъ. Это можетъ составить капитанъ Проскуряковъ. Я благодарилъ за него Генерала; онъ мнѣ отвѣчалъ: мы для Васъ это сдѣлали и потому Г. Проскуряковъ долженъ особенно трудиться, а я лѣтомъ самъ буду осматривать ваши работы. Пожалуста передай ему это все, а касательно его утвержденія, то это будетъ сдѣлано переименованіе въ штабъ-офицерское званіе.

Теперь поворожи для меня, только не оглашай ни кому, напаче изъ сосѣдей. Меня уговорилъ Б. хлопотать для себя о участкѣ земли въ Кіевѣ и я написалъ о томъ Генералу Зеленому, который принялъ это весьма хорошо

и обѣщалъ объ этомъ доложить, но сказалъ, что необходимо прежде обратиться къ Ген. Безакъ, что я и сдѣлалъ вчера, пославъ ему копію съ письма Г. Зеленому и отзывъ его. Поговори объ этомъ съ С. и увѣдомь нѣтъ ли этому противурѣчія.

Прости, что не могу писать сегодня больше, потому что мѣшаютъ добрые люди. Кланяйся всѣмъ, обнимаю тебя крѣпко».

4 Марта.

«Милый шпорикъ! Отвѣчаю по пунктамъ. Генералу Безаку буду отвѣчать, посовѣтовавшись съ Б., тѣмъ болѣе, что теперь новый Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Т., нѣкогда бывшій мой пріятель, но какъ всѣ старые пріятели и генералы (въ томъ числѣ будетъ и саперикъ), меня забывшій. Протяну дѣло до моего возвращенія въ Кіевъ.

Митрополитъ отвѣчалъ, что послѣ перваго отказа, уже не хочетъ вступаться въ Межигорье, (видно и деньжатъ нѣтъ). Жалѣю, что адъютантство твое не состоялось, когда пріѣду, самъ хлопотать буду, ибо ты знаешъ, что я весь вамъ принадлежу и вѣрный рабъ.

Картина у гр. Шереметева уже пишется въ двѣ руки и будетъ великолѣпная. Когда будешъ отдѣлывать Царское мѣсто въ церкви, утверди сверху корону и драпировку около нее какъ слѣдуетъ, чтобы было благолѣпно.

Ты пугаешь домомъ, что надобно его исправлять; развѣ одни лишь полы да стѣны покрасить, и кухню исправить.

Княгинѣ Голицыной я писалъ недавно, но сынъ ся

очень плохъ и едва ли подымется. Прости, обнимаю тебя, кланяйся Копьевымъ, Афанасьевымъ и П. Ѳ. съ домочадцами. Кажется, не лѣнюсь писать; остаюсь душевно тебѣ преданный».

16 Марта.

«Шпорикъ, а не саперикъ, какъ назвалъ, такъ и называйся; поспѣшаю отвѣчать милому хлопцу на заданные пункты.

О Самарской землѣ еще ничего не знаю, потому что Министръ Финансовъ лично обѣщалъ мнѣ испросить дозволенiе передать дѣло въ Комитетъ Министровъ, но доселѣ отвѣта не имѣется отъ него.

О Кіевской землѣ я радъ, что узналъ отъ тебя и получилъ мое письмо Г. Безакъ, а я думалъ, что пропало. Приставать не буду: что хотятъ, пусть то и робятъ. Чайные слухи всѣ несправедливы и имъ никогда не вѣрь. О себѣ я уже писалъ, что полагаю выѣхать по первой трубѣ, когда будутъ коровушекъ въ поле выгонять, а вы продолжайте также благоразумно дѣйствовать по Комитету. Княгинѣ буду на дняхъ писать, ибо не знаю, что и сказать въ ея горѣ. Обнимаю тебя».

23 Марта.

«Скажи мнѣ *откровенно*, любезный саперикъ, какъ мнѣ быть? Вчера прiѣхалъ изъ Москвы князь Шаховской и говоритъ, что Пр. Леонидъ умоляетъ меня дождаться

Митрополита Иннокентія, чтобы съ нимъ познакомить. О томъ же проситъ и Намѣстникъ Лавры и даже здѣсь Митрополитъ Арсеній; а между тѣмъ я не знаю, когда пріѣдетъ новый Владыка. Хочу ему телеграфировать завтра и спросить навѣрное, ибо мнѣ онъ только телеграфировалъ, что будетъ колеснымъ путемъ и потому я могу теперь распоряжаться его квартирой. Знаю, что и ему хочется меня видѣть и мнѣ также и даже полезно, но боюсь Комитета и вашихъ дѣловъ.

И такъ спроси Комитетъ, не можетъ ли онъ мнѣ дать отсрочку, и нуженъ ли я при началѣ работъ для коихъ вы конечно пригласите Людвига [1]), чтобы заложить первый ровъ. А я между тѣмъ, получивъ отвѣтъ изъ Иркутска, сообщу вамъ. Хорошо бы если бы Владыка пріѣхалъ въ половинѣ Мая; мнѣ и самому не хочется здѣсь заживаться; такъ и тянетъ въ Кіевъ, съ началомъ весны. Боюсь только, какъ бы не задержалъ меня пріѣздъ Владыки. Онъ проводитъ Пасху въ Иркутскѣ, но не знаю, позволятъ ли рѣки скоро выѣхать ему. Прости, кланяйся Копьевымъ и Афанасьевымъ; обнимаю тебя крѣпко, такъ что маленькаго шпорика и задушить можно».

28 Марта.

«Сегодня я пріобщался, любезный саперикъ и вѣроятно ты также, и потому я пишу тебѣ только нѣсколько словъ, обнимаю и поздравляю. Сейчасъ я получилъ телеграмму изъ Иркутска отъ Митрополита Иннокентія, но та-

---

[1]) Инженеръ Стат. Сов

кую неопредѣленную, въ отвѣтъ на мой вопросъ скоро ли онъ будетъ, что по ней ничего нельзя узнать, и потому я, кажется, рѣшусь выѣхать, какъ предполагалъ прежде, 1-го Мая изъ Москвы, если не получу отъ него письма. Ожидаю и отъ васъ милостивой резолюціи: до какого срока позволяете мнѣ замедлить. Праздникъ думаю встрѣтить въ Сергіевской пустыни. Теперь же безпрестанно меня прерываютъ. Прости, кланяйся всѣмъ».

29 Марта.

«Вчера писалъ и сегодня опять: просто разоренье, но спѣшу отвѣчать на твое письмо и успокоить П.; что касается до смѣты церковной, то можетъ быть ему надо будетъ выдать деньги для уплаты писцу, оттого и медлитъ. Очень меня безпокоитъ трещина на терассѣ: какъ бы не оборвалось много земли. Ты мнѣ ни слова не пишешъ о здоровьѣ Софьи Ивановны и ея семейства, а о Берейторѣ похлопочи у Чешихина [1]) или Караваева [2]). Кто же теперь ѣздитъ на лошадяхъ?

Княгинѣ Голицыной я писалъ. Отчего такъ безпокоятся Копьевы; еще цѣлое лѣто впереди; теперь они дорожатъ домомъ.

Я тебя увѣдомлю, когда рѣшусь выѣхать и тогда можно будетъ нанять повара. Прости, обнимаю тебя».

---

[1]) и [2]) Доктора.

2 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

«Обнимаю, цѣлую и привѣтствую съ праздникомъ милаго шпорика и весь околодокъ, коему теперь писать не имѣю время. А вотъ тебѣ мѣра новой картины, изображающей Св. Владиміра избирающаго вѣру: вышина 4 ар., ширина 4 ар. 6 вер. Если мѣсто тѣсно, то можно на вершокъ убавить. Картина не потеряетъ, а лучше бы такъ. Закажи раму, чтобы не терять время; что значитъ, что Царское мѣсто не готово.

Пасху я встрѣтилъ по обыкновенію въ Сергіевой пустыни и уже въ послѣдній разъ. Тяжело со всѣми прощаться; ни кто не вѣритъ моему переселенію и мнѣ бы хотѣлось такъ уѣхать, чтобы ни кто не зналъ и чтобы не было кукушкиныхъ слезъ. Меня какъ будто отпѣваютъ заживо, а уѣхать надобно и желательно ни когда сюда не возвращаться. Довольно! пора и честь знать. Тяжки мнѣ будутъ эти три недѣли. Благодарю тебя за всѣ твои весьма дѣльныя распоряженія; дѣйствительно ты настоящій шпорикъ—саперикъ, и безъ твоихъ шпоръ все бы стало по саперной части и по хозяйству.

Но меня очень безпокоитъ болѣзнь Берейтора; что говоритъ Чешихинъ?—Сегодня обѣдаю съ Деляновымъ и разспрошу еще о П. Ѳ. и завтра ему напишу. Сегодня ѣду въ тюрьму христосоваться съ арестантами, а потомъ съ визитами къ высокимъ міра сего. Успокой Генералитетъ, еще времени довольно искать фатеру. Поздравь Княгиню и Афанасьевыхъ. Ларіоновъ [1]) прислалъ письмо

---

[1]) Саперный Капитанъ.

и я буду чрезъ тебя отвѣчать. Теперь жду съ нетерпѣніемъ твоихъ писемъ. Обнимаю крѣпко по берейторски.

Увѣдомь Вышгородскаго Священника, что я его просьбу о прощеніи денегъ передалъ Г. Зеленому и просилъ Товарища его хлопотать о семъ, что онъ и обѣщалъ».

7 Апрѣля.

«Меня беретъ большое раздумье, любезный шпорикъ, о моемъ отъѣздѣ; хотѣлось бы видѣть Преосв. Иннокентія, но онъ такъ неопредѣленно отвѣтилъ на мою телеграмму, что нельзя угадать времени его пріѣзда. Писалъ только, что выѣдетъ 20 Апрѣля; это можетъ продлиться и до конца Мая, и тогда уже будетъ не ловко уѣзжать изъ Москвы, а я боюсь опоздать золотомъ и кредитомъ, да и работы меня безпокоятъ, если цѣлый Май пройдетъ безъ меня. И такъ, кажется, я рѣшусь выѣхать отсюда 23 Апрѣля и пріѣхать 1-го Мая.

Я ожидалъ также отвѣта и о Самарской землѣ, ибо дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ и авось рѣшится благопріятно до моего отъѣзда. Къ Г. Тимашеву на дняхъ поѣду. Пугаетъ меня дороговизна хлѣба и мяса; придется голодать. Съ Митрополитомъ на праздникахъ не встрѣчался. Жаль Крамарева [1]; я ему писалъ. Сегодня у насъ храмовой праздникъ въ тюрьмѣ, гдѣ я въ послѣдній разъ присутствую послѣ 22-хъ-лѣтняго управленія тюрьмою. Пора и честь знать. Вчера былъ у меня

[1]) Каѳедральн. Протоіерей.

сынъ Г. Безакъ, и я говорилъ о тебѣ, что стыдно будетъ, если онъ тебя не возьметъ къ себѣ. Вѣроятно и онъ ему намекнетъ о томъ. Кажется, слишкомъ подличаю предъ вами.

Пиши скорѣе и кланяйся всѣмъ».

8 Апрѣля.

«Ты какъ громомъ сразилъ меня вѣстью о новомъ провалѣ, милый шпорикъ, и задалъ такія шпоры, что я рѣшаюсь не отлагать далѣе моего отъѣзда и выѣхать 22 отсюда; такъ что надѣюсь 4 Мая, если все благополучно, крѣпко тебя обнять въ Кіевѣ. Въ Москвѣ мнѣ необходимо пробыть недѣлю по своимъ дѣламъ, а Митрополита ждать не буду. И такъ я теперь вашъ и навсегда *твой* въ особенности, ибо ты такъ мило и умно дѣйствуешъ, что совершенно мною овладѣлъ. Пиши мнѣ еще сюда; два письма могутъ дойти, а потомъ одно въ Москву до 1 Мая. У насъ погода великолѣпная, отчего же у васъ бури?

Хорошо впрочемъ, что провалъ открылся во время и можно приступить къ его укрѣпленію въ то же время какъ и на правой сторонѣ, ибо опасность таже. Представили-ль наконецъ смѣту церковную? Побывай у Губернатора и попроси арестантовъ отъ моего имени. Не дай заснуть П. и употреби въ дѣло В. Прежде всего пригласите Людвига на это разрушеніе Карѳагенъ, чтобы далъ совѣтъ.

Прости, обнимаю тебя крѣпко и прошу кланяться П. Ѳ. и поблагодари Княгиню. Душевно преданный».

10 Апрѣля.

Милый шпорикъ! была у меня опять дочь купца Жолобова (сирѣчь) П. и просила отъ имени тятеньки, чтобы я выдалъ ей сто руб. Я отвѣчалъ, что радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, потому я самъ безъ денегъ укладываюсь въ дорогу, и что я напишу въ Кіевъ, чтобы тамъ выдали. И такъ сдѣлай милость поспѣши ихъ выдать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя новыхъ извѣстій о провалѣ. Дѣло мое о Самарской землѣ идетъ хорошо и рѣшится вѣроятно въ нашу пользу, ибо Министръ Финансовъ согласился, чтобы прежде были удовлетворены частные долги, а потомъ уже казенный.

Въ воскресенье поѣду прощаться съ Митрополитомъ Арсеніемъ. Во вторникъ пріѣдетъ ко мнѣ изъ Москвы Вагнеръ [1]), чтобы укладывать вещи. Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно тебѣ преданный».

15 Апрѣля.

«Оторвавъ по экономіи полъ листика отъ письма твоего брата, пишу тебѣ на этомъ листкѣ, любезный шпорикъ, чтобы увѣдомить, что я вчера говорилъ съ тятенькой о твоемъ братѣ, которому, скрѣпя сердце, уже онъ послалъ свое благословеніе, и я также ему написалъ отъ себя мой привѣтъ.

Вчера былъ я у Митрополита, который весьма бы желалъ меня имѣть въ Сvнодѣ.

---

[1]) Андрей Андреевичъ Д. С. Сов.

Былъ я потомъ у Министра Внутр. Дѣлъ Тимашева, который принялъ меня съ особенною любовію и упреками, что я его забылъ; обѣщалъ все сдѣлать, что можно для церкви и чтобы я ему писалъ формально и частно касательно остатковъ и ремонта. Я тутъ же ему далъ памятную записку о мендали для Старосты и объ утвержденіи П., о чемъ вчера просилъ и его Министра. Надѣюсь, что это все будетъ сдѣлано.

Прости, обнимаю тебя».

20 Апрѣля.

«Пишу нѣсколько словъ милому шпорику, чтобы только сказать до свиданья, ибо *послѣ завтра* выѣзжаю.

Вагнеръ пріѣхалъ изъ Москвы и будетъ послѣ меня укладывать вещи. Розенблатъ [1]) разбираетъ и жжетъ бумаги. Вчера былъ у Великой Княгини Елены Павловны и у Потемкиныхъ. Грустно думать, что не увидемся, и недѣлю всю крѣпиться душею при прощаніи, также и съ Лазаревыми [2]), которые ко мнѣ хороши. Вчера получилъ твое письмо отъ 13-го, спасибо за всѣ распоряженія. Изъ Москвы тебѣ еще напишу, а поѣду опять на Довскъ. Прости, кланяйся всѣмъ, цѣлую крѣпко».

Москва. 25 Апрѣля.

«Вотъ я уже и въ Москвѣ, любезный шпорикъ, и 1-го Мая собираюсь выѣхать въ Кіевъ. Не могу тебѣ

---

[1]) Берейторъ.
[2]) Христоф. Акимов.

высказать, что мнѣ стоило прощаніе со всѣми моими пріятелями въ Петербургѣ, особенно на желѣзной дорогѣ, куда всѣ собрались провожать; я былъ радъ, когда тронулся поѣздъ, чтобы остаться одному. Теперь въ Москвѣ уже легче, но все еще много прощанья. О золотѣ справлюсь завтра, чтобы взять его съ собой; жду Архимандрита изъ Угрѣшъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ принять золото.

Надѣюсь, если благополучна дорога, то 4-го буду у васъ. Кланяйся всѣмъ, а теперь писать болѣе нѣкогда. У насъ здѣсь весна, но дорога, говорятъ, ужасная; я долженъ опять ѣхать на Довскъ, ибо на пружинѣ Г. Мельниковъ не везетъ.

Прости, обнимаю тебя крѣпко».

Въ Маѣ 1868 года А. Н. окончательно переѣхалъ въ Кіевъ, чтобы уже не возвращаться, а Генералъ Копьевъ, въ половинѣ лѣта, очистилъ большой домъ и перебрался на другую квартиру. Работы по укрѣпленію Андреевской горы шли въ полномъ разгарѣ. Ежедневно однихъ землекоповъ было до 80-ти и больше человѣкъ, не считая плотниковъ приготовлявшихъ рамы изъ бревенъ. Намъ удалось перехватить всѣ родники, угрожавшіе церковному холму и свести въ одно мѣсто посредствомъ водопріемниковъ. Мы углубились до самаго крѣпкаго слоя пестрой глины и наши упоры изъ брусьевъ были въ нѣсколько ярусовъ, такъ что сидя на днѣ приходилось кричать: ау! когда А. Н. показывался на вершинѣ. Началась забота и

по приспособленію большаго дома, который отъ начала постройки не имѣлъ серьезнаго ремонта. Пришлось мнѣ ломать всѣ печи и полы; затѣмъ бѣлить потолки и красить полы, а потомъ оклеивать обоями; всѣми этими работами занимался я лично, безъ участія А. Н., во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ матеріальномъ. Когда привезли его вещи въ 44-хъ ящикахъ, то я уплатилъ часть денегъ за доставку и затѣмъ откупоривши нѣкоторыя изъ нихъ, сложилъ въ двухъ комнатахъ. Въ Августѣ, во время кипучей дѣятельности на работахъ и въ домѣ, А. Н. получилъ письмо изъ Св. горъ отъ Т. Б. Потемкиной съ приглашеніемъ навѣстить ее, можетъ быть въ послѣдній разъ; такъ оно и случилось. Долго колебался А. Н. и раздумывалъ, можно ли бросить все и ѣхать, когда такъ много дѣловъ,—наконецъ послушался моего совѣта и уѣхалъ, а я остался одинъ хозяйничать и приготовлять домъ къ его переселенію изъ хижины. На сколько сочувствовалъ А. Н. моей рѣшимости объ увольненіи его въ отпускъ какъ бы въ военное время, помѣщаю его письмо изъ Св. горъ:

Св. горы. 12 Авг. 1868 г.

«Если здѣсь и не совершенный рай, милый саперикъ, то нельзя сказать, чтобы это совсѣмъ не былъ рай; и такъ пусть это будетъ *не не рай*, а до настоящаго по грѣхамъ далеко.

Благодарю тебя очень, что ты меня сюда отпустилъ, хотя и трудно было на это рѣшиться, но теперь когда я уже здѣсь и наслаждаюсь чуднымъ воздухомъ и чудною

природой и пишу тебѣ это съ моего балкона, откуда не могу наглядѣться и на тихій Донецъ, и на мирную обитель тремя ярусами своихъ церквей подымающуюся по уступамъ скалъ, въ самой густой зелени лѣсистыхъ горъ, изъ которой выглядываютъ свѣтлые куполы съ ихъ золотыми крестами. Листъ не колыхнетъ, такая тишь въ воздухѣ, а мы къ этому не привыкли въ нашемъ Кіевѣ столь бурномъ вѣтрами. Нельзя сказать однако, чтобы безъ препятствій достигъ я Св. горъ, хотя и скоро совершилъ свой путь отъ Кременчуга, несясь по степу на Полтаву и Харьковъ въ тарантасѣ самолетѣ. Въ Полтавѣ, въ глухую полночь, не безъ шума открылись мнѣ желѣзные запоры бывшихъ Разумовскихъ палатъ, что нынѣ Архіерейскій домъ; а въ Харьковѣ чуть помеломъ не выгнали великаго человѣка съ подворья, куда пріѣхалъ къ всенощной проситься на ночь; хорошо, что призналъ Викарій, а то бы бѣжалъ въ гостинницу. О фараоновыхъ же обѣщанныхъ колесницахъ не было и слуху, по обычаю опоздали, и я помчался опять въ самолетѣ, хотя онъ и хромалъ. Смерклось совсѣмъ, когда своротилъ съ почтоваго пути къ Св. горамъ и тутъ была уже скачка съ препятствіями. Волкомъ взвылъ бы Волченокъ [1]), если бы довелось ему, подобно мнѣ, спускаться ночью съ крутой горы къ Донцу, по невѣдомой дорогѣ, такъ что ямщикъ ощупью велъ лошадей въ поводу, и съ трудомъ попали на паромъ; далѣе въ лѣсу уже близь ярмарки монастырской, причудился Чуцу [2]) волкъ, глаза горѣли какъ свѣчи, но потомъ сталъ сознаваться, что это быть можетъ свѣтящійся червя-

[1]) А. А. Волковъ. [2]) Камердинеръ.

чекъ; оно и *похоже* другъ на друга! волкъ и червякъ. Дальше выскакиваетъ изъ лѣсу въ бѣлой рубашкѣ хохолъ ординарецъ отъ лихаго пристава гусара и кричитъ: кто ѣдстъ? но вмѣсто головы предъ нами очутились однѣ ноги торчащія изъ ямы, куда онъ ковыркнулся и генеральскій отвѣтъ пролетѣлъ мимо! Опять извилистый Донецъ, но уже переѣздъ чрезъ мостъ въ виду монастыря. Былъ часъ ночи, церковь горѣла огнями, трезвонили къ утрени. Чрезъ монастырскій дворъ мы стали подыматься въ крутую гору ко дворцу Потемкиной въ такой чащѣ деревъ, что казалась надъ нами крыша; такія аллеи только въ Крыму. Все спало; встрепенулся какъ филинъ ночной сторожъ, услышавъ топотъ конскій уже на дворѣ. Мелькнулъ огонекъ во флигелѣ и явилась Олимпіада Андреевна въ ночномъ нарядѣ, сбѣжала внизъ и какъ Гурія провела меня въ верхній ярусъ главнаго дома, въ тѣже покои, гдѣ я останавливался за 17 лѣтъ предъ симъ. Утомленный я какъ камень упалъ на постель и когда на разсвѣтѣ проснулся и вышелъ на балконъ, я вздохнулъ свободно, глотая райскій воздухъ Св. горъ;—передо-мною вся бѣлая обитель утопала въ зелени, на берегу Донца и лѣсистыя горы, какъ въ рамѣ, ее отовсюду заключали, а церковь надъ церковью подымались къ небу: нѣтъ словъ для этой картины земной и не земной! сравнивать съ нашимъ видомъ нельзя, совсѣмъ иное, но этотъ болѣе дѣйствуетъ на душу; здѣсь можно понять, какъ благодѣтельно и необходимо на Руси монашество, которое хотятъ стереть съ лица земли. Что были бы Св. горы безъ этой обители, которая сдѣлалась средоточіемъ жизни и просвѣщенія духовнаго для цѣлаго края! и какой строгій порядокъ подъ мо-

гучею рукою Арх. Германа. Здѣсь можно понять всю строгость иноческаго устава. Пишу и гляжу, какъ вдругъ солнцемъ обдало всю обитель и она сіяетъ между зеленью и синевой водъ; все тихо, лишь гулъ по мосту...

Не разъ пожалѣлъ я, что тебя нѣтъ со мною, и эта была большая жертва съ твоей стороны! пожалѣли и радушные хозяева. Боярыня слаба, но хотѣла ѣхать со мною къ обѣднѣ; я удержалъ ее. Послѣ службы взошелъ я съ Архимандритомъ внутрь скалы пещерной и поднялись сперва къ могилѣ бывшаго Настоятеля, а потомъ мимо холма затворника схимника, недавно умершаго, въ церковь Предтечи внутри утеса и выше на скалу къ церкви Святителя Николая и на крайній утесъ къ часовнѣ Первозваннаго Апостола. Спустившись по открытой величавой лѣстницѣ, гдѣ пойдетъ послѣ-завтра крестный ходъ Успенскій, я осмотрѣлъ новый великолѣпный соборъ и погрузился въ Донецъ омыться отъ трудной дороги. Вечеромъ была у насъ въ домовой церкви всенощная; сейчасъ ѣдемъ по такъ называемой итальянской дорогѣ, прорѣзанной въ ребрахъ горы и въ чащѣ лѣса на вершину, къ обѣднѣ въ храмъ Преображенія, который увѣнчалъ собою всѣ зданія обители и видѣнъ за 30 верстъ, какъ царскій ея вѣнецъ, изъ густаго лѣса на темѣ горы. Послѣ обѣда крестный ходъ поплыветъ на ладьяхъ въ скитъ, на память дня учрежденія обители при Иннокентіи, который все умѣлъ поэтизировать.—Слышу пѣніе аллилуіа, внизу подъ нашей горой, но ничего не видно въ чащѣ:—видно похороны! даже и въ смерти поэзія... но время кончить. Говѣю, еще многое надобно видѣть и молиться и въ Славянскъ съѣздить на воды. Въ Воскресенье 18-го выѣз-

жаю утромъ; можетъ быть еще напишу, но еще разъ за все спасибо. Кланяйся нашимъ. Обнимаю тебя».

Дѣйствительно большая жертва была съ моей стороны не побывать въ Св. горахъ, у Т. Б. Потемкиной, которая для меня такъ много сдѣлала добраго, при моемъ поступленіи на службу. Здѣсь не лишнимъ считаю сказать, что А. Н. когда то занялъ у Т. Б. тысячу р. При прощаніи въ Св. горахъ, Т. Б. благословила А. Н. на дорогу не большимъ евангеліемъ въ голубомъ бархатѣ съ серебряною оправою, а камердинеру его вручила пакетъ съ условіемъ отдать таковой А. Н. только на второй станціи отъ Св. горъ. Когда это было исполнено, то въ пакетѣ оказалась разорванная росписка на взятыя деньги и самое трогательное письмо съ благодарностью о посѣщеніи и съ припискою, что между ними нѣтъ никакихъ счетовъ. Не забыла Т. Б. и мнѣ прислать подарокъ, какъ бывшему ея воспитанику.

По возвращеніи А. Н. изъ Св. горъ, я началъ переписывать всѣ письма покойнаго Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н., для печати; трудъ этотъ продолжался около четырехъ мѣсяцевъ, потому что послѣ каждаго письма (а ихъ было болѣе пяти сотъ) ждалъ примѣчанія, а для этаго не всегда было свободное время у А. Н.

Въ Октябрѣ перебрались въ большой домъ, и тутъ уже много было возни съ устройствомъ образной, картинъ, книгъ и мебели. Все вѣшалось на стѣнки по указанію А. Н., который обладалъ, при природной близорукости, изяществомъ вкуса. Одна установка образной заняла болѣе

недѣли. И дѣйствительно едва ли есть у кого такое собраніе святыни по древности, богатству и историческому значенію. Впослѣдствіи онъ напечаталъ краткое ея описаніе. Я помѣстился въ двухъ комнатахъ нижняго этажа и уже не испытывалъ холодныхъ ощущеній, хотя по привычкѣ жаль было и съ хижиной разстаться, которую съ весны занималъ уже одинъ. Устроивши все въ домѣ и закончивши на зиму работы, я въ Декабрѣ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, взялъ направленіе до Бреста въ делижансѣ, а потомъ чрезъ Варшаву по желѣзной дорогѣ. Не доѣзжая Петербурга, я узналъ о безнадежномъ состояніи нашего Генералъ-Губернатора А. П. Безака и тотчасъ же по пріѣздѣ отправился узнать чрезъ своего пріятеля С. И. Санникова. 29 Декабря А. П. уже не стало, а 31 былъ я на отпѣваніи въ Сергіевскомъ соборѣ. Во время моего пребыванія въ отпуску, я получилъ нѣсколько писемъ отъ А. Н. изъ Кіева, которыя и помѣщаю. На мѣсто покойнаго А. П. Безака былъ назначенъ только Генералъ-Губернаторомъ Князь А. М. Дондуковъ Корсаковъ, а Командующимъ Войсками, бывшій помощникъ Г. Безака Генералъ-Лейтенантъ, впослѣдствіи Генералъ-Адъютантъ, Н. Ѳ. Козляниновъ.

Кіевъ. 23 Декабря 1868.

«Гдѣ то странствуетъ въ сію минуту нашъ великій пѣтущественникъ? Вѣрно сидитъ въ делижансѣ съ нѣмецкой статуей [1]), горько кается, что предпринялъ такой дальній и расходный путь! —Утѣшишься пріѣхавъ въ Питеръ, когда будешь читать это письмо. Но застанешь ли

[1]) Спутникъ нѣмецъ.

тамъ уже нашего добраго А. П. Безака, который очень плохъ! Вчера за него здѣсь молились. Охъ лучше бы въ такія минуты быть дома! Здѣсь всѣ о тебѣ плачутъ, и Сусанна кукушкины слезки проливаетъ.

Эти два дня, у меня, кромѣ всякой переписки, все были люди и утромъ и вечеромъ. Что будетъ на праздникахъ? Поздравляю заблаговременно тебя и тятеньку также и мамоньку также, а письмо Ивана братца по экономіи посылаю распечатаннымъ, хотя и не читалъ: на усахъ и на шпорахъ клянусь. Извѣстій ждать отъ васъ, а не отъ насъ, а у насъ всѣ головы повѣсили, услышавъ о болѣзни Начальника Края неизлѣчимой. Не пишу тебѣ много, но обнимаю крѣпко, и поелику говѣю, то прошу простить, въ чемъ огорчилъ тебя при ежедневномъ нашемъ столкновеніи и сожительствѣ. Княгинѣ Голициной кланяйся низко. Ожидаю милостиваго привѣта и описанія твоего странствія въ Царствѣ Польскомъ. Еще разъ обнимаю тебя преданный тебѣ».

4 Января 1869.

«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. На силу то аукнулся изъ Аршавы, ровно чрезъ двѣ недѣли, а я думалъ, что по примѣру полковника Свѣтланина, куда нибудь умчался съ полькой мазуркой! да и изъ Питера пора бы написать грамотку! Больно зазнался. А мы здѣсь мерзнемъ въ 17° и безъ снѣгу. Саша ночуетъ постоянно. Время бѣжитъ и скоро ваше благородіе возвратитесь къ намъ; а между тѣмъ вотъ порученія Поручику Семенову:

Сдѣлай одолженіе, посѣти моего брата Сергѣя, на Офицерской въ д. Рашета и отдай сіе письмо. Не ловко же, что ни кого изъ родныхъ ты не увидишъ; ты же знаешъ его сына; обо мнѣ ему разскажи. Посѣти также Мазовскаго, Вагнера на пружинѣ и Хвощинскаго на Фонтанкѣ, въ д. Оржевскаго; имъ это будетъ пріятно. Розенблату я писалъ, чтобы тебя отыскалъ, а Волкова ты самъ отыщешъ.

Михайло заявилъ мнѣ сейчасъ, что онъ хочетъ рѣшительно жениться, а условія объявитъ въ среду. Кажется намъ придется съ нимъ разстаться. По разспроси: нѣтъ ли гдѣ у твоихъ знакомыхъ порядочнаго человѣка, нѣмца еще бы лучше, камердинеромъ. Ты много бы меня этимъ успокоилъ, хотя знаю, что это очень трудно; но можетъ быть случай представится удачный, а теперь по пружинѣ будетъ легко пріѣхать; справься сколько можно.

Изъ Москвы я не получилъ отзыва отъ Преосв. Леонида и Архимандрита Угрѣшскаго, такъ что я рѣшительно написалъ о томъ же прямо Смирновымъ, а если ты пробудешъ день въ Москвѣ, то не мѣшало бы къ нимъ заѣхать и ихъ успокоить. Не забудь о моихъ книгахъ у Вагнера.

На дняхъ ожидаемъ тѣла Г. Безакъ. Кончина его многимъ измѣнила; надобно опять о тебѣ подумать, но не вѣдомо еще кто будетъ его преемникомъ. Такъ много толковъ, что и не разберешъ. Вамъ въ Питерѣ виднѣе, а не мудрено, что и К. останется. Ожидаю твоего письма изъ Питера и надѣюсь, что сегодня придетъ, а кажется можно бы и раньше написать какъ ты обѣщалъ; видно голова закружилась и насъ забыли! Г-жа П. кла-

няется и забыла передать вчера господину твое письмо Варшавское, что и меня изумило. Вчера былъ у нихъ вечеръ съ Сашей, а Таничка сегодня у меня объѣдалась за чаемъ.

Прости, обнимаю тебя, милый саперикъ, хотя ты и рѣдко бываешь дома, но все таки желаю скорѣе тебя обнять, потому что не смотря на всѣ твои подозрѣнія, люблю тебя очень нѣжно, какъ родного. Кланяйся твоимъ и не забывай преданнаго тебѣ.

Скляровъ [1]) и Саша низко кланяются».

7 Января.

«Весь околодокъ удивляется саперному молчанію, даже и съ новымъ годомъ не проздравилъ! Если бы курносинькой не сказалъ, что видѣлъ тебя на похоронахъ, мы бы не знали, что и подумать. Вѣрно изъ № 6 слушатели письмо пропили. Хотя власти и раздѣлены, но Князь Дондуковъ можетъ тебя пріютить. Вотъ письмо къ Маринѣ Андреевнѣ, она тетка Княгинѣ. Поди къ ней самъ и вручи это письмо и прочти, если не разберетъ. Я прошу ее рекомендовать тебя Князю и о томъ же писалъ и Татьянѣ Борисовнѣ. Видишъ ли, что и Марина Андреевна можетъ пригодиться: а ты все такъ дулся, когда надобно было писать.—Больше не пишу, потому что я на тебя дуюсь за твое молчаніе, и твой Ангелъ...... также, которому ты кланяешься, такъ нѣжно изъ Аршавы.

Простите ваше благородіе».

---

[1]) Бывш. Инсп Народн. учил

9 Января.

«Спѣшу отвѣчать на твое письмо, милый саперикъ, только что возвратясь съ панихиды изъ Лавры, а завтра похороны. Морозы у насъ большіе по 16 и по 18°. Я все въ шубѣ щеголяю и не знаю, какъ завтра отбуду церемонію. Три дня, это не шутка все въ парадѣ. Получилъ я наконецъ письмо отъ Архимандрита и Смирновыхъ, не соглашаются ожидать денегъ, и я въ большихъ хлопотахъ: просилъ Львова, который на дняхъ пріѣхалъ; онъ обѣщалъ въ концѣ мѣсяца, но не знаю, исполнитъ ли: думаю обратиться къ Абамелику, а то плохо будетъ.

Спасибо Татьянѣ Борисовнѣ, что принимаетъ такое участіе въ письмахъ Владыки, но я ее разорять не хочу, а попрошу ее только, чтобы она переговорила съ Митрополитомъ, которому вѣрно Пр. Леонидъ ни слова не сказалъ.

Не ты ли прислалъ 10 экз. моей Вильны или это Вагнеръ?—Исполни мои порученія въ прошломъ моемъ письмѣ. Теперь уже извѣстно кто здѣсь начальникъ, и Козляниновъ къ вамъ ѣдетъ Пусть Марина Андреевна для тебя поворожитъ Прости, обнимаю тебя, ибо уже поздно. Сегодня Княгиня о тебѣ спрашивала, а въ новый годъ былъ у меня Г. Гудима. Кланяйся отъ меня Княгинѣ Голицыной и Веригиной и всѣмъ прочимъ. Обнимаю тебя не яко сапера, но по кавалерійски».

10 Января.

«Право, я молодецъ мужчина, любезный саперикъ, сейчасъ только воротился съ похоронъ и уже тебѣ пишу.

Послѣ 3-хъ часовой службы, я несъ гробъ до св. воротъ и поставилъ на катафалокъ, въ одномъ мундирѣ и безъ шинели. Красовскій [1]) ажъ ахнулъ и ругнулъ. Ѳаворовъ [2]) сказалъ хорошее похвальное слово. Мнѣ пришлось писать тебѣ каждый день, а ты только печатаешъ свои письма какимъ то купидономъ? Стыдно, сударь. Изволь сдѣлать себѣ сейчасъ печать, какъ у Санникова шпору; если такъ подписываешься, то и печатай: это знакъ рыцарства и послужитъ тебѣ вмѣсто герба.

Вотъ еще порученія Поручику.

1) Я писалъ сегодня Князю Абамелику: узнай въ домѣ Армянской церкви, въ городѣ ли онъ или уѣхалъ куда; но къ самому не являйся.

2) Отнеси прилагаемую записку въ книжную лавку Кораблева, близь Императ. Библіотеки и получи отъ него деньги за проданныя мои книги; сколько продано съ 1-го Мая, а также возьми списокъ сколько какихъ книгъ осталось.

3) Отнеси въ школу [3]) мою записку къ вахмистру Дмитріеву и узнай отъ Эвальда, получилъ ли онъ и Графъ Сиверсъ мои отвѣтныя письма за ихъ шпоры и приглашеніе на юбилей.

Кланяйся Хвощинскому и Мазовскому и не дуйся, что я даю такъ много порученій. Прости, обнимаю тебя крѣпко.

Закажи непремѣнно печать со шпорой рыцарской и вырѣзавъ изъ стали привези съ собой».

---

[1]) Ив. Иван.
[2]) Докт. Богосл.
[3]) Гвард. Берейт.

13 Января.

«Честь имѣю проздравить Михалъ Чуцъ вчера окрутился у отца Ивана. Свадьба была торжественная на Братскихъ лошадяхъ; Шаша шаферъ въ бѣломъ галстухѣ; старая купчиха вся въ бриліантахъ посаженой, поваръ стряпалъ, а я уже кормился отъ Атанасокъ, подачку со стола прислали по случаю Таничкиныхъ имянинъ. Мамонька бранилась, что гостей много накликали, а у меня за все отдувается кирасиръ и молодцемъ брянчитъ шпорами одинъ за всѣхъ и даже чай разливалъ, ибо тутъ на бѣду явился Львовъ и Графъ Строгановъ и Губернаторъ, по случаю исторіи, случившейся у сосѣдей Грабовскихъ, съ одной пріѣзжей Княгиней, на которую ночью напала Полиція дѣлать обыскъ воровскихъ вещей и припугала старушку такъ, что она жаловалась Губернатору. Сегодня кажется все приходитъ въ порядокъ и балъ вчерашній кончился, а мнѣ же больно жутко было, не разъ тебя поминалъ.

Прости, пишу не много. Исполни порученія о коихъ тебѣ писалъ и непремѣнно закажи себѣ печать со шпорой. Кланяйся всѣмъ».

По возвращеніи моемъ изъ Питера, на долго хватило разговоровъ о друзьяхъ пріятеляхъ, въ числѣ которыхъ были: Т. Б. Потемкина, С. Я. Вергина, А. Н. Мазовской, Кн. А. В. Шаховской, Кн. В. С. Голицына,

Н. В. Исаковъ, Хвощинскій и другіе. Всѣхъ нужно было видѣть, всѣмъ передать житье бытье и отъ всѣхъ привести порученія.

Съ весны начались работы и къ осени были окончены. Въ Іюлѣ былъ у А. Н. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, а вскорѣ послѣ него, во время пребыванія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ въ Кіевѣ, А. Н. особенно былъ милостиво принятъ Ея Величествомъ, что онъ самъ передавалъ съ большимъ чувствомъ. Въ свитѣ Русской Царицы былъ и старецъ поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, который нѣсколько разъ посѣщалъ А. Н. и любовался видами изъ его сада, а по пріѣздѣ въ Петербургъ прислалъ ему стихи написанные въ Кіевѣ 7-го Августа, которыя хотя и были гдѣ то напечатаны, но такъ какъ у меня снята копія съ подлинника, хранящагося у А. Н., то я и помѣщаю ихъ здѣсь:

«Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва
Воздушный, свѣтозарный храмъ
Уходитъ выспрь—очамъ на диво —
Какъ бы парящій къ небесамъ
Гдѣ Первозваннаго Андрея
Еще по днесь сіяетъ крестъ,
На небѣ Кіевскомъ бѣлѣя
Святой блюститель здѣшнихъ мѣстъ.

У ногъ его, свою обитель
Его покровомъ осѣня,
Живешь ты въ ней не праздный житель,
На склонѣ трудоваго дня.
И кто бы могъ безъ умиленья,

И нынѣ не почтить въ тебѣ
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую въ борьбѣ?

Да много, много испытаній
Ты перенесъ и одолѣлъ.
Живижь, не въ суетномъ сознаньи
Тобой свершенныхъ добрыхъ дѣлъ,
—Живи и бодрствуй для примѣра
Намъ заявляющаго вновь,
Что̀ можетъ дѣйственная вѣра
И непреклонная любовь».

6-го Сентября посѣтилъ Кіевъ въ первый разъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревной, которые удостоили посѣщеніемъ своимъ А. Н., въ подробности осмотрѣли его образную, затѣмъ прошли по саду; любовались съ валу видами и заходили въ хижину, гдѣ провели болѣе получаса. Такъ какъ работы наши по укрѣпленію горы заканчивались, то я дѣлалъ планъ всѣмъ работамъ, на который Его Высочество обратилъ вниманіе и подробно разспрашивалъ меня о ходѣ работъ, а Ея Высочество съ любопытствомъ разсматривала устройство хижины и даже снимала со стѣны нѣкоторые фотографическіе виды Кіева. Радушный хозяинъ угощалъ высокихъ Посѣтителей виноградомъ и фруктами изъ своего сада, потомъ сопутствовалъ Августѣйшимъ гостямъ по Кіеву и объяснялъ его исторію въ памятникахъ. 8-го, въ день Рождества Богородицы, послѣ слушанія литургіи въ Софійскомъ Соборѣ, уѣхали дорогіе Путешественники, а наканунѣ Ихъ выѣзда

А. Н. поднесъ Ея Высочеству, на память посѣщенія Ею образной,—древній крестъ съ Голгоѳою, въ которую были вставлены камни изъ св. мѣстъ. Въ день же выѣзда Ихъ Высочествъ посѣтилъ А. Н. и Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, котораго я, въ отсутствіи А. Н., водилъ по саду и когда Его Высочество увидѣлъ А. Н., то шутя сказалъ: «какой вы добрый владѣлецъ сада, всѣхъ пускаете въ него, и меня въ отсутствіи вашемъ пустили».

Въ концѣ Сентября, по случаю юбилея Кіевской Духовной Академіи, былъ большой съѣздъ Епархіальныхъ Архіереевъ, бывшихъ воспитанниковъ оной, въ томъ числѣ: Сербскій Митрополитъ Михаилъ, Экзархъ Грузіи Евсевій, Димитрій Архіепископъ Херсонскій, Антоній Архіепископъ Кишиневскій, Антоній Архіепископъ Казанскій, Никандръ Епископъ Тульскій, Іоанникій Епископъ Саратовскій, Іоаннъ Епископъ Полтавскій, Леонтій Подольскій и всѣ онѣ были по нѣсколько разъ у А. Н.; со всѣми я познакомился, почему охотнѣе было къ нимъ писать, когда заставлялъ А. Н., въ особенности пріятное впечатлѣніе оставили по себѣ: Митрополитъ Сербскій, Архіепископъ Казанскій и Епископъ Полтавскій, съ которыми постоянно А. Н. переписывался.

Въ Октябрѣ Комитетъ нашъ по укрѣпленію горы прекратилъ свои дѣйствія; обо мнѣ и другомъ сотрудникѣ Васильевѣ А. Н. сдѣлалъ представленіе Генералъ-Губернатору объ исходатайствованіи намъ награды, которую мы черезъ четыре мѣсяца и получили. Для меня было то лестно, что я, будучи саперомъ, получилъ чрезъ А. Н., по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, орденъ Св Ста-

нислава 3-й ст., и меня часто дразнилъ потомъ А. Н., что онъ мнѣ далъ орденъ.

Въ это же время, т. е. въ Октябрѣ, А. Н. былъ избранъ Предсѣдателемъ Кіевскаго Св. Владимірскаго Братства, а я Членомъ Совѣта.

Въ Декабрѣ 1869 года, послѣ странствій въ караулы, мнѣ удалось поступить въ Штабъ мѣстныхъ войскъ старшимъ Адъютантомъ, чему былъ очень радъ А. Н., такъ какъ по мундиру могъ считать меня своимъ личнымъ Адъютантомъ, а главная радость его была въ томъ, что онъ всегда заботился о моемъ щедушномъ здоровьѣ, которое подвергалось опасности, особенно отъ дальнихъ путешествій по карауламъ, такъ какъ по закрытіи Комитета, я тотчасъ же возвратился въ строй. Трудною мнѣ казалась вначалѣ штабная служба, но скоро привыкъ.

Новый 1870-й годъ встрѣтили, какъ и прошедшіе, молитвою въ образной, гдѣ часто бывали всенощныя и которыя особенно въ ней любилъ служить добрѣйшій Протоіерей Андреевской церкви П. Ѳ. Подвысотскій.

Въ жизни А. Н. сказывался пробѣлъ, котораго онъ не могъ не чувствовать,—это отсутствіе семейнаго элемента, а потому А. Н часто и съ любовію просиживалъ въ семейномъ домѣ, ласкалъ дѣтей,—называлъ ихъ головастиками, ерошилъ имъ волосы, нѣжно подиралъ за уши........ Хотя не внятно, но сказывалось въ душѣ А. Н, что онъ скучаетъ своимъ одиночествомъ. Мы жили обыкновенно только богомольцами и проѣзжими. Такъ неоднократно останавливался у насъ Посолъ Н. П. Игнатьевъ и однажды съ своею супругою и сыномъ. Всякій годъ бывали Графъ Е. В. Путятинъ и какъ то даже съ

извѣстнымъ діакономъ Англиканской церкви Пальмеромъ, перешедшимъ въ Латинство, и Ген. Адъют. Н. В. Исаковъ. Пріѣзжали Греки съ Аѳона и Болгаре по дѣламъ церковнымъ, приходили Евреи, прося св. крещенія и иновѣрцы, желавшіе присоединенія къ Православной церкви; приходили бѣдные и нищіе и ни кому не было отказа.

Если дѣло касалось опредѣленія дѣтей по военно-учебнымъ заведеніямъ, то набранныя записки для памяти подавались при проѣздѣ чрезъ Кіевъ, Н. В. Исакову. По части духовной—писалось Патріархамъ, Митрополитамъ и Архіереямъ. Вообще всѣ сильные міра сего, знакомые и пріятели, вѣроятно, не разъ были обремѣняемы письмами, просьбами и докладными записками, за что А. Н. подвергался иногда и не доброму слову ради добраго дѣла.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1870 года, полетѣлъ я опять въ родной Питеръ уже въ адъютантскомъ мундирѣ, нагруженный порученіями своего сожителя. Въ Питерѣ я видѣлся съ Графиней П. В. Муравьевой, бывшей осенью въ Кіевѣ, которая чрезъ годъ скончалась. Былъ и у Митрополита Иннокентія и напомнилъ ему объ обѣщаніи содѣйствія къ изданію писемъ покойнаго Митрополита Филарета; много говорили про дѣла, о которыхъ имѣлъ порученіе; заглянулъ и въ домъ Т. Б. Потемкиной, не задолго скончавшейся въ Берлинѣ, побывалъ у С. Я. Веригиной, Князя Шаховскаго и наконецъ пустился въ обратный путь, остановившись въ Москвѣ, чтобы видѣться съ Преосв. Леонидомъ, тоже по порученію А. Н.—Помѣщаю опять письма ко мнѣ А. Н. въ хронологическомъ порядкѣ.

Кіевъ. 8 Апрѣля 1870 г.

«Все ожидалъ извѣстій о головоломномъ странствованіи, (хотя и не моего Превосходительства), но пришлось мнѣ писать первому: видно очень весело въ Питерѣ. А у насъ все еще нѣтъ весны, хотя и было солнце, а теперь хочется дождя.

Твоему Генералу лучше и онъ тебѣ писалъ. Пріѣхалъ Кн. Хилковъ и привезъ облаченіе отъ Г. Лужиной и богатую икону въ Михайловскій монастырь. Кн. Голицына досадуетъ, что ты не засталъ Кн. Хилкова и не познакомился съ нимъ. Какіе слухи о Потемкинѣ. Княгиня говорила, что онъ былъ очень боленъ. Кланяйся Патнотру [1]) и Борейшъ; кланяйся низко Веригиной, также тятенькѣ и мамонькѣ. Прости, обнимаю тебя».

Кіевъ. 10 Апрѣля.

«Только что отправилъ письмо къ саперику, какъ получилъ письмо отъ Украинскаго [2]) Штабсъ-Ротмистра. Спѣшу отвѣчать до праздника, съ коимъ впередъ поздравляю. А у меня Содомъ и Гоморъ. Пріѣхалъ Шаша и Ларіончикъ, да еще я пригласилъ прежде ихъ одного Берейтора, пріѣхавшаго сюда искать службы. Сердце не камень, надобно было пріютить сиротку; да пріѣхалъ изъ Москвы Кн. Хилковъ и дѣлаетъ мнѣ пасхальный столъ.

---

[1]) Домашній докторъ А. М. Потемкина.

[2]) При поступленіи въ Шт. Мѣстн. Войскъ, я былъ переведенъ въ Украинскій пѣхотн. полкъ.

Твоему Генералу то лучше, то хуже; очень слабъ, хотя и занимается дѣлами. Прости, кланяйся твоимъ и насъ грѣшныхъ не забывай. А что Мазовской, Вагнеръ и С. Я. Веригина?»

Кіевъ. 14 Апрѣля.

Христосъ воскресъ.

«Обнимаю саперика и благодарю за внимательность, что прислалъ деньги къ празднику, хотя увы! я ими воспользоваться не могъ, потому что до завтрего не выдадутъ денегъ, а потому опять пишу тебѣ на угадъ, не зная содержанія твоего письма. Кланяйся и поздравь твоихъ. Мнѣ на Пасху сдѣлалъ сюрпризъ садовникъ: безъ всякой причины объявилъ, что на дняхъ уйдетъ, такъ что въ Маѣ нельзя и думать ѣхать на Волынь и даже въ Переяславъ. И такъ не спѣши и не разсчитывай дня моего рожденія, если ты можешъ выиграть себѣ нѣсколько дней. Пасху я встрѣтилъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ служилъ Преосв. Порфирій; пѣли все концертами.

Прости, обнимаю тебя; кланяйся С. Я. Веригиной, Мазовскому и М. А. Меллеръ».

Кіевъ. 17 Апрѣля.

«Денежки получилъ, ваше благородіе, и половину отдалъ за садъ; спасибо; а что слышно о всѣхъ книгахъ, беретъ ли ихъ Кораблевъ?

Деньги были высланы за проданныя мною въ Петербургѣ книги: «Письма Митроп. Московскаго», которыхъ я нѣсколько экз. бралъ съ собою

Посылаю тебѣ письмо Вагнера съ отеческими совѣтами твоему брату. П. Ѳ. земно кланяется и проситъ достать моихъ книгъ. О чемъ вы такъ долго бѣсѣдовали съ С. Я Веригиной, ты мнѣ не пишешъ, и она также. Сдѣлай одолженіе, заѣзжай къ доктору Патнотру, нарочно, и спроси отчего онъ меня забылъ? Ларіоновъ умоляетъ о немъ справиться у Г. Мезенцева. Вотъ тебѣ сколько порученій, ты ихъ такъ любишъ. Да еще Марину Андреевну не забудь; постой, нѣтъ ли еще чего. Спѣшу писать, ибо ѣду въ соборъ. Кн. Хилковъ мнѣ преподнесъ цѣлый сервизъ столовый съ приборами; знай нашихъ! вотъ такихъ намъ подавай посѣтителей! это настоящіе контракты. Прости, кланяйся всѣмъ своимъ, обнимаю тебя».

Кіевъ 22 Апрѣля.

«Надобно отдать тебѣ справедливость, что ты очень дѣльный человѣкъ, все изъ подъ земли выроешъ и всѣмъ во время скажешъ, однимъ словомъ, молодецъ мужчина, хотя и на птичьихъ каблукахъ. Спасибо за все. Книжки устрой, какъ знаешъ. Хорошо, что и Шеншину [1]) видѣлъ. Высотскіе кланяются и благодарятъ, а Мезенцева только съ 12 ч. застать можно, а не то въ 3.

Прости, обнимаю тебя и ожидаю какъ красное яичко на 30-е; еще успѣю написать; поклонъ твоимъ».

Наканунѣ дня рожденія А. Н., которое праздновалось 30-го Апрѣля, я пріѣхалъ въ Кіевъ и засталъ своего со-

[1]) Евг. Серг.

жителя въ моей квартирѣ внизу, такъ какъ верхъ былъ отданъ пріѣхавшей невѣсткѣ его Марѳѣ Михайловнѣ Муравьевой, супругѣ старшаго брата Александра, съ племянницей Прасковьей Михайловной Голынской. Я удивился перемѣнѣ въ домѣ: тутъ было и фортепіано, такъ какъ племянница хорошо пѣла и доставляла этимъ большое удовольствіе по вечерамъ. А. Н. совершенно преобразился и выглядывалъ человѣкомъ семейнымъ; дорогія гостьи еще не уѣхали, какъ пріѣхала вторая невѣстка Наталья Григорьевна Муравьева, супруга брата Николая, съ дочерью Александрою Николаевною Демидовою, недавно овдовѣвшею, которыя, однако, неостанавливались у него, а жили въ гостинницѣ.—Часто мы гуляли въ Ботаническомъ саду и по окрестностямъ.

Въ Кіевѣ цѣлое лѣто прожило семейство Военнаго Министра Д. А. Милютина, часто пріѣзжавшее къ намъ по вечерамъ. Вообще лѣто было проведено весьма пріятно и въ самомъ миломъ обществѣ.—Проводивши своихъ гостей, А. Н. въ концѣ Августа предпринялъ путешествіе въ Херсонскую губернію въ С. Пріютъ къ Графу Д. Е. Остенъ-Сакену, который такъ давно жаждалъ съ нимъ видѣться. Изъ Пріюта проѣхалъ въ имѣніе Кн. С. Н. Урусовой, Подольской губ., у которой мы всегда обѣдали по Воскресеньямъ, во время ея 2-хъ-лѣтняго жительства въ Кіевѣ, чтобы видѣться и съ гостившимъ тамъ своимъ пріятелемъ И. И. Красовскимъ.—Во время этаго короткаго путешествія я получилъ два письма изъ Елисаветграда: по возвращеніи отъ Графа Д. Е. Въ Елисаветградѣ также пріятно было видѣться А. Н.

съ своимъ пріятелемъ командиромъ Уланскаго полка Ю. К. Критомъ [1]) у котораго онъ и останавливался.

Елисаветградъ. 22 Авг. 1870 г.

«Спѣшу увѣдомить, что по морямъ и по сушѣ доѣхалъ благополучно. Часа черезъ два ѣду къ Графу Сакену. Возвращусь въ среду, а въ пятокъ къ И. И. Красовскому. Все ли у васъ благополучно? жаль, что я не внушилъ тебѣ написать сюда на имя Крита, а ты малый недогадливый. Теперь же опоздаешъ, развѣ телеграммою разоришься. Какъ то рѣшитъ Великій Князь объ укрѣпленіяхъ при свиданіи съ Г. Тотлебеномъ. Жаль, что я уѣхалъ, не зная о ихъ пріѣздѣ. Дорога была скучная, но за то пріемъ самый утѣшительный, и я радъ, что пріѣхалъ; у Графа встрѣтили меня съ пѣніемъ и ликами. Вѣроятно отъ Графа еще напишу. Телеграммы и здѣсь о военныхъ дѣлахъ получаются быстро Прости кланяйся всему клиру».

Елисаветградъ. 27 Августа.

«Не догадливъ на этотъ разъ саперикъ и не расчиталъ, чтобы написать въ Емиловку; хотя бы телеграмму прислалъ о благосостояніи, или тебя взяли въ плѣнъ какъ Наполеона? Пріемъ былъ сдѣланъ такой у Графа Сакена, какого отъ вашего каменнаго сердца въ Кіевѣ и ожидать

---

[1]) Нынѣ Ком. 1-й Бригады 6 кав. дивизіи.

нельзя,—столько въ немъ было любви. Я прогостилъ тамъ 3 дня, а теперь гощу у Крита. Завтра выѣзжаю въ Емиловку, а 30-го въ Умань и буду у васъ, если все благополучно, днемъ раньше, т. е. 1-го Сентября. Не знаю только, гдѣ найду экипажъ въ Умани».

По возвращеніи изъ путешествія, А. Н. сильно возстававшій противъ предполагаемыхъ новыхъ укрѣпленій Кіева, имѣлъ случай подать Военному Министру, лично во время его пребыванія въ Кіевѣ, докладную записку, прося защиты противъ предстоящаго разоренія. Военный Министръ, на другой же день по осмотрѣ мѣстности, отвѣчалъ ему письмомъ и успокоилъ, что все изложенное въ письмѣ А. Н., будетъ принято во вниманіе; дѣйствительно спустя нѣкоторое время измѣнена была новая эспланада. Депутація отъ купечества во главѣ городскаго Головы, приходила благодарить какъ Военнаго Министра, такъ и А. Н. за его заступничество.

Въ Октябрѣ гостилъ у насъ Посолъ изъ Константинополя и еще больной, такъ что братъ его нарочно выѣзжалъ къ нему на встрѣчу въ Кіевъ. Въ Ноябрѣ А. Н. снова имѣлъ честь быть на обѣдѣ у ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ во время Ея проѣзда чрезъ Кіевъ.

Рождественскіе праздники я провелъ въ постели и А. Н. не отходилъ отъ меня во все время, даже ночью по нѣсколько разъ вставалъ и спускался ко мнѣ въ комнату, такъ сильна была его ко мнѣ привязанность. Въ это же время ему пришла курьезная мысль написать статью о

тридцати двухъ лѣтнемъ странствованіи своего портрета, которую я здѣсь и помѣщаю безъ пропусковъ.

«Каждое обстоятельство въ нашей жизни, какъ бы оно ни было маловажно, можетъ имѣть свою занимательность, если остановить на немъ вниманіе и разсмотрѣть его со стороны или нравственной, или исторической,—и во всякомъ случаѣ оно имѣетъ цѣну въ воспоминаніяхъ минувшаго.

И такъ привожу здѣсь не большой разсказъ о томъ, что случилось съ моимъ портретомъ, и чрезъ сколько рукъ долженъ былъ перейти, въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ, прежде нежели возвратиться къ своему, уже измѣнившемуся, подлиннику, что довольно оригинально; тутъ есть и смѣшное и печальное, но болѣе послѣдняго.

Въ 1838 г. мнѣ пришло на мысль написать портретъ для моего родителя, жившаго въ Москвѣ, уже въ болѣзненномъ положеніи, такъ какъ онъ давно желалъ его имѣть. Мнѣ рекомендовали одного весьма искуснаго художника,—академика Захарова, кромѣ своего таланта замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ родомъ Черкесъ, ребенкомъ захваченный въ плѣнъ, въ одномъ разоренномъ аулѣ Кавказа, и сдѣлался художникомъ, по своему особенному расположенію къ живописи. Это уже и само по себѣ довольно оригинально. Я проводилъ тогда лѣто на Крестовскомъ острову, въ великолѣпной усадьбѣ Княгини Бѣлосельской. Весь островъ принадлежалъ нѣкогда знаменитому Фельдмаршалу Миниху, а послѣ его ссылки отобранъ въ казну, подаренъ Императрицею Елисаветою Графу Разумовскому и купленъ у него Статсъ-Секретаремъ Екатерины, Казицкимъ, отцемъ Княгини Бѣлосельской; наз-

ваніе же Крестовскаго ему усвоилось, или отъ крестообразнаго дома Разумовскихъ, или какъ полагаютъ, отъ имени Миниха: Христофъ.

Очень долго писался мой портретъ, потому что живописецъ жилъ на противуположномъ островѣ Петровскомъ, съ которымъ не было еще инаго сообщенія какъ лодкою, а Захаровъ не могъ часто меня посѣщать и притомъ хотѣлъ тщательно написать портретъ. Случилось однажды, что, послѣ его занятій, я вздумалъ проводить его на Петровскій, предполагая возвратиться уже не водою, но по вновь строющемуся мосту, на который только что были наброшены балки, весьма опасныя для пѣшеходовъ. Однако, хотя и съ большимъ трудомъ, перебрался я на свой берегъ, но тутъ меня встрѣтило новое препятствіе, о которомъ я прежде не подумалъ: довольно широкій протокъ, разсѣкающій весь Крестовскій островъ, отдѣлялъ меня отъ сада Княгини; идти же кругомъ всего сада, по большой дорогѣ, было слишкомъ далеко, и къ тому же я былъ въ бархатномъ архалукѣ и въ золотой цѣпи, какъ рисовалъ меня художникъ. Пока я стоялъ въ раздумьи, что мнѣ дѣлать, вижу, что вплываетъ изъ рѣки въ протокъ не большая лодка съ однимъ гребцомъ, и въ ней три, весьма нарядныя барыни,—мать съ двумя дочерьми, которыя ѣхали изъ города на воскресный балъ, въ Новую деревню. Я просилъ ихъ перевести меня чрезъ каналъ и онѣ, видя меня въ такомъ нарядномъ костюмѣ, охотно согласились; но, увы, я очень дурно заплатилъ имъ за такую услугу: спустившись съ моста по густой травѣ, гдѣ еще наканунѣ были рабочіе, я вскочилъ въ лодку, которая пошатнулась отъ моей тяжести, и не вольно наступилъ на платье од-

ной изъ барышень; когда же вышелъ на берегъ и тронулась опять лодка, посыпались на меня жестовіе укоры за тотъ непріятный подарокъ, который я имъ оставилъ на платьѣ, такъ какъ это совершенно разстроило всѣ ихъ бальные проекты.

Осенью, когда конченъ былъ портретъ, я самъ отвезъ его въ Москву и велика была радость старика—отца, но не долго оставалось намъ быть вмѣстѣ. Чрезъ годъ онъ скончался, вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Москвы, куда я для него ѣздилъ каждое лѣто,—и, такъ какъ не было тогда столь быстраго сообщенія, ни телеграммъ, какъ теперь, то я не могъ поспѣть во время, чтобы его застать въ живыхъ, и даже не собрался въ путь къ погребенію, потому что уже было поздно. Въ самыя послѣднія минуты его жизни, В. А. Титова, въ домѣ которой онъ нанималъ квартиру, и которая за нимъ ходила, во время болѣзни, какъ самая близкая родственница, писала ко мнѣ, чтобы я, ради памяти отца, оставилъ у нея этотъ портретъ, и я не могъ ей отказать въ такой просьбѣ, хотя это было не пріятно моимъ братьямъ, которые желали его имѣть.

Титова не была счастлива въ своемъ супружествѣ, потому что мужъ ея, хотя и добрый человѣкъ, и даже набожный, имѣлъ пристрастіе къ игрѣ и промоталъ имѣніе. Она начала вести жизнь скитальческую и долго проживала въ Петербургѣ, по своей особенной привязанности къ родному племяннику Салтыкову, который обучался въ юнкерской школѣ. По своему религіозному направленію, странствовала она по св. мѣстамъ русскимъ и даже восточнымъ и, можно сказать, не имѣла домашняго прі-

юта. Ради сего и я сдѣлался скитальцемъ, если не въ собственномъ лицѣ, то по крайней мѣрѣ въ его подобіи. Однажды пришелъ я по дѣлу, въ Петербургѣ, къ жандарскому Полковнику Ракѣеву и пока докладывали о мнѣ хозяину, взошелъ въ гостинную. Но каково было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что надъ диваномъ одиноко красуется мой портретъ! «Помилуйте, сказалъ я взошедшему хозяину, за что Вы содержите меня подъ арестомъ, и какъ могъ попасть къ Вамъ мой портретъ?»—«Очень просто, отвѣчалъ онъ, нѣсколько оскорбившись такимъ вопросомъ,—В. А. Титова уѣхала въ Іерусалимъ, а такъ какъ ея племянникъ Салтыковъ очень друженъ съ моимъ сыномъ, который также въ юнкерской школѣ, то она отдала мнѣ на сохраненіе всѣ свои вещи и въ томъ числѣ Вашъ портретъ, до своего возвращенія».—Мнѣ стало это и смѣшно и досадно,—и я махнулъ рукой на дальнѣйшую участь моего портрета,—пожалѣлъ только, что не отдалъ его въ свое время роднымъ.

Не знаю, сколько времени длилось для меня это Вавилонское плѣненіе; помню только, что около сего времени сдѣланы были еще два моихъ портрета, хотя и не столь удачные: одинъ въ бытность мою въ Римѣ въ 1845 году нашимъ художникомъ Соколовымъ, для кавалергардскаго офицера Ахматова, (въ послѣдствіи Оберъ-Прокурора Св. Синода), который былъ со мной очень друженъ и, при отъѣздѣ моемъ въ Италію, убѣдительно просилъ заказать для него мой портретъ, кому либо изъ художниковъ Римскихъ; но по моемъ возвращеніи, онъ какъ будто о томъ забылъ и когда, при нашемъ первомъ свиданіи, я спросилъ его: «не давалъ ли онъ мнѣ какихъ

либо порученій въ Римѣ?»—Ахматовъ равнодушно отвѣчалъ: «не помню».—Мнѣ было это такъ больно, что я тутъ же вынулъ портретъ и отдалъ его другому моему пріятелю Хвощинскому, который на канунѣ просилъ у меня этотъ портретъ. Ахматовъ же только снялъ съ него копію. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ хотѣли сдѣлать литографическіе снимки съ этаго портрета, но я не согласился, потому что находилъ его слишкомъ моложавымъ и безцвѣтнымъ. Другой же портретъ, также масляными красками, но весьма не искусною кистію, былъ сдѣланъ позже въ Петербургѣ, по желанію Эвальда, Оберъ-Берейтора Гвардейской Берейторской школы, гдѣ я часто ѣздилъ верхомъ, а писалъ художникъ изъ его родственниковъ.

Около того же времени Кавалергардъ Т. (нынѣшній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ), особенно даровитый во всѣхъ искуствахъ, вылѣпилъ мой бюстъ, весьма удачно и съ необычайнымъ сходствомъ, хотя это былъ первый его опытъ въ такомъ родѣ. Но, послѣ нѣкоторыхъ слѣпковъ для моихъ пріятелей, самая форма пропала у лѣпщика. Чрезъ нѣсколько лѣтъ повторили ее, по готовому бюсту, хотя уже не столь удачно, и мнѣ случалось гулять на лоткахъ разнощиковъ, по улицамъ столицы, вмѣстѣ съ купидонами и венерами.

Едва ли однако не прежде всѣхъ сихъ бюстовъ и портретовъ, масляными красками, нарисованъ былъ одинъ акварелью, не весьма значительнымъ художникомъ Алексѣевымъ и, такъ какъ я въ то время занимался, по цѣлымъ днямъ приведеніемъ въ порядокъ свитковъ и столбцевъ суднаго дѣла Никона Патріарха, которое только что было

найдено въ Патріаршей библіотекѣ, то я и былъ нарисованъ съ однимъ изъ этихъ свитковъ въ рукахъ. Брату Николаю весьма понравился мой портретъ, и онъ пожелалъ, чтобы тотъ же художникъ нарисовалъ и его собственный; но и тутъ не обошлось безъ приключеній. Я позабылъ предварить брата, что Алексѣевъ ужасный заика и что надобно избѣгать съ нимъ разговора, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ старался всегда отдѣлываться молчаніемъ, или знаками. Дѣйствительно когда онъ явился къ брату, то дѣло сперва пошло хорошо, потому что онъ, кивая головой, могъ отвѣчать согласіемъ на нѣкоторые вопросы. Но когда братъ пожелалъ видѣть принесенные имъ портреты и началъ спрашивать имена,—нельзя уже было отдѣлываться молчаніемъ. Бѣдный Алексѣевъ сталъ заводить себя какъ машину, чтобы вымолвить слово; братъ догадался, въ чемъ дѣло; но, при всей своей серьезности, будучи очень смѣшливъ, ушелъ за перегородку, чтобы дать ему оправиться; повременивъ не много, вышелъ онъ опять и уже сѣлъ, для снятія портрета, давъ себѣ слово, болѣе не распрашивать заику; но въ эту минуту Алексѣевъ внезапно выпалилъ въ него тяжело выработаннымъ именемъ портрета, о которомъ былъ прежде спрошенъ, и братъ невольно прыснулъ отъ смѣха прямо ему въ лице. Тѣмъ и кончилось первое засѣданіе, потому что оба смутились; — но я отклонился отъ моего разсказа.

Протекло много и много лѣтъ, и я уже совершенно забылъ о моемъ странствующемъ портретѣ; столько утекло воды съ тѣхъ поръ. Я уже началъ помышлять о моемъ переселеніи въ Кіевъ и устраивалъ тамъ свою живописную виллу; но зиму еще проводилъ въ сѣверной столицѣ

и только на перепутьи посѣщалъ Москву. Лѣтъ десять тому назадъ, заѣхалъ я тамъ на Іерусалимское подворье, по приглашенію его строителя, добраго старца Архимандрита Филарета. Онъ принялъ меня весьма дружески и съ таинственнымъ видомъ повелъ въ свой кабинетъ,—и что же я вижу? Между старинныхъ огромныхъ портретовъ Патріаховъ Іерусалимскихъ виситъ и мой смиренный портретъ, хотя и во все инаго размѣра и колорита. «Давно ли Саулъ во Пророцѣхъ?» невольно воскликнулъ я, и какъ попалъ я между блаженнѣйшихъ Патріарховъ? гдѣ Вы могли достать мой портретъ, который такъ давно потерялъ я изъ виду, послѣ жандармской гостинной?» – «Это уже моя тайна, отвѣчалъ Архимандритъ, и я очень доволенъ, что могъ его пріобрѣсти»; но какъ и гдѣ?—пожалуста не распрашивайте. «Отдадите ли Вы его мнѣ, если у Васъ попрошу?» – спросилъ я опять добраго старца.— «Пожалуй, сказалъ онъ, хотя признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось съ нимъ разставаться». Я подумалъ, что такого хорошаго общества мнѣ не найти для моего портрета, при моей скитальческой жизни, изъ Кіева въ Петербургъ и обратно; пусть же себѣ побудетъ еще до поры до времени, съ Патріархами! и такъ мы разстались.

Лѣтъ пять спустя, проѣздомъ чрезъ Москву, посѣтилъ я по обычаю Новодѣвичій монастырь, чтобы тамъ отслужить панихиду по моимъ родителямъ, и, когда мы вышли для литіи на кладбище къ могилѣ отца моего, подошла дама, подъ чернымъ покрываломъ, въ одеждѣ полумонашеской полусвѣтской, и очень усердно молилась. «Вы не узнали меня?» сказала она по окончаніи службы,— и когда дѣйствительно я не могъ ее узнать, она продол-

жала: «правда, что прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ Вами видѣлись: я Титова». «Но какимъ образомъ Вы здѣсь? спросилъ я въ свою очередь, — развѣ Вы уже въ монастырѣ?» «Нѣтъ, отвѣчала она; но я временно здѣсь живу у моей родственницы монахини и, увидѣвъ изъ окна, что служатъ панихиду надъ могилой Вашего батюшки, котораго я такъ уважала, вышла помолиться вмѣстѣ съ Вами». Поблагодаривъ ее за такое участіе, я однако не могъ не сказать ей: «надъ этой могилой каждое слово должно быть правда; — и такъ скажите мнѣ искренно: что Вы сдѣлали съ моимъ портретомъ, который я весьма нечаянно нашелъ на Іерусалимскомъ подворьи?» — Она смутилась, и нѣсколько помолчавъ сказала: «Вы довольно знаете моего мужа; но можетъ быть до Васъ не дошло еще, какъ онъ со мной поступилъ: всѣ мои вещи и даже самыя близкія моему сердцу, онъ продалъ съ аукціона; той же участи подвергся и Вашъ портретъ». Тогда только я понялъ странное его появленіе на подворьи, и почему добрый старецъ не хотѣлъ мнѣ открыть, какъ и гдѣ онъ пріобрѣлъ его.

И такъ, надобно же было случиться, чтобы таже самая женщина, которая, въ самую минуту смерти моего отца, ради его памяти, выпросила мой портретъ, чрезъ 25 лѣтъ созналась мнѣ надъ отцовскою могилою, что она съ нимъ сдѣлала.

Не долго оставалось и почтенному Архимандриту Филарету проживать на подворьи, которое онъ такъ благолѣпно обновилъ, и гдѣ думалъ навсегда успокоиться за свои труды, а вмѣстѣ съ нимъ потревожили опять и мой

портретъ. Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ, по проискамъ молодаго своего племянника Архимандрита Григорія, который болѣе свѣтски, нежели духовно, образовался въ западныхъ Университетахъ, назначилъ его вмѣсто старца Филарета, настоятелемъ Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, а бывшаго настоятеля почтилъ громкимъ титломъ своего намѣстника, т. е. Митрополитомъ Петры Аравійской, или какъ называютъ его Русскіе простолюдины въ Іерусалимѣ, сдѣлалъ его Петромъ (Αγίος Πετρος). Но это было неискренно; потому что, вслѣдъ за тѣмъ, онъ понизилъ его степенью, назначивъ только Архіепископомъ Назаретскимъ, и все это для того лишь, чтобы удалить изъ Москвы, гдѣ пребываніе его могло быть непріятно новому Архимандриту, послѣ всѣхъ заслугъ его предшественника въ пользу Св. гроба. Огорчился добрый старецъ, слишкомъ долго жившій въ Россіи, чтобы возвратиться на Востокъ, и, отказавшись отъ Архіерейства, умолялъ Патріарха оставить его въ Москвѣ, по крайне растроенному здоровью; но упорный Кириллъ, давъ ему только краткую отсрочку до весны, не умолимо требовалъ его возвращенія «на первоначальное мѣсто иноческихъ его обѣтовъ», какъ выражался въ письмѣ своемъ Патріархъ. Въ Іерусалимѣ же ходила молва о несмѣтныхъ будто бы богатствахъ, собранныхъ Архимандритомъ, во время долгаго его пребыванія въ Россіи. Когда же увидѣлъ Патріархъ, что старецъ медлитъ, извиняясь своею болѣзнію, онъ обратился къ Св. Суноду и требовалъ, чтобы немедленно былъ высланъ изъ Москвы не покорный ему Архимандритъ. Положено было немедленно выслать. Онъ уже выѣхалъ съ подворья и жилъ лѣто въ Подмосковной Дави-

довой пустыни; но какъ только явился въ Москву, полиція стала побуждать его къ выѣзду.

Напрасно предъявлялъ онъ докторское свидѣтельство, о своей истинной болѣзни, и даже переѣхалъ въ Петропавловскую больницу, близъ Данилова монастыря и тамъ его постоянно тревожили. Онъ просилъ Русскаго подданства; но ему отказали, подъ тѣмъ предлогомъ, что если бы даже и сдѣлался Русскимъ подданнымъ, будетъ все еще зависѣть отъ Іерусалимскаго Патріарха, какъ будто для насъ онъ былъ какой либо иновѣрецъ. Напрасно я писалъ о бѣдномъ старцѣ къ Митрополитамъ; напрасно писалъ и къ самому Патріарху и къ нашему Послу въ Царьградѣ, прося его убѣдить неумолимаго Кирилла: — все было тщетно. Патріархъ рѣшительно отвѣчалъ мнѣ, что Архимандритъ долженъ возвратиться въ Іерусалимъ.

Уже онъ, не смотря на свою болѣзнь, рѣшался выѣхать изъ Россіи, чтобы искать себѣ гдѣ либо пріюта въ Греціи, откуда былъ онъ родомъ, и обѣщалъ дорогою посѣтить меня въ Кіевѣ и привезти съ собою мой портретъ, который былъ съ нимъ и въ больницѣ. Ему удалось однако, не знаю уже какими средствами, чрезъ гражданскія власти, выхлопотать себѣ дозволеніе—принять присягу на Русское подданство,—и это дало ему возможность продлить свое пребываніе въ Москвѣ, не оставляя однако больницы; онъ только перебрался на квартиру больничнаго священника. Долго не имѣлъ я отъ него писемъ и — вотъ въ началѣ Декабря, получаю извѣстіе отъ Викарія Московскаго, Игнатія Епископа Можайскаго, что старецъ Филаретъ скончался, послѣ долгой болѣзни и погребенъ имъ въ сосѣднемъ Даниловомъ монастырѣ. Господь испол-

нилъ его желаніе и успокоилъ его кости на Руси, которую такъ любилъ. Немедленно писалъ я къ Преосв. Игнатію и просилъ его выручить мой портретъ, бывшій у покойнаго, чтобы вторично не продали меня въ неволю, какъ Іосифа прекраснаго, и онъ исполнилъ мою просьбу, такъ какъ нашлась записка Архимандрита Филарета, что этотъ портретъ принадлежитъ мнѣ.

Такимъ образомъ чрезъ 32 года, онъ опять ко мнѣ возвратился и, хотя мы теперь не совсѣмъ похожи другъ на друга, но пріятны мнѣ его воспоминанія, и я весьма доволенъ, что онъ опять въ моихъ рукахъ. Я его повѣсилъ между портретами моихъ братьевъ и другихъ присныхъ нашего рода. Пусть пребываетъ между ними, доколѣ и мнѣ не суждено будетъ отойти къ отцамъ и братіямъ: тогда лишь начнутся его странствія».

20 Декабря 1870 г.

Въ теченіи 1871 года ничего не было выдающагося до Августа мѣсяца, когда А. Н. предпринялъ поѣздку на нѣсколько дней въ Почаевъ и Острогъ къ Графинѣ А. Д. Блудовой, что и описано имъ въ брошюрѣ: «Почаевская Лавра и Острожское Братство, съ добавленіемъ описаній Пріюта на Херсонской степи и Обновленіе Дворца въ Кіевѣ». Кромѣ того въ это же время была издана брошюра «Знакомство съ Русскими поэтами» и началось печатаніе «Писемъ о Православіи».

Въ Ноябрѣ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, проѣздомъ изъ Крыма, въ первый разъ останавливалась во вновь

отстроенном Дворцѣ. Къ обѣденному столу Ея Величества, между прочими сановниками, приглашенъ былъ и А. Н. Послѣ обѣда ИМПЕРАТРИЦА очень долго говорила съ А. Н. о церковныхъ дѣлахъ, по случаю сильнаго движенія на Западѣ; за тѣмъ, когда разговоръ коснулся укрѣпленій Кіева, то Царица поблагодарила А. Н. за то, что онъ своимъ заступничествомъ предъ Военнымъ Министромъ, отстоялъ неприкосновенность Св. града; при чемъ А. Н. упомянулъ, что Генералъ Тотлебенъ обѣщалъ успокоить Кіевлянъ.—А. Н. возвратился изъ Дворца и говорилъ, что судьба привела ему въ первый разъ такъ долго и искренно говорить съ Матушкой Царицей; не забыто было и возстановленіе Межигорской упраздненной обители, была рѣчь и о возобновленіи Софійскаго собора въ прежнемъ его видѣ.

30-е Ноября, какъ и всегда, праздновалось торжественно; въ этотъ день всегда служилъ Митрополитъ въ Андреевской церкви, если только раньше этаго не выѣзжалъ въ Петербургъ Съѣздъ поздравителей былъ громадный и продолжался до 5 часовъ пополудни Вечеромъ уставшій и изнуренный до нельзя имянинникъ заставлялъ меня считать сколько было душъ, и цыфра доходила иногда до сотни. Писемъ и телеграммъ бывало безчисленное множество, хотя послѣднихъ не жаловалъ, какъ будящихъ по ночамъ, и хватало работы на отписку недѣли на три; такимъ образомъ провели и конецъ года, безъ особенныхъ приключеній

Наступилъ новый 1872-й годъ; денежныя обстоятельства А. Н. стали болѣе запутываться. Обѣщаніе о кіевской землѣ заглохло, почему онъ иногда говорилъ: «я тебѣ

подарю землю, въ которой мнѣ отказали». Я собирался ѣхать въ Петербургъ, и онъ мнѣ написалъ длинное письмо, въ которомъ подробно изложилъ дѣятельность свою въ Кіевѣ, и которое будетъ подтвержденіемъ всего мною сказаннаго прежде; письмо это писалось собственно для меня, и я прилагаю все безъ пропусковъ, потому что писавшаго не находится между нами.

Кіевъ. 25 Января 1872 г.

«По стѣсненнымъ обстоятельствамъ, можетъ быть, мнѣ придется оставить, не только мою поэтическую виллу, но и самый Кіевъ, гдѣ при новыхъ его порядкахъ и налогахъ, образъ жизни сдѣлался не выразимо дорогъ. Прежде однако, нежели на это рѣшиться, я хочу высказать тебѣ искренно, любезный другъ, всю странность моего здѣсь положенія, какъ относительно города, такъ и относительно Церкви; а между тѣмъ, оно такъ мало было оцѣнено, что мѣстныя власти нисколько нестараются меня поддержать Тебѣ болѣе, чѣмъ кому либо, извѣстно, по моей обширной перепискѣ, былъ ли я дѣйствительно здѣсь полезенъ, по мѣрѣ и даже свыше моихъ средствъ?... потому что едва ли случалось частному человѣку, не облеченному ни какою властію и безъ всякаго состоянія, столько потрудиться для той мѣстности, гдѣ онъ водворился. Пишу сіе не ради похвальбы, но только для своего оправданія, если я буду вынужденъ удалиться изъ Кіева, гдѣ я хотѣлъ остаться до конца жизни.

При самомъ началѣ моего здѣсь пребыванія, когда я еще пріѣзжалъ въ Кіевъ только на лѣтніе мѣсяцы и, по не имѣнію здѣсь пристанища, долженъ былъ провести первое лѣто внѣ города, въ упраздненной обители Межигорской,—я уже началъ заботиться о его древности и святынѣ. Она была мною описана гораздо прежде, и мое описаніе служитъ доселѣ руководствомъ для богомольцевъ высшаго круга.

Это было въ 1859 году; Протоіерей сосѣдняго села Вышгорода, бывшаго нѣкогда удѣломъ наслѣдниковъ великаго Княженія, усердствовалъ построить каменную церковь на древнемъ основаніи Мономаховомъ, во имя святыхъ Бориса и Глѣба, коихъ мощи тутъ нѣкогда почивали. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я исходатайствовалъ ему у брата моего, бывшаго Министромъ Государственныхъ Имуществъ, 5 т. р. заимообразно, и братъ охотно на это согласился. Соорудилась благолѣпная церковь, къ общей радости всѣхъ прихожанъ и жителей Кіевскихъ, особенно уважающихъ это мѣсто; но, по истеченіи срока, Палата начала требовать возвращенія денегъ, которыхъ не въ силахъ были уплатить бѣдные поселяне и клиръ. Неоднократно просили они меня о прощеніи сего долга, такъ какъ дѣло тянулось много лѣтъ, съ крайнимъ для нихъ стѣсненіемъ, и наконецъ мнѣ удалось въ минувшемъ году, по благосклонному вниманію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, исходатайствовать Всемилостивѣйшее на то разрѣшеніе. И вотъ, наканунѣ праздника страстотерпцевъ Князей, имѣлъ я утѣшеніе принять у себя депутацію отъ с. Вышгорода, священника съ выборными людьми, которые поднесли мнѣ икону своихъ

Княжескихъ мучениковъ, съ хлѣбомъ и солью, и благодарили за мое дѣятельное участіе въ ихъ храмозданіи. Это было мое первое соприкосновеніе къ церковнымъ дѣламъ Кіевской эпархіи, но вскорѣ случилось и другое.

Въ томъ же 1859 году, по внушенію бывшаго Ключаря Софійскаго, Митрополитъ Исидоръ исходатайствовалъ чрезъ Генералъ-Губернатора Князя Васильчикова, измѣненіе Высочайше утвержденнаго проекта, чтобы соорудить предположенный храмъ во имя Св. Князя Владиміра, уже не на обширной площади ботаническаго сада, но въ меньшихъ размѣрахъ, на мѣстѣ теплаго собора внутри Софійской ограды. Такое измѣненіе было весьма неблагопріятно для древняго святилища. Кромѣ того, что старый его фундаментъ могъ бы пострадать отъ новаго сосѣдняго зданія, но самый храмъ Софійскій былъ бы совершенно заслоненъ съ южной стороны, а съ восточной предполагалось еще построить, на самой площади, большой домъ для соборянъ; такимъ образомъ совершенно утратился бы величественный видъ на лѣтописное святилище.

Временно обиталъ я тогда въ Софійской Митрополіи, и не могъ оставаться равнодушнымъ къ угрожавшей ему опасности. Неоднократно говорилъ я о томъ Митрополиту, доводя до его слуха ропотъ горожанъ Кіевскихъ; но онъ не обращалъ вниманія на мои слова. Наконецъ я воспользовался осеннимъ пріѣздомъ ГОСУДАРЯ въ Кіевъ и написалъ Владыкѣ сильное письмо, въ которомъ представилъ ему всѣ печальныя послѣдствія такой постройки и самую отвѣтственность, какой онъ подвергалъ себя передъ потомствомъ.

На сей разъ поколебался Митрополитъ и, по совѣ-

щанію съ Княземъ, рѣшился передоложить дѣло ГОСУДАРЮ; прежній проектъ былъ опять утвержденъ; но такъ какъ уже измѣнились формы и размѣры предполагаемаго храма, то, по неопытности зодчаго, произошла грубая архитектурная ошибка въ равновѣсіи его частей, тяжесть свода, напирая на слишкомъ легкія арки, угрожаетъ паденіемъ всему зданію и оно до сихъ поръ остается неконченнымъ. Каково же было бы, если бы эта громадная руина стояла внутри Софійской ограды и своею безобразною массою, загромождало лѣтописное святилище? Не давно подалъ я здѣсь записку ИМПЕРАТРИЦѢ, о возстановленіи его въ древнемъ видѣ, безъ всѣхъ новѣйшихъ пристроекъ XVII вѣка, какъ было оно во дни Ярослава. Еще не извѣстно, чѣмъ это рѣшится? но во всякомъ случаѣ, я весьма счастливъ, что и въ нынѣшнемъ его видѣ, оно, по крайней мѣрѣ, спасено отъ тѣхъ безобразныхъ зданій, которыя бы совершенно помрачили его древнее благолѣпіе.

Еще прежде моего переселенія въ Кіевъ, когда я посѣщалъ его на перепутьи въ Палестину, не могъ я равнодушно видѣть то запустѣніе, въ какомъ уже много лѣтъ, заброшено было священное мѣсто крещенія сыновъ Владиміровыхъ, въ долинѣ Крещатика. Вода изсякла въ большемъ кладезѣ, иконы изъ часовни были вынесены, и она обратилась въ мѣсто разгула не трезвыхъ и подозрительныхъ людей, скитавшихся по сосѣднимъ ущельямъ. Тогда же просилъ я, еще Митрополита Филарета, обратить на нее вниманіе и возстановить прежній крестный ходъ къ часовнѣ, уже много лѣтъ упраздненный. Я прислалъ ему, изъ столицы, весьма изящный планъ не боль-

шой церкви надъ источникомъ, который былъ Высочайше утвержденъ, и уже начали дѣлать сборъ для сей постройки; но, по недостатку средствъ, она отложена на неопредѣленное время; а бывшая часовня оставалась въ томъ же печальномъ запустѣніи, и при управленіи Митрополита И. Съ прибытіемъ новаго Владыки Арсенія въ Кіевъ, я возобновилъ мое ходатайство о возстановленіи крестнаго хода и, при содѣйствіи Генералъ-Губернатора Князя Васильчикова, достигъ наконецъ желаемаго. По его приказанію трубы источниковъ, наполнявшихъ кладезь, были вновь открыты, часовня нѣсколько очищена, и въ день памяти Св. Князя, 15 Іюля 1861 года, послѣ 25 лѣтъ совершеннаго забвенія сей древней святыни, совершился первый крестный ходъ всего духовенства Кіевскаго къ священной колыбели нашего спасенія. Митрополитъ поручилъ Ключарю Софійскому, по совѣщанію со мною, устроить обновленный ходъ сей съ возможнымъ великолѣпіемъ.

Я предложилъ, чтобы самъ Владыка совершилъ литургію въ Десятинной церкви, при гробѣ Равноапостольнаго, и оттуда двинулся во главѣ всего духовенства Старокіевскаго, на Крещатикъ. Предъ самымъ спускомъ въ долину, для большаго торжества, должны были присоединиться къ нему еще два крестныхъ хода: одинъ изъ Лавры, съ ея братіею и съ клиромъ всѣхъ Печерскихъ церквей, а другой изъ Братскаго монастыря съ Подольскими. Все было исполнено какъ нельзя лучше и неожиданное торжество сіе произвело благопріятное впечатлѣніе на массу народную, въ ту смутную эпоху, когда въ полномъ разгарѣ были умы Польскіе и все готовилось къ мятежу въ

югозападномъ краѣ. Это доказало безразсуднымъ Полякамъ, что Кіевъ, колыбель нашего Православія, ни когда не можетъ быть Польскимъ городомъ, и такимъ образомъ крестный ходъ сей, въ день Св. Владиміра, имѣлъ для Кіева столько же значенія политическаго, сколько и церковнаго.

Но хотя и былъ онъ учрежденъ такъ успѣшно и неожиданно, и даже Высочайше утвержденъ, не малыхъ трудовъ стоило мнѣ его упрочить на слѣдующее время, и дать ему надлежащую торжественность. Въ самую первую зиму послѣ его учрежденія, уже воспользовались моимъ отсутствіемъ въ столицу; одна изъ содержательницъ лѣтнихъ балагановъ, близь купаленъ, испросила себѣ дозволеніе у Округа Путей Сообщенія, выстроить, подъ именемъ балагана, цѣлый домъ для молочнаго заведенія со скотнымъ дворомъ, который сталъ противъ часовни и пересѣкъ заборами крестный путь для Подольскихъ церквей. Тотъ часъ по возвращеніи, я началъ дѣйствовать, чтобы очистить неправильно занятое мѣсто, такъ какъ оно уже было освящено этимъ ходомъ. Заборы немедленно сломали, но хозяйка еще недостроеннаго дома крѣпко за него стояла, увѣряя, что это только балаганъ, хотя онъ былъ устроенъ со всѣми условіями настоящаго жилья и даже съ мезониномъ. Напрасно Лавра предполагала купить у нея домъ, она упорствовала, доколѣ наконецъ, на канунѣ хода, полиція должна была сломать ея незаконную постройку. Между тѣмъ я обновилъ часовню, украсилъ ее изящными иконами Лаврскаго письма, и построилъ передъ нею терассу для удобства богослуженія. На сей разъ, такъ какъ предполагалась закладка новаго Владимірскаго собора,

близь Университета, я предложилъ Митрополиту подняться прямо отъ крещальни, къ бронзовому изваянію Св. Владиміра, на береговомъ утесѣ; оно еще не было освящено при Митрополитѣ Филаретѣ, который неодобрялъ сооруженіе такого рода памятника Святому. Дабы облегчить оттуда восходъ къ Михайловскому монастырю, я проложилъ заблаговременно прямую дорогу по крутизнѣ стараго вала, и съ тѣхъ поръ всегда тутъ спускается крестный ходъ ко крещальнѣ.

На слѣдующій годъ новый Генералъ-Губернаторъ Анненковъ, старался придать какъ можно болѣе блеска сему церковному торжеству въ смутное время Польскаго мятежа; онъ сдѣлалъ на Софійской площади парадъ войскамъ, которыя окропилъ Св. водою Митрополитъ, тутъ же были розданы медали крестьянамъ, отличившимся при усмиреніи бунта. Надобно отдать справедливость Г. Анненкову, что онъ болѣе другихъ оцѣнилъ значеніе сего крестнаго хода; послѣ него мѣстныя власти не только ничего не сдѣлали для поддержанія его торжественности, но даже сократили число войскъ и уничтожили парадъ, который привлекалъ толпы народа. Въ 1864 году учредилось въ Кіевѣ новое Свято-Владимірское Братство, съ цѣлію дѣйствовать противъ Латино-Польской пропаганды, и я былъ въ числѣ его учредителей. Хоругвь Братская и икона Равноапостольнаго Князя, предъ коей шли братчики со свѣчами, произвели благопріятное впечатлѣніе на народъ и тѣмъ еще болѣе украсилось торжество церковное.

Но тѣмъ не окончились мои заботы о крестномъ ходѣ; на меня падали всѣ нареканія, если измѣняла погода, хотя я большею частью она благопріятствовала; но когда случалс

дождь, или было слишкомъ жарко, я дѣлался предметомъ общаго неудовольствія духовныхъ, какъ виновникъ торжества. Постоянно приходилось мнѣ также возражать противъ зонтиковъ, которые позволяли себѣ носить священники во время хода, какъ бы на обыкновенной прогулкѣ, безъ всякаго порядка въ шествіи. Только въ прошедшемъ году, по моему настоянію, сдѣланы были на сей день однообразныя золотыя ризы для всего духовенства, но сколько было и за это воплей, какъ будто я дѣйствовалъ тутъ по какому либо личному интересу, а не ради подобающаго приличія, тогда какъ на это лѣтописное торжество стекается множество народа и даже нарочно пріѣзжаютъ въ Кіевъ.

Хотя оно уже совершается 11 лѣтъ, мнѣ пришлось однако выдержать еще одну борьбу съ тѣмъ же Округомъ, при устройствѣ водопроводовъ для минеральнаго заведенія. Къ счастію, я успѣлъ остановить землекоповъ, которые едва не пересѣкли водяную струю крещальнаго кладезя и только по моему настоянію, минеральныя трубы получили другое направленіе; со стороны же мѣстныхъ властей не было на это обращено ни какого вниманія, и я снова долженъ былъ спорить за постройку дома для водокачальной машины, который хотѣли поставить передъ самою часовнею. Равнодушіе изумительное къ нашей древности и святынѣ! Должно отдать справедливость опытнымъ инженерамъ Струве и Донату, которые приняли на себя устройство городскихъ водопроводовъ, что они дѣйствовали гораздо осторожнѣе и совѣщались со мною, какъ съ блюстителемъ часовни, прежде нежели избрали на берегу мѣсто для своихъ построекъ.

Какъ только рѣшился я поселиться въ Кіевѣ, подъ сѣнію моего Ангела Первозваннаго Апостола, и началъ устроять свою усадьбу противъ его церкви, я невольно обратилъ вниманіе на матеріальный и нравственный упадокъ, въ которомъ находился сей чудный храмъ великаго зодчаго Растрелли, и вся окружающая его мѣстность. Горы кругомъ были изрыты весенними протоками, отъ натиска снѣговъ и всякой нечистоты, которую тутъ бросали. Но еще ужаснѣе была нечистота инаго рода, обратившая въ посмѣяніе самое имя Андреевской горы; частные люди не могли на ней селиться, потому что почти вся она, отъ верха и до низу, была усѣяна такъ называемыми домами терпимости, гдѣ всякую ночь происходили буйства, при неистовыхъ крикахъ и смрадныхъ пѣсняхъ. Мнѣ самому не совѣтовали тутъ строиться, и мой ближній сосѣдъ изъ поляковъ, человѣкъ семейный, горько каялся въ своей опрометчивости. Было даже предположеніе, къ счастію уже отклоненное, построить главный притонъ развратовъ подлѣ самой церкви на урочищѣ, которое отняли у клириковъ.

Могъ ли я оставаться равнодушнымъ при такомъ беззаконіи, по уваженію моему къ святынѣ? Тогда еще можно было дѣйствовать, при Начальникѣ Края, каковъ былъ Князь Васильчиковъ, и первымъ моимъ дѣломъ было стараться, всѣми мѣрами, очистить отъ поруганія сію священную гору. Мнѣ это удалось, чрезъ непрестанное мое настояніе предъ Княземъ и Княгиней, когда посѣщали они мою усадьбу, и чрезъ полицейскія власти, которыя въ то время были внимательнѣе къ нравственному благосостоянію города. Въ продолженіи одного года, постепенно

закрывались, одинъ за другимъ, всѣ дома беззаконной терпимости, такъ что совершенно отъ нихъ очистилась гора, окруженная обителями и церквами. Домовладѣльцы приходили благодарить меня за то, что избавились отъ сосѣдства этой язвы и, несмотря на всѣ домогательства, она болѣе не возобновлялась явно. На ближайшемъ пустырѣ къ церкви, гдѣ нѣкогда предполагался одинъ изъ такихъ притоновъ, я развелъ не большой садъ, на деньги пожертвованныя Поч. Гражд. Кокоревымъ, такъ какъ это мѣсто уступлено имъ городу, но громадные снѣга минувшей зимы многое тутъ повредили.

Приступая къ обновленію Андреевской церкви, которая сдѣлалась предметомъ моихъ особенныхъ заботъ, я прежде всего занялся нижнею ея частью, гдѣ въ обширныхъ подземельяхъ, предполагалась нѣкогда церковь, а между тѣмъ они были въ совершенномъ запустѣніи и даже, во время войны, служили темницею для плѣнныхъ Турокъ. Испросивъ благословеніе Митрополита, я собралъ до 2 тысячъ р. въ обоихъ столицахъ, и устроилъ въ сихъ катакомбахъ весьма оригинальную церковь, во имя Преп. Сергія, съ чугуннымъ двойнымъ иконостасомъ, который пожертвовалъ С. И. Мальцевъ, а изящныя иконы были отчасти приношеніемъ здѣшней Лавры. Послѣ сего я началъ помышлять, какъ бы возстановить и верхнюю церковь въ прежнемъ ея благолѣпіи, обновить ея серебристый куполъ и вызолотить внутри и снаружи всѣ ея капители и лѣпныя украшенія, потому что уже наступалъ, въ 1867 году, сто-лѣтній юбилей сего чуднаго храма. Мнѣ помогъ въ этомъ П. Н. Батюшковъ, который завѣдывалъ въ то время постройкою церквей въ западномъ краѣ. Онъ ис-

просилъ отъ Царскихъ щедротъ 10 тысячъ р. для обновленія храма, а ИМПЕРАТРИЦА прислала богатую утварь, съ орденскими Андреевскими крестами для соборнаго служенія.

Но самой церкви угрожала опасность, при таяніи весеннихъ снѣговъ по крутизнѣ горы, такъ что паперть была уже отчасти обнажена и глубокія рытвины доходили до самой церкви. Письменно обращался я и къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и къ новому Генералъ-Губернатору Безаку, и напечаталъ краткое, но сильное воззваніе, о судьбѣ Андреевской церкви, которое подѣйствовало благопріятно, опять съ помощію Батюшкова и, по представленію дѣятельнаго Генералъ-Губернатора, испрошены были 26 тысячъ р., для необходимаго укрѣпленія горы. Составленъ былъ для сего особый Комитетъ, мы нѣсколько воспользовались этою суммою и для довершенія внѣшнихъ украшеній храма; и вотъ онъ стоитъ нынѣ, въ прежнемъ своемъ величіи, весь обновленный и раззолоченный, какъ лучшее украшеніе древней матери городовъ Русскихъ и память перваго креста, воздвигнутаго здѣсь Апостоломъ. Торжественно праздновался юбилей уже въ обновленномъ храмѣ, 19 Августа 1867 года, въ присутствіи всѣхъ властей гражданскихъ и воинскихъ. Митрополитъ съ двумя Архіереями и почетнымъ духовенствомъ Кіева, совершалъ литургію и обносилъ кругомъ выспренной паперти часть святыхъ мощей Апостола, принесенную мною съ Аѳона. Въ краткой рѣчи онъ благодарилъ меня за усердіе къ обновленію святилища, и это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни.

Не такъ удачны были мои старанія о возстановленіи

древней Межигорской обители. Я полюбилъ это живописное мѣсто, еще въ первое лѣто моего пребыванія въ Кіевѣ, и съ тѣхъ поръ, всѣми средствами старался возвратить Межигорье его первобытному назначенію. Казенная фабрика уже была отдана въ частную аренду, которая оказалась не состоятельною. Обѣ великолѣпныя его церкви, изъ коихъ одна строенія Патріаршаго, были переданы въ Епархіальное вѣдомство; туда послали нѣсколько монашествующихъ изъ Лавры, такъ что составилась опять небольшая обитель и къ ней начали привыкать окрестные жители. Но Министру Двора пришло на мысль продать бывшую фабрику въ частное помѣстье. Тогда я убѣдилъ Митрополита написать къ нему письмо, въ которомъ мною было изложено все историческое значеніе Межигорья; и предложить за него Кабинету 60 тысячъ р., которыя были назначены для торговъ. Министръ отклонилъ это предложеніе, подъ страннымъ предлогомъ, будто бы обновленіе Межигорья можетъ возбудить опять духъ Запорожья. Сія мысль была однако совершенно оставлена въ послѣдствіи, но Митрополитъ уже не хотѣлъ вступиться въ это дѣло и когда опять, по несостоятельности покупщика, назначались новые торги въ прошломъ году, я уже не могъ убѣдить его, чтобы повторилъ свое предложеніе Министру. Самъ я написалъ Графу Адлербергу и его товарищу Графу Стенбоку, и просилъ еще Секретаря ИМПЕРАТРИЦЫ Морица, чтобы обратить на бывшую обитель Ея милостивое вниманіе. Но хотя Она и приняла въ ней участіе и я еще подавалъ Ей лично записку, по сему дѣлу, во время послѣдняго проѣзда чрезъ Кіевъ,—было уже поздно; Межигорье продано вторично и даже безъ торговъ. По край-

ней мѣрѣ не останется на моей совѣсти, что я не сдѣлалъ всего, что только могъ, для его спасенія.

Между тѣмъ усадьба моя была уже устроена, фруктовыя деревья и виноградникъ приносили уже плоды, и разросшійся по живописнымъ оврагамъ садъ привлекалъ общее вниманіе. Можно сказать, что моя вилла облагородила все мѣсто, гдѣ до того времени былъ только безобразный пустырь, опасный по вечерамъ, и она сдѣлалась одною изъ любимыхъ прогулокъ для Кіевлянъ, съ тѣхъ поръ какъ бывшій Царскій садъ былъ искаженъ народнымъ гульбищемъ Шато-де-флеръ, гдѣ всякаго рода публика не для всѣхъ была пріятна.

Шато-де-флеръ совершенно убилъ всю патріархальность Кіева, пренебреженіемъ его священныхъ преданій; подъ самые большіе праздники Лавры гремѣла тамъ музыка и лопались фейерверки, къ общему соблазну православныхъ. Неоднократно говорилъ я о томъ и даже писалъ къ мѣстнымъ властямъ, навлекая на себя ихъ неудовольствіе, но все было напрасно, потому что тутъ замѣшались городскіе интересы. Пора бы однако, хотя теперь при обновленіи Дворца, очистить Царскій садъ отъ такой проказы.

Не одни только Кіевляне, но и всѣ пріѣзжіе иностранцы посѣщали мою виллу, и даже Царственныя особы. Я тутъ принималъ Принцевъ Мекленбургскаго, Лейхтенбергскаго и двухъ Ольденбургскихъ и нашихъ Великихъ Князей, которыхъ былъ руководителемъ по Кіевской святынѣ. По личному приглашенію Великаго Князя Константина Николаевича, который посѣтилъ мою усадьбу, вмѣстѣ съ своимъ Сыномъ, три дня я Ему сопутствовалъ по

нашему родному Кіеву, равно какъ и Великому Князю Алексѣю Александровичу, а нѣсколько позже Великимъ Князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ и Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ; это мнѣ заслужило милостивое вниманіе ИМПЕРАТРИЦЫ. Я сдѣлался, такимъ образомъ какъ бы привилегированнымъ чичероне Кіева, и ко мнѣ обращались всѣ Царственныя особы, по указанію самихъ мѣстныхъ властей, такъ какъ моя книга служила для всѣхъ предварительнымъ руководствомъ или Гидомъ. Но всѣхъ утѣшительнѣе было для меня посѣщеніе Государя Наслѣдника и Цесаревны, въ 1869 году, потому что они не только любовались видами, моего сада, но взошли ко мнѣ въ домъ, гдѣ осматривали мою образную, и въ лѣтнюю избу, гдѣ я имѣлъ счастіе угостить собственнымъ виноградомъ изъ своего сада. Если я могъ принести для всѣхъ сихъ высокихъ посѣтителей хотя малѣйшую пользу, моимъ опытнымъ знаніемъ священной мѣстности Кіева, то я уже долженъ почитать счастливымъ мое здѣсь водвореніе, хотя оно мнѣ стоило многихъ трудовъ и издержекъ.

Но вотъ настала критическая минута для Кіева. По стратегическимъ соображеніямъ, онъ былъ избранъ главнымъ пунктомъ для юго-западнаго края и вооруженнымъ лагеремъ, гдѣ бы хранились всѣ снаряды и запасы на случай войны. Не довольствуясь настоящею крѣпостію, которая разорила, въ свое время, всю Печерскую часть города, перенесенную на новыя мѣста, теперь положено было укрѣпить и Старый городъ и воздвигнуть батареи на полуразрушенныхъ валахъ Миниха, такъ что одна даже приходилась въ моемъ саду. Это бы разорило и Старый

городъ и новыя мѣста съ ботаническимъ садомъ, которыхъ лучшая часть подходила подъ укрѣпленія; вновь строющійся въ эту сторону городъ былъ бы окончательно уничтоженъ, не говоря уже о томъ запрещеніи, какое бы легло на всю сію мѣстность, гдѣ ни позволяли бы ни строиться вновь, ни устраивать старое, даже самыя церкви. Кіевъ въ промышленномъ отношеніи упалъ бы совершенно подъ условіями внутренней крѣпости и внѣшнихъ фортовъ. Г. Тотлебенъ сочинилъ этотъ планъ, можетъ быть отличный въ стратегическомъ смыслѣ, но губительный для древности и святыни, которыя пострадали бы отъ предполагаемыхъ укрѣпленій еще прежде осады. Онъ предложилъ свой проектъ Генералъ-Губернатору и планъ былъ уже утвержденъ свыше; все хранилось въ тайнѣ и только ходила глухая молва о предстоящемъ разореніи. Къ счастію пріѣхалъ въ Кіевъ Военный Министръ и пожелалъ осмотрѣть, на самыхъ мѣстахъ, предположенныя укрѣпленія. Я рѣшился изложить предъ нимъ всю опасность, какой подвергался городъ, хотя и не зналъ лично, Д. А. Милютина, а только однажды къ нему писалъ, о трехъ пороховыхъ погребахъ окружающихъ Лавру, и просилъ уничтожить тотъ, что былъ у самыхъ ея воротъ, потому что, при малѣйшей неосторожности, могъ взорвать ее на воздухъ. Министръ отвѣчалъ мнѣ благосклонно, что приняты будутъ мѣры, дабы въ этотъ погребъ не складывать болѣе пороха. Это было за пять лѣтъ. На сей разъ, я просилъ Командующаго Войсками Генерала Козлянинова пригласить ко мнѣ Военнаго Министра, зная, что онъ будетъ осматривать, съ паперти Андреевской, предположенный тутъ редутъ и мѣсто для батареи въ моемъ саду.

нашему родному Кіеву, равно какъ и Великому Князю Алексѣю Александровичу, а нѣсколько позже Великимъ Князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ и Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ; это мнѣ заслужило милостивое вниманіе ИМПЕРАТРИЦЫ. Я сдѣлался, такимъ образомъ какъ бы привилегированнымъ чичероне Кіева, и ко мнѣ обращались всѣ Царственныя особы, по указанію самихъ мѣстныхъ властей, такъ какъ моя книга служила для всѣхъ предварительнымъ руководствомъ или Гидомъ. Но всѣхъ утѣшительнѣе было для меня посѣщеніе Государя Наслѣдника и Цесаревны, въ 1869 году, потому что они не только любовались видами моего сада, но взошли ко мнѣ въ домъ, гдѣ осматривали мою образную, и въ лѣтнюю избу, гдѣ я имѣлъ счастіе угостить собственнымъ виноградомъ изъ своего сада. Если я могъ принести для всѣхъ сихъ высокихъ посѣтителей хотя малѣйшую пользу, моимъ опытнымъ знаніемъ священной мѣстности Кіева, то я уже долженъ почитать счастливымъ мое здѣсь водвореніе, хотя оно мнѣ стоило многихъ трудовъ и издержекъ.

Но вотъ настала критическая минута для Кіева. По стратегическимъ соображеніямъ, онъ былъ избранъ главнымъ пунктомъ для юго-западнаго края и вооруженнымъ лагеремъ, гдѣ бы хранились всѣ снаряды и запасы на случай войны. Не довольствуясь настоящею крѣпостію, которая разорила, въ свое время, всю Печерскую часть города, перенесенную на новыя мѣста, теперь положено было укрѣпить и Старый городъ и воздвигнуть батареи на полуразрушенныхъ валахъ Миниха, такъ что одна даже приходилась въ моемъ саду. Это бы разорило и Старый

городъ и новыя мѣста съ ботаническимъ садомъ, которыхъ лучшая часть подходила подъ укрѣпленія; вновь строющійся въ эту сторону городъ былъ бы окончательно уничтоженъ, не говоря уже о томъ запрещеніи, какое бы легло на всю сію мѣстность, гдѣ ни позволяли бы ни строиться вновь, ни устраивать старое, даже самыя церкви. Кіевъ въ промышленномъ отношеніи упалъ бы совершенно подъ условіями внутренней крѣпости и внѣшнихъ фортовъ. Г. Тотлебенъ сочинилъ этотъ планъ, можетъ быть отличный въ стратегическомъ смыслѣ, но губительный для древности и святыни, которыя пострадали бы отъ предполагаемыхъ укрѣпленій еще прежде осады. Онъ предложилъ свой проектъ Генералъ-Губернатору и планъ былъ уже утвержденъ свыше; все хранилось въ тайнѣ и только ходила глухая молва о предстоящемъ разореніи. Къ счастію пріѣхалъ въ Кіевъ Военный Министръ и пожелалъ осмотрѣть, на самыхъ мѣстахъ, предположенныя укрѣпленія. Я рѣшился изложить предъ нимъ всю опасность, какой подвергался городъ, хотя и не зналъ лично, Д. А. Милютина, а только однажды къ нему писалъ, о трехъ пороховыхъ погребахъ окружающихъ Лавру, и просилъ уничтожить тотъ, что былъ у самыхъ ея воротъ, потому что, при малѣйшей неосторожности, могъ взорвать ее на воздухъ. Министръ отвѣчалъ мнѣ благосклонно, что приняты будутъ мѣры, дабы въ этотъ погребъ не складывать болѣе пороха. Это было за пять лѣтъ. На сей разъ, я просилъ Командующаго Войсками Генерала Козлянинова пригласить ко мнѣ Военнаго Министра, зная, что онъ будетъ осматривать, съ паперти Андреевской, предположенный тутъ редутъ и мѣсто для батареи въ моемъ саду.

На другой день, когда посѣтилъ меня Министръ, я высказалъ ему со всевозможною силою все, чему подвергается наша родная древность и святыня и самое благосостояніе города, отъ столь убійственнаго для нихъ проекта укрѣпленій, присовокупивъ, что дѣло идетъ для насъ о жизни и смерти. Мы вышли въ садъ, и я показалъ ему, съ моего вала, всю мѣстность, повторяя опять какимъ разореніямъ подвергнутся всѣ древніе храмы и урочища, которыхъ уже нельзя будетъ узнать. Министръ позволилъ мнѣ изложить письменно все, что я ему высказалъ только въ краткой рѣчи. Больше мы не видались. Но, чрезъ три дня, я послалъ ему пространную записку, въ которой исторически изложилъ всѣ разоренія, какимъ подвергался Кіевъ, отъ самаго начала строенія крѣпости, и то, что ему угрожаетъ опять при строеніи новой, еще съ большимъ ущербомъ, потому что тогда потерпѣла только одна незначительная часть города около Лавры, а нынѣ разорится новая лучшая часть уже цвѣтущаго города, который сдѣлалъ такіе исполинскіе шаги въ торговлѣ и промышленности, и можетъ почитаться столицею всего южнаго края. Записка была принята благосклонно; Министръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ сдѣлаетъ съ своей стороны все, что только будетъ можно, дабы не пострадали интересы города. Вѣроятно она была принята, хотя отчасти, во вниманіе и въ Петербургѣ, потому что скоро пришло успокоительное извѣстіе, что ограничатся однѣми внѣшними укрѣпленіями города.

Нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Военнаго Министра, явилась ко мнѣ депутація отъ всего города: самъ городской Голова Войтенко, съ своими Гласными и

нѣсколькими почетными членами купечества. Они благодарили меня весьма усердно, за то, что я защитилъ ихъ городъ въ критическую его минуту. Это тронуло меня до глубины души и, хотя я отозвался, что еще рано благодарить до окончательнаго успѣха, но они отвѣчали: довольно и того, что вы такъ горячо за насъ вступились.

Въ нынѣшнемъ году поднялся опять тотъ же вопросъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, при посѣщеніи Кіева Генералъ-Инспекторомъ Инженеровъ Николаемъ Николаевичемъ; предложили укрѣпить только одну обсерваторію, но и это угрожало бы разореніемъ сей части города. Узнавъ о томъ, я написалъ опять письмо къ Военному Министру Д. А. Милютину, прося его вступиться еще разъ за нашъ родной Кіевъ, какъ нѣкогда его защищалъ, при нашествіи Монголовъ, Бояринъ Русскій Димитрій, ему соименный. Но меня обнадеживаетъ то, что во время послѣдняго своего проѣзда чрезъ Кіевъ, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА весьма милостиво мнѣ сказала: «Генералъ Тотлебенъ мнѣ говорилъ, что онъ имѣлъ съ вами сильное преніе объ укрѣпленіяхъ кіевскихъ, но онъ надѣется однако васъ удовлетворить».

По случаю бывшей ко мнѣ депутаціи, разнеслась молва, что купечество хочетъ избрать меня своимъ Головою, при новой Думѣ; но, хотя мнѣ и предлагалъ бывшій Голова, склонить всѣхъ гражданъ въ мою пользу, я не пожелалъ принять на себя такой должности, которая была бы свыше моихъ силъ, и свыше средствъ, необходимыхъ для приличнаго ея исполненія. Когда же меня выбрали Гласнымъ въ Думу, я и отъ сего отказался, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, потому что при самоуправ-

ствѣ новой Управы, не могъ, вопреки своихъ убѣжденій, молча во всемъ соглашаться. У меня есть впрочемъ своего рода обязанность, которая также требуетъ постояннаго вниманія. Какъ я былъ Предсѣдателемъ Комитета, по обновленію Андреевской церкви и по укрѣпленію ея горы, такъ былъ избранъ, по желанію Митрополита, и въ Предсѣдатели Владимірскаго Братства, которымъ усердно занялся. Прежде всего я исправилъ и вновь издалъ его уставъ, чтобы лучше опредѣлить дѣятельность Братства, и старался набрать по болѣе Членовъ, между почетными посѣтителями Кіева. Такъ какъ съ упадкомъ Латино-Польской пропаганды, первоначальная цѣль Братства нѣсколько измѣнилась, то я старался направить наши усилія на другой элементъ Еврейскій, который становится чрезвычайно опасенъ въ юго-западномъ краѣ, въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи. Между молодыми Евреями, получившими нѣкоторое образованіе въ школахъ, открывается расположеніе къ Христіанству, потому что они гнушаются грубаго быта своихъ отцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ искренно желаютъ принять крещеніе; но они боятся гоненія отъ единовѣрцевъ, и для нихъ необходимъ пріютъ на время ихъ приготовленія. По сему главною моею заботою было устройство такого пріюта, и съ помощію Божіею, могли мы, не разстроивъ капитала Братства, пріобрѣсти за 4 т. р. не большую усадьбу въ центрѣ города, гдѣ съ нынѣшняго года начинаемъ принимать обращающихся къ намъ Евреевъ; а между тѣмъ постараемся тутъ устроить и небольшую школу для приходящихъ мальчиковъ. Кромѣ того Братство поддерживаетъ нѣсколько бѣдныхъ учениковъ въ Семинаріи, помогаетъ сколько можно

бѣднымъ и имѣетъ нѣкоторый надзоръ за Попечительствами церковными, разсылая и въ приходскія училища, по мѣрѣ возможности учебныя книги.

Митрополитъ помогаетъ намъ денежными средствами, и я долженъ ему отдать ту справедливость, что онъ не раздражается моею ревностію. Однажды, за праздничной трапезой, предъ всѣми Соборянами, сказалъ онъ «что хотя я иногда и тяжелъ бываю для духовенства, но за то и самъ много за него терплю». А въ прошломъ году, при посѣщеніи Великаго Князя Николая Николаевича, выразился еще сильнѣе. Когда Великій Князь увидя меня за завтракомъ въ Митрополіи Софійской, спросилъ Владыку: «какую собственно должность занимаю я въ Кіевѣ?»—Онъ кратко отвѣчалъ: «должность защитника Православія»,—въ этомъ свидѣтельствѣ Архипастыря, лучшая для меня похвала!

Не былъ я равнодушенъ и къ православію Востока, находясь въ постоянной перепискѣ съ его Патріархами, съ нашимъ Посломъ въ Царьградѣ и съ монастырями Аѳонскими, гдѣ я считаюсь ктиторомъ двухъ изъ ихъ числа. Не весьма ли странно то, что они меня призываютъ иногда посредникомъ въ ихъ взаимныхъ распряхъ и нуждахъ? Еще недавно Митрополитъ Сербскій, Михаилъ, просилъ меня, чтобы я, по званію ктитора, внушилъ Болгарскому монастырю Зографу на св. горѣ, не обижать безпрестанными тяжбами сосѣдній монастырь Хиландарь, населенный Сербами; о томъ же писалъ ко мнѣ и Посолъ изъ Царьграда Онъ также спрашивалъ мое мнѣніе, какъ учредителя Русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ: слѣдуетъ ли ходатайствовать предъ Патріархомъ, о признаніи

его независимости отъ Ватопедскаго монастыря? на что я отвѣчалъ отрицательно. Вселенскій Патріархъ Григорій, мужъ знаменитый по своей высокой добродѣтели, всегда милостиво ко мнѣ относится, и по моему вопросу о важности служенія діаконскаго въ первенствующей Церкви, написалъ мнѣ пространный отвѣтъ, исполненный глубокаго познанія Христіанской древности. Я его напечаталъ въ недавно изданной мною книгѣ «Письма о Православіи», такъ какъ и здѣсь не оставляю я моихъ церковно-литературныхъ занятій.

По желанію священнослужителей Андреевской церкви, написалъ я, на славянскомъ языкѣ, акаѳистъ Первозванному Апостолу, который читается, въ лѣтніе мѣсяцы, по Пятницамъ, въ нашемъ храмѣ и, кромѣ другихъ мѣстностей въ Россіи, принятъ въ употребленіе въ Сербіи и и на св. горѣ Аѳонской. Послѣ кончины великаго Святителя Московскаго, собралъ я всю утѣшительную для меня и весьма замѣчательную его переписку, которая продолжалась въ теченіи 35 лѣтъ, и издалъ ее въ свѣтъ съ своими объясненіями. Книга сія была принята повсемѣстно съ большимъ вниманіемъ, потому что она обрисовала келейный высокій характеръ Святителя, мало кому извѣстный, какъ обыкновенно случается съ людьми Государственными. Его глубокое смиреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ игривое остроуміе, отражаются въ каждомъ письмѣ, при чрезвычайной правильности и красотѣ русскаго слога. Теперь же только что я напечаталъ мои «Письма о Православіи», которыя хотя и были прежде издаваемы по частямъ, но могутъ быть и теперь полезны, потому что равнодушіе къ Церкви и протестантское направленіе, къ сожалѣнію, на-

чинаютъ проявляться у насъ на Руси. Многіе изъ Преосвященныхъ уже отозвались весьма благосклонно о моей книгѣ, и выписываютъ ее для своихъ эпархій; въ это же время я былъ избранъ почетнымъ членомъ двухъ Духовныхъ Академій: Московской и Кіевской.

Вотъ я изобразилъ тебѣ, любезный другъ, въ небольшомъ очеркѣ, весь кругъ моей Кіевской дѣятельности, чтобы оправдаться въ нареканіяхъ праздности, которымъ обыкновенно подвергаются люди внѣ Государственной службы, какъ будто бы и въ частной жизни нельзя имѣть своего рода дѣятельности и быть полезнымъ, словомъ или дѣломъ, болѣе нежели въ какой либо канцеляріи. Ты можешъ болѣе другихъ судить, истинно ли все-то, что я здѣсь написалъ, потому что ни кого столько не утомлялъ я моею обширною перепиской, внутри Россіи и заграницей, и разнообразными докладными записками. Были ли довольно оцѣнены труды мои и здѣсь и въ столицѣ? объ этомъ я предоставляю судить другимъ»!

Здѣсь считаю не лишнимъ добавить, что А. Н. еще за нѣсколько лѣтъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, собственно по неимѣнію средствъ, въ Св. горы, Харьковской губ., гдѣ хотѣлъ устроить для себя пріютъ, а меня оставить въ своемъ домѣ для уплаты долговъ, съ получаемыхъ доходовъ;. но не знаю, почему это не состоялось хотя и дано было согласіе, на устройство дома и на выдачу лѣснаго матеріала покойнымъ нынѣ А. М. Потемкинымъ.

Въ началѣ Апрѣля я выѣхалъ изъ Кіева съ французскимъ монахомъ Августиномъ, принявшимъ въ Кіевѣ

Православіе, и долго живщимъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Француза я сдалъ въ Москвѣ на попеченіе Княгини Н. Б. Шаховской, а самъ поѣхалъ въ Питеръ, съ тѣмъ чтобы пробыть тамъ одинъ мѣсяцъ, а другой употребить на путешествіе по Волгѣ. Поѣздка эта удалась мнѣ вполнѣ.—Въ Питерѣ видѣлся со всѣми пріятелями А. Н., а 30-го Апрѣля, въ день его рожденія, былъ въ Сергіевской пустынѣ, гдѣ совершается крестный ходъ въ благодарное воспоминаніе пожертвованныхъ А. Н-мъ частицъ мощей, принесенныхъ имъ съ Востока. Пришлось побывать и у Митрополита Исидора, по поводу его письма къ А. Н., въ копіи мнѣ присланному, въ которомъ Его Высокопреосвященство проситъ заняться составленіемъ общедоступной книги для сельскаго духовенства о приготовленіи иновѣрцевъ къ принятію Православія и пр.

Путешествіе мое было счастливое, я былъ (въ Москвѣ), во Владимірѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани, гдѣ видѣлся съ Архіепископомъ Антоніемъ, въ Саратовѣ,—наконецъ измѣнилъ направленіе и побывалъ въ Воронежѣ, конечно съ тѣмъ, чтобы поклониться мощамъ Святителя Митрофана, и непримянулъ зайти къ Преосв. Серафиму. Спустился въ Новочеркаскъ, гдѣ не засталъ Пр. Платона; поднялся въ Св. горы, затѣмъ чрезъ Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ уже по Днѣпру явился домой. Въ теченіи двухмѣсячнаго отсутствія я получилъ отъ А. Н. много писемъ, которыя прилагаю.

Кіевъ. 9 Апрѣля **1872**.

«Всякое терпѣніе лопнетъ въ ожиданіи писемъ отъ тебя, безспорный баринъ! до сихъ поръ нѣтъ; я все под-

жидалъ изъ Москвы и наконецъ рѣшился писать. Покамѣсть все благополучно и весна въ полномъ блескѣ; все распускается, но гроша ни откуда нѣтъ. Изъ Почаева ни слова, изъ Полтавы также. Боюсь, что къ празднику крѣпость голодомъ сдастся, ибо осталось немного. Вчера твой Генералъ былъ въ церкви у всенощной, но о тебѣ не спрашивалъ. Вчера же крестили 2-хъ евреевъ, а сегодня присоединили 2-хъ католиковъ. Французу, на другой день вашего отъѣзда пришло письмо отъ матери, которое я ему послалъ, прочитавъ прежде. Была у нихъ видно страшная катавасія, о коей мать упоминаетъ; не оттого ли и ушелъ?—Она почти ослѣпла, отецъ умеръ, братъ очень боленъ; не совѣтуетъ она ему возвращаться, говоря, что многіе рѣшились непремѣнно его обратить опять. И я совѣтовалъ ему подождать въ Россіи, чтобы не подвергнуться бѣдѣ; я писалъ, чтобы онъ послалъ своей матери денегъ на помощь. Ожидаю твоихъ писемъ. Прости, спѣшу въ церковь. Кланяются наши всѣ, а я прошу кланяться твоимъ всѣмъ, обнимаю тебя крѣпко.

Сейчасъ изъ церкви; баринъ спрашивалъ, не скучаю ли я безъ моего питомца. Я отвѣтилъ: что не съ кѣмъ браниться. «Онъ все гуляетъ», сказалъ панъ, а я отвѣтилъ: что радъ, что тебя отпустили, потому что грудь отъ занятій очень болѣла, и надобно было освѣжиться, такъ какъ ты за всѣхъ хлопочешь, а вы насъ забыли».

Кіевъ. 13 Апрѣля.

«Хотя и усталъ возвратившись отъ причастія, но пишу Адъютанту, чтобы послать деньги, которыя только

что получилъ. Видишь, какая честность, а приходилось круто. Вручи прилагаемое письмо С. Я. Веригиной и не давай ей харчиться на мои подарки, довольно и того, что ко мнѣ ѣдетъ; увѣрь, что всѣ дороги уже готовы. Жаль, что ты отсюда уѣхалъ; рай просто! все распустилось, даже липы послѣ страшной грозы; боюсь, что поплатимся за все въ Маѣ и даже раньше. Этакой весны не помнятъ, все благоухаетъ, а у васъ!... Садовникъ убралъ мою галерею такъ, что выйти изъ нея не хочется. Вчера Княгиня Кочубей не надивилась Собирается опять гроза и молнія будетъ Отъ француза до сихъ поръ нѣтъ писемъ, а отъ Адъютанта изъ Питера также нѣтъ. Зазнались великіе паны, а я смиренно всѣмъ и за всѣхъ отписываюсь.

Пишу мало, усталъ, кланяйся своимъ и прими поцѣлуй праздничный отъ преданнаго тебѣ».

17 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

«Начинаю поздравленія съ милѣйшаго Адъютанта, въ доказательство, что онъ первѣйшій № изъ самыхъ первыхъ. Сейчасъ въ церковь, но все таки пишу. Вчера утомился очень службами субботними въ Братскомъ и свѣтлыми у насъ и въ Михайловскомъ, потомъ визитами, коихъ было до 80-ти, такъ что даже обѣдалъ у тебя внизу и усталъ безъ заднихъ ногъ. Листовскіе [1]) были

---

[1]) А. В. Ген. Маіоръ и И. С. помѣщикъ Черниг. губ.

всѣ и тебѣ кланяются съ обоихъ подворьевъ, Афанасьевы также; Немилочкѣ давалъ твое письмо, благодаритъ за память. А что у насъ за рай! ажъ страшно; все въ цвѣту и липы совсѣмъ зеленыя, только акаціи не совсѣмъ, а сирени скоро зацвѣтутъ. Моя галерея вся въ розахъ и всѣ любуются. Зачѣмъ тебя унесло отъ такой весны на сѣверъ? Боимся Майскихъ морозовъ, чтобы все не погибло, ибо вишни, абрикосы и розовый миндаль усѣяны цвѣтами. Я наслаждаюсь, но безъ тебя пусто! очевно васъ любимъ. Генералитеты обоего пола были у меня и въ четвергъ у нихъ кушаю. Французикъ ни слова не писалъ еще, а Кн. Хилковъ писалъ, что онъ прежалкій. П. Ѳ. подкинулъ записку и зоветъ въ церковь. Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ, душевно преданный».

20 Апрѣля.

И паки реку радуйся!

«Давно не писалъ (3 дня) милѣйшему изъ Старшихъ Адъютантовъ. Погода рай, только васъ Ангельчикъ нѣтъ! Третьяго дня я обѣдалъ съ твоимъ Генералитетомъ обоего пола и М-me Безакъ у Протасовыхъ. Зашла о тебѣ рѣчь; М-me Безакъ стала очень хвалить тебя, и я также говорилъ, какой ты милашка и служака, ажъ заболѣлъ отъ службы; Генералъ ни слова; сегодня у нихъ обѣдаю, а новую квартиру ищутъ, ибо жильцы не съѣзжаютъ у Добжинскихъ. Очень баринъ не въ духѣ. Были у меня всѣ власти и я у нихъ, а сегодня у меня всенощная въ образной и будутъ барыни. Княгиня Кочубей очень лю-

бѣзна, все пріѣзжала вѣроятно учиться говѣть. — Забылъ тебѣ сказать, что О. Дамаскинъ [1]) скоропостижно скончался ударомъ въ церкви за вербной всенощной, уже и ризы надѣлъ.

Сегодня я не совсѣмъ здоровъ и усталъ, да и лапки болятъ, зашибъ объ стулъ. Прости, обнимаю тебя, кланяйся твоимъ папѣ и мамѣ и братцу и остаюсь душевно тебѣ преданный».

23 Апрѣля.

«Имѣю честь проздравить ваше высокоблагородіе съ нашимъ храмовымъ праздникомъ [2]), на коемъ бывало и я отличался съ Т. Б. Потемкиной въ первой парѣ, а теперь при новыхъ порядкахъ и перекусить нечего, а прежде и завтракомъ кормили. У насъ просто рай, по церковной пѣсни: днесь весна душамъ и царица временъ свѣтозарному дню дары приноситъ. Сирени начинаютъ цвѣсть и акаціи распустились, а липы какъ лѣсъ. Вчера Генералитетъ объявилъ желаніе проводить дни въ избѣ и уже перенесъ туда свой кабинетъ, только будетъ ночевать дома. Поселился онъ, увы! въ Липкахъ, противъ Губернатора, и сердится, за чѣмъ туда перебрался. И такъ весь Май, т. е. жарокъ будетъ въ избѣ прохлаждаться, но переходить со всѣмъ не хочетъ, хотя я паки его уговаривалъ. Сейчасъ у нихъ на балконѣ кофе будемъ пить по случаю Егорушкиныхъ имянинъ. И такъ вмѣстѣ съ

[1]) Намѣстн. Михайлов. мон.

[2]) Въ тюрьмѣ перес. арест. въ Петербургѣ.

коровушками на лужекъ ихъ выгнали. Сейчасъ иду въ церковь. Отъ французика получилъ письмо только третьяго дня. Кланяйся С. Я. Веригиной. Всѣ тебѣ кланяются».

26 Апрѣля.

«Поймалъ я гуся и пишу чужой лапкой для облегченія твоихъ и моихъ глазокъ; ты видишъ, что я не лѣнюсь въ перепискѣ. Твой Генералъ все хандритъ и сидитъ цѣлый день у меня въ избѣ, но переходить совсѣмъ не хочетъ, да и вещи переносить трудно. Вчера я у него кушалъ съ Л. И. Безакъ и Протасовыми, которые купили домъ, а вечеромъ онъ опять гулялъ въ саду.

Французикъ наконецъ разрѣшился письмомъ въ пятницу на Святой; онъ свилъ себѣ гнѣздо у Гр. Т., и какъ видно проповѣдуетъ барынямъ. Напиши мнѣ о твоемъ свиданіи съ невѣсткой. Съ книгопродавцами нельзя сдѣлать такое условіе, не стоитъ и начинать съ ними дѣло. Ты мнѣ не пишешъ, долго ли пробудешъ въ Питерѣ. Деньги тебѣ выслалъ изъ числа присланныхъ изъ Почаева, а въ Маѣ вышлю изъ пенсіи, да наложили еще оброку за постой, не знаешъ, какъ и извернуться.

Княгиню Голицыну и Марью Андреевну отъ меня поздравъ. —У насъ на дняхъ опять двое крестинъ Прошу отъ меня кланяться всѣмъ твоимъ; прости, обнимаю тебя, и за неумѣніемъ грамоты росписывается Скляровъ-Скляренко. [1]) Засвидѣтельствуй отъ меня почтеніе А. М. По-

[1]) Директ. народн. учил.

темкину, кланяйся Доктору и M-me Борейшъ. Если будешъ имѣть случай, то справ ся въ Комитетѣ раненыхъ у Лукьяновича, будетъ ли какая милость Сташкевичу [1]).

30 Апрѣля.

«Честь имѣю поздравить! я сегодня имянинникъ, но усталъ, пишу вечеромъ поздно, послѣ всенощной Софійской и за меня Шпоринъ [2]) шпоритъ безграмотно. А какова Княгиня Голицына? прислала чрезъ С. 200 р. на рожденіе, но онъ половину исхарчилъ; впрочемъ и за то спасибо; я уже писалъ къ Княгинѣ да и ты поблагодари. Сборы здѣсь были плохіе: все платочки, да цвѣточки, да и душъ было мало, ни кто не знаетъ. Третьяго числа, получивъ аренду, вышлю тебѣ деньги.

Отбери у Сирякова остальныя всѣ мои брошюры, особенно Тихона Задонскаго и привези сюда. Сегодня была у меня К. А. Лихтенштейнъ съ больнымъ мужемъ и Немилочка. Кланяйся твоимъ, напишу скоро, обнимаю сердечно».

Маёвка.

«Листовскіе всѣ были. Маринѣ Андреевнѣ кланяйся и С. Я. Веригиной. Скоро ли она пріѣдетъ? А Н Мазовской пишетъ, что видѣлъ въ соборѣ французика въ великую Пятницу и Субботу, но на Пасхѣ не было тамъ, видно барыни увлекли разговѣться въ домовую церковь».

---

[1]) Отст. Шт. Капит.

[2]) Кондукт. Пут. Сообщ.

2 Мая.

«Только что получилъ деньги и сейчасъ же посылаю на честность любезнѣйшему Адъютанту, чтобы не задержать на пути, такъ какъ сегодня уже ровно мѣсяцъ, какъ я сдѣлался увы! казанскимъ сиротою. А куда какъ самовластенъ и не внимателенъ Р......ъ и даже грубо отказалъ, какъ будто отъ него зависѣла милость и въ какой бездѣлицѣ, да еще насмѣшливо отвѣчалъ, что не за нимъ дѣло стоитъ. Господь воздастъ ему за такую немилость ближнимъ. Мнѣ же то обидно, что отъ него зависило дать или не дать, и что онъ есть прямой цѣнитель заслугъ; я бы и просить не сталъ, если бы зналъ, что онъ самъ распоряжается! Вчера обѣдалъ у Г. Копьева, а вечеромъ пріѣхала Л. И. Безакъ, сидѣла все время на балконѣ въ избѣ; угащивали сахарнымъ мороженымъ съ чаемъ, а потомъ сидѣли еще до 11 часовъ при лунѣ на цвѣтникѣ; было душно даже ночью; сирени уже отцвѣтаютъ, а акаціи и липы начинаютъ цвѣсть.

Писемъ пришлось писать видимо не видимо, а съ безграмотнымъ писаремъ бѣда, сейчасъ тебѣ пакетъ испортилъ, надписавъ въ Питербургъ и очень обидѣлся, что не по его орѳографіи пишется. Прости, кланяйся всѣмъ твоимъ и не забывай насъ грѣшныхъ въ нашемъ раю».

4 Мая.

«Сегодня все письмо будетъ дѣловое. Вопервыхъ нынѣ 4 Мая, день моего переселенія въ Кіевъ за 4 года предъ

симъ, и я принимаю по сему подарки. 2) Генералъ твой не доволенъ высланными вещами. 3) П. Ѳ. проситъ справиться объ асфальтѣ, какъ это лучше устроить и не возьмутся ли изъ Питера мастера пріѣхать; устрой что можно, хотя и короткое время. Въ Москвѣ ты хорошо дѣлаешъ, что ѣдешъ мимо—не на кого тамъ смотрѣть. Шаху [1]) скажи, что его открытое письмо получилъ и благодарю паки за поздравленіе, а поздравленій было мало, всего 15 душъ. Жду его непремѣнно въ Кіевъ и по скорѣе, а С. Я. Веригина не застанетъ даже акацій, которыя уже въ полномъ цвѣту. Такъ все уранило нынѣшнее лѣто и духота ужасная. Сегодня въ 6 ч. утра я уже потѣлъ верхомъ въ саду Царскомъ до обѣдни. Я еще напишу тебѣ въ Питеръ, а потомъ куда тебѣ писать не знаю: въ Африку или Америку. Прости, кланяйся своимъ всѣмъ, былъ ли ты у своей невѣстки?—Обнимаю тебя».

6 Мая.

«Кажись всякій день пишу любезному Michel—ю, а уже послѣ завтра послѣднее письмо. Прилагаемое доставь Князю Мещерскому, который не получилъ моей книги и адресса не прислалъ. Я не совсѣмъ здоровъ, простудился на пикникѣ у Копьевыхъ въ твоей избѣ; было свѣжо и Канкрины и Безакъ и сахарное мороженое и творогъ. Все въ цвѣту и акаціи и лиліи. Дождь былъ великолѣпный, все ожило, а С. Я. Веригина не застанетъ даже акацій.

---

[1]) Кн. Ал. Вал. Шаховской.

Листовскій переѣхалъ на другую квартеру, просилъ у меня вчера кирасира, чтобы ѣхать покупать лошадей въ Полтавѣ, но вѣроятно за дождемъ проспалъ. Кланяйся твоимъ всѣмъ, я жду еще писемъ изъ Питера; куда прикажешъ писать?»

8 Мая

«Хлопотъ полонъ ротъ! пишу тебѣ нѣсколько словъ послѣдній разъ въ Питеръ, любезный Адъютантъ, потому что *твоя* Генеральша Веригина сейчасъ пріѣзжаетъ; уранила двумя днями и тѣмъ меня ранила. На бѣду у меня сегодня обѣдаютъ Раковичи и какъ разъ въ 11 часовъ кушаетъ у меня кофе моя двоюродная сестра Корсакова, пріѣхавшая изъ Крыма на одинъ день. Не знаю, какъ и сообразить. Не знаю, привезетъ ли твое письмо С. Я., не придется ли опять на почту посылать, а французикъ съ письмомъ отъ Беклешова не являлся. Твой Генералитетъ все работаетъ надъ смѣтами. Хорошо, что С. Я. застанетъ акаціи, луну и соловьевъ, но засуха все душитъ. Въ среду преполовеніе, увидитъ церемонію, а уже въ Лавру самъ повезу; жаль, что тебя нѣтъ на всѣ сіи дѣла! Да скажи куда писать? Грустно молчать три недѣли! Буду въ Св. горы Архимандриту писать для тебя письмо, чтобы вручилъ. Прости, обнимаю тебя, спѣшу на почту; весь твой».

16 Мая

«Стой солнце наше!» сказалъ нѣкогда Архіепископъ Могилевскій Георгій Великой Екатеринѣ, и я также тебѣ

реку: стой наше красное солнышко и обратись паки на крайней точкѣ твоего странствованія къ намъ на сѣверозападъ! Пора же до дому, до стараго замку! Постарайся у Платоновой премудрости расшевелить кошель его благоутробія въ пользу книгъ, коихъ осталось лишь единая сотня, ибо въ Св. горы взято 30 и тамъ найдешъ мою цидулу, аще обрѣтешъ Архимандрита у себя, а не въ Харьковѣ. Но напрасно ты бесѣдовалъ съ Преосв. И. о книгѣ, ибо вѣрно ничего не выйдетъ. Ожидаю Генерала Д. и буду о тебѣ хлопотать. У насъ была до вечера такая духота, что не знали, куда и дѣться, а въ это время гостила С. Я., которую отправилъ до Волочиска съ жандармомъ Огліо, воздавъ ей здѣсь всѣ почести. При свиданіи также разскажу, а ты мнѣ пиши всѣ свои мореходства, пока въ Валкахъ не провалишься. Афанасьевы всѣ тебѣ кланяются, особенно Немилочка, а Саша великимъ сталъ человѣкомъ, единственнымъ во всемъ Кіевѣ. Приставъ и всѣхъ описываетъ съ молотка, живыхъ и мертвыхъ П. Ѳ. кланяется и завтра увозитъ семью въ деревню; завтра у меня собирается Братство, а утромъ крещеніе еврейскаго семейства, наконецъ благополучно обрѣтшагося. Началъ я наконецъ печатать свою образную, *пока не опечаталъ Саша* [1]). Прости, обнимаю тебя, и остаюсь душевно тебѣ преданный».

Письмо это было получено мною въ Новочеркаскѣ, а слѣдующее въ Св. горахъ.

---

[1]) Пророчество, которое теперь сбылось, во всей мрачной точности....

16 Мая.

«И паки привѣтствую скитальца, аще только достигнетъ сіе мое письмо. Пора до дому, дѣти плачутъ. Въ Новочеркаскъ все тебѣ описалъ, развѣ только что письмо твое и квитанцію на вещи получилъ исправно. Будемъ ожидать 3-го съ колокольнымъ звономъ всѣхъ Андреевскихъ колоколовъ. Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно преданный.

P. S. О Татьянѣ Борисовнѣ помолись въ Св. горахъ».

Изъ своего путешествія я вывелъ заключеніе такого рода, что общества желѣзныхъ дорогъ и пароходствъ существуютъ не для публики, а на оборотъ, публика для нихъ, потому что на нее не обращаютъ ни какого вниманія; гостинницы до нельзя плохи и за все берутъ немилосердно. 1-го Іюня возвратился до дому, до стараго замку и засталъ цѣлый лазаретъ больныхъ отъ незванной гостьи холеры. Свиданіе мое съ А. Н. послѣ 2-хъ мѣсячной разлуки было самое трогательное.

Въ Сентябрѣ пріѣзжалъ племянникъ А. Н. Князь А. В. Шаховской, доставившій своимъ пріѣздомъ большое удовольствіе. Не смотря на осеннее время А. Н. вездѣ съ нимъ путешествовалъ по окрестностямъ. Въ Октябрѣ посѣтили А. Н. Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи и съ большимъ любопытствомъ разсматривали образную. А. Н. обоимъ поднесъ на память по образку.— Послѣ своихъ имянинъ 30-го Ноября, сильно заболѣлъ

мой сожитель и пролежалъ въ постели очень долго, такъ что мы струхнули. Письма и телеграммы съ запросомъ о состояніи его здоровья летѣли со всѣхъ концовъ, и даже ИМПЕРАТРИЦА удостоила чрезъ Н. Н. Мальцеву выразить свое соболѣзнованіе къ нему. Но вѣрно еще не пришелъ назначенный срокъ и къ общей нашей радости, онъ вышелъ 6-го Января въ Крещенье, въ первый разъ къ обѣдни.

Въ теченіи поста, я съ согласія А. Н. принялся за 2-е изданіе «Писемъ о Православіи», въ количествѣ 2300 экз. и напечаталъ ихъ на собственный свой счетъ; книга разошлась удачно, благодаря содѣйствію Преосвященнаго Епископа Полтавскаго Іоанна, выписавшаго 1 т. экз для своей эпархіи.

Въ Мартѣ А. Н. отправился въ Москву на Пасху и останавливался въ домѣ своего племянника. О препровожденіи этаго времени и о впечатлѣніяхъ помѣщаю его письма.

Москва 30 Марта 1873 г.

«Спѣшу написать сожителю, чтобы сказать, что благополучно доѣхалъ до Курска съ корпусной Дрентельнъ въ пріятной болтовнѣ, а оттуда въ особомъ отдѣленіи и совершенномъ безмолвіи, что очень люблю дорогой. Подъ Тулой встрѣтилъ холодъ и снѣгъ, а на вокзалѣ вѣтеръ въ головѣ моего племянника и двухъ пріятелей Фонъ-Рейхеля и Казакова. Приложившись къ Иверской, поѣхалъ на Остоженку въ прекрасно обломанный домъ. Все

въ домѣ на бивуакахъ и окна выставлены, а на дворѣ холодъ, не то что нашъ благословенный климатъ. Сейчасъ ѣду въ Дѣвичій монастырь, и завтра по соборамъ, а въ понедѣльникъ на Ѳоминой къ вамъ, ибо душа моя не терпитъ такого хаоса. Митрополита нѣтъ и не будетъ до Мая. Новиковой нѣтъ. Сашекъ Шаховской и братъ Сергѣй будутъ только на Пасху! И такъ я буду пѣть одиночество; переспектива не совсѣмъ пріятная. Сожалѣю даже, что даромъ потрудился на такой путь! скорѣй, скорѣй домой и 17-го ждите, развѣ что особенное случится. Харчимся изъ харчевни; ѣздить будемъ на извощикахъ, однимъ словомъ, бивуакъ. Лишь бы праздники здѣсь провести. Вечеромъ вчера пріѣзжалъ И. И. Красовскій и Коптевъ. Поѣду къ Княгинѣ Голицыной и по меньше буду дѣлать визитовъ. Вообще Москва послѣ Кіева производитъ на меня грустное впечатлѣніе, особенно въ это время. Пріемъ родныхъ и племянника былъ очень радушный. Кланяйся П. Ѳ. и его супругѣ. Уфъ! въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Прости, обнимаю тебя, скрѣпивъ сердце, что сюда занесло. Преданный тебѣ».

1 Апрѣля.

«Пишу тебѣ, любезный Адъютантъ, и благодарю за Кіевскія вѣсти и Сербское письмо; а вотъ тебѣ Московскія.

Посѣтилъ нѣкоторыхъ пріятелей, былъ и у нашей Княгини В. С. и сказалъ, что кажется въ Кіевѣ жить

лучше. Былъ у Преосв. Леонида у всенощной; принялъ милостиво. Пріятели и знакомые одолѣваютъ, всѣ требуютъ, чтобы я у нихъ былъ, а физическихъ силъ не хватаетъ по здѣшнимъ мостовымъ.

Былъ сегодня у ранней обѣдни въ сосѣдней церкви Ильи Пророка и удивился благолѣпію и благочинію, не то что у насъ грѣшныхъ: всего восемь дворовъ приходу, а биткомъ набито и пѣвчіе есть; нашъ Староста просто растаялъ бы, однихъ свѣчей продано рублей на двадцать пять. Далеко мы отъ нихъ отстали—Кіевляне отъ Москвичей. Звонятъ къ поздней въ другой приходъ, гдѣ говорятъ пѣвчихъ сорокъ душъ, да и монастырь женскій подлѣ, просто благодать. А въ соборѣ вчера такая была служба, что въ Кіевѣ и не вообразятъ.

Скажи это нашимъ Софистамъ, прочти имъ это письмо съ каѳедры. Все это не измѣнитъ моего рѣшенія уѣхать на Ѳоминой, ибо я Кіевлянинъ въ душѣ. Ризы на образа даромъ не дѣлаютъ,—народъ уменъ сталъ. Завтра закажу и васъ увѣдомлю. Прости, обнимаю тебя. Кланяюсь П. Ѳ. и супругѣ его и Афанасьевымъ съ Маркомъ и всѣмъ и вся; остаюсь душевно тебѣ преданный».

3 Апрѣля.

«Кланяюсь земно милѣйшему изъ Адъютантовъ и акуратнѣйшему изъ смертныхъ за очистку образной. Признаюсь, я не очень радъ своей поѣздкѣ ибо все лишь протори и убытки. Племянникъ, какъ видно, стѣсненъ моимъ пріѣздомъ, хотя все дѣлаетъ, что подобаетъ. Ви-

зиты меня одолѣваютъ, а если бы не совѣстно въ такіе дни, я бы завтра же уѣхалъ въ Кіевъ, ибо чувствую, что напрасно пріѣхалъ и во всемъ неудача. Ризы сейчасъ заказалъ по 110 р. за каждую и по 8 р. за малыя, итого 378 р., а будутъ готовы къ Тройцыну дню. Шаховской вчера пріѣхалъ и объявилъ, что Преосв. Иннокентій рѣшительно не можетъ пріѣхать. И такъ всѣ надежды измѣнили, да еще непріятное письмо отъ И. закрывающее путь въ Царьградъ. И такъ въ Кіевъ и навсегда. Готовлю отвѣтъ И., который пришлю къ тебѣ для прочтенія и отправленія. Прости, обнимаю тебя. Разберешь ли мою руку; спѣшу въ церковь. Преданный тебѣ».

4 Апрѣля.

«Посылаю тебѣ, любезный другъ, письмо къ И., пожалуста отправь къ нему. У насъ погода превосходная и выпалъ снѣгъ. Что то у васъ? я думаю, все цвѣтетъ. Завтра думаю пріобщаться въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ мѵровареніе и служитъ Преосв. Леонидъ въ 11 часовъ. Сегодня пріѣхалъ А. Н. Мазовской и у меня будетъ вечеромъ съ Шахомъ; оба тебѣ низко кланяются. Кн. Шаховская и Н. В. Новикова пріѣзжали; завтра обѣдаю съ первой у Кн Хилкова. Не пишу много, ибо сейчасъ всенощная. Гости одолѣли, хотятъ чтобы я у всѣхъ былъ, а я отъ церковныхъ длинныхъ службъ и къ Шаховскимъ не могу попасть. Обнимаю тебя и кланяюсь Десятинному переулку. Преданный тебѣ».

5 Апрѣля.

«Получилъ твое письмо съ задаткомъ и паки благодарю за любезность и акуратность и прошу простить, въ чемъ согрѣшилъ, ибо собираюсь уже въ соборъ. Службы великолѣпныя и пріятели ко мнѣ любезны, но образъ жизни мой утомителенъ и буду очень доволенъ, когда доберусь опять до моего мирнаго уединенія. Ты мнѣ не пишешъ, позеленѣлъ ли садъ или морозомъ закрѣпило. Прости, обнимаю тебя, сказалъ бы съ праздникомъ, да еще раненько какъ говоритъ П. Ѳ.».

8 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

«Радостно привѣтствую милѣйшаго благодѣтеля и цѣлую крѣпко и весьма желаю скорѣе обнять; считаю дни, ибо утомленіе велико, хотя я доволенъ, что еще разъ въ жизни видѣлъ святыню и красоту Кремлевскихъ службъ. Вчерашняя ночь была верхъ совершенства. Я ожидалъ на Красномъ крыльцѣ и съ терассы Дворца первый звукъ Ивана Великаго, на который откликнулись всѣ церкви Замоскворѣчья и гулъ пошелъ по всей столицѣ, а на колокольнѣ зажгли вѣнчики и весь Иванъ Великій освѣтился. Потомъ я поспѣшилъ въ соборъ, и крестный ходъ при ревѣ всѣхъ колоколовъ былъ свыше всѣхъ словъ. Тебѣ надобно это хотя разъ видѣть. Служба въ соборѣ была чудная; утреня шла около двухъ часовъ при пѣніи двухъ хоровъ, но властей увы! не было, кромѣ Оберъ-Полиціймейстера.—Всѣ сбирались къ Генералъ-Губернатору въ домовую церковь, а народъ

брошенъ на самаго себя. Къ вечернѣ поѣду опять въ соборъ, а потомъ буду ходить по приходамъ. Раннюю обѣдню я слушалъ въ Патріаршей церкви 12-ти Апостоловъ, близь собора и потомъ съ Шаховскимъ разгавливался у племянника, а Мазовской остался въ Чудовѣ монастырѣ, чтобы быть у поздней. Ночью же получилъ отъ Митрополита Иннокентія привѣтственную телеграмму, а наканунѣ весьма дружеское письмо, криво писанное по слѣпотѣ. Но утомился я до нельзя. Вчера напримѣръ утреню великой Субботы отъ часа до четырехъ выстоялъ въ соборѣ и во время крестнаго хода, упалъ на желѣзный порогъ въ дверяхъ, какъ хлынула толпа, а обѣдню отъ 12 до 4-хъ слушалъ у Преосв. Леонида; просто лапки отказываются; «стара стала, глупа стала» и ножки и глазки измѣняютъ, пора на покой въ Кіевъ, (аще не выгонятъ какъ изъ Царьграда), впрочемъ уже намъ подобаетъ не рости, а малитися. Здѣсь звонъ по всѣмъ церквамъ и всю сію страстную недѣлю не умолкали колокола, ибо видно что живутъ Христіане, которые ходятъ круглый годъ къ утрени. Послѣ завтра рано поѣду въ Лавру, и въ среду возвращусь, потомъ объѣзжу всѣхъ визитами и буду готовиться въ путь дороженку въ понедѣльникъ. Пора, пора! Удивляюсь, какъ еще мои лапки вынесли! (молодецъ мужчина). Что то у васъ подѣлывается? Кланяйся всѣмъ и вся. Обѣды у меня здѣсь расхватаны на всѣ дни, боюсь, что желудка не хватитъ. Всѣ очень дружественно встрѣтили. Сегодня сижу и обѣдаю дома и и отдыхаю на лаврахъ, завтра ѣду съ визитами. Княгиню Голицыну увижу завтра, она уѣзжаетъ въ Питеръ. Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно преданный».

«P. S. Анекдотъ. Въ великую Субботу предъ утренею, я пришелъ въ соборъ съ Мазовскимъ, до его открытія и должны были идти ожидать въ соборную палатку, тамъ спали діаконы. Одинъ изъ нихъ вскочилъ и проситъ сѣсть на диванъ и что же? я сѣлъ на претолстое пузо другаго діакона, въ потьмахъ, который какъ волъ заревѣлъ!»

12 Апрѣля.

«И паки Христосъ воскресъ! и опять обнимаю Мишиньку какъ зоветъ тебя о. Мельхиседекъ [1]) Уфъ! вчера вечеромъ измученный воротился отъ Тройцы, гдѣ принимали меня со всякими почестями, приготовивъ даже палаты Архіерейскія, отъ коихъ я отказался. Намѣстникъ постарѣлъ и опустился, хотя и принялъ ласково. Вчера изъ Лавры прямо попалъ на обѣдъ къ Новиковой. Обѣдъ стоилъ до 300 р. съ фруктами и стерлядями. Тебѣ всѣ кланяются и Августинъ также. Послѣ обѣда былъ у всенощной у Преосв. Леонида, который всякій день самъ служитъ въ 7 часовъ пасхальную всенощную и всякій день обѣдню. Пришедши въ 10 часовъ вечера домой, я нашелъ брата Сергѣя и Хвощинскаго, нарочно для меня пріѣхавшихъ и сегодня же будетъ племянникъ Графъ Леонидъ. Такъ какъ его имянины и Преосв. Леонида въ понедѣльникъ 16-го, то я боюсь, чтобы меня не задержали до вторника, хотя постараюсь уѣхать, ибо мнѣ здѣсь и скучно и тяжело отъ всѣхъ визитовъ. Сегодня былъ

[1]) Наст. Пустынно-Никол. мон. въ Кіевѣ.

въ соборахъ, прощался со святынею и у Графа Ламздорфа во дворцѣ; завтра по утру въ Донской и Дѣвичій на родственныя могилы. Теперь всякое утро будетъ у меня раутъ отъ 12-ти до 4-хъ, а потомъ визиты и обѣды и всенощныя у Пр. Леонида для отдыха душевнаго; обѣими руками перекрещусь, когда отсюда вырвусь, чтобы *никогда* больше сюда не возвращаться. Если меня вышлютъ сюда или объявятъ выѣздъ изъ Кіева, то поселюсь гдѣ либо въ уѣздѣ или близь Выдубецкаго въ яру, но не въ столицѣ. Такъ я устарѣлъ или одурѣлъ! Лучше дремать по вечерамъ, нежели такъ суетиться! мнѣ кажется, что я въ Китаѣ. Въ субботу тебѣ напишу о своемъ выѣздѣ окончательно. Но не знаю, какъ еще устрою съ моимъ ку-ка-ре-ку! Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно преданный въ шпорахъ, не то что ты. Кланяйся П. Ѳ. и Афанасьевымъ съ Маркушей. Уфъ! записался, разберешъ ли?»

Москва. 14 Апрѣля 1873.

«Пишу два слова рукою Кукина [1]), котораго поймалъ за ранней обѣдней. Сейчасъ ѣду въ Дѣвичій монастырь прощаться съ могилами родныхъ, потому что вчера недопустила меня мятель. Сегодня у насъ фамильный обѣдъ по случаю дня рожденія брата Сергѣя, вчера такой же у Шереметевыхъ, завтра у невѣстки Натальи Григорьевны, а послѣ завтра, т. е. въ понедѣльникъ, слава Богу, выѣзжаю, потому что совсѣмъ измучился. Почету и любви

---

[1]) Конст. Кирил., пріятель А. Н.

много здѣсь, но силъ не хватаетъ на лѣстницы и визиты при ежедневныхъ службахъ; совсѣмъ измучился и отдохну тѣломъ и душою, когда сяду въ вагонъ. Вчера за обѣдомъ у Шереметева, здѣшній знаменитый проповѣдникъ Протоіерей Ключаревъ сказалъ мнѣ заздравное похвальное слово, весьма трогательное, о моихъ церковныхъ заслугахъ; но что все сіе въ сравненіи съ тишиной Кіева, куда стремлюсь духомъ. Не пишу болѣе, потому что нѣкогда. Кланяйся всѣмъ и прими съ любовію преданнаго тебѣ».

Изъ всего написаннаго видно, что не весело жилось А. Н. въ Москвѣ, а главная причина его грусти заключалась въ томъ, что не видѣлся и въ этотъ разъ съ Митрополитомъ Иннокентіемъ, съ которымъ хотѣлось, но не удалось видѣться при его назначеніи на Московскую каѳедру.

По возвращеніи А. Н., я перебрался въ хижину и мы принялись за 10-е изданіе его «Писемъ о Богослуженіи».

Въ Іюнѣ проѣздомъ чрезъ Кіевъ знакомый А. Н., — Апухтинъ оставилъ на память стихи, посвященныя А. Н., которыя также помѣщаю, въ надеждѣ, что не прогнѣвается за это авторъ.

«Уставый на пути, тернистомъ и далекомъ,
«Пріютъ для отдыха волшебный создалъ ты
«На все минувшее давно спокойнымъ окомъ
«Ты смотришъ съ этой высоты.

«Пусть тамъ внизу, кругомъ клокочетъ жизнь иная
«Въ тупой враждѣ томящихся людей,—
«Сюда лишь изрѣдка доходитъ, замирая
«Не внятный гулъ рыданій и страстей.
«Здѣсь сладко отдохнуть. Все вѣетъ тишиною
«И даль безмѣрна хороша.
«И выше уносясь довѣрчивой мечтою,
«Не видитъ ничего межъ небомъ и собою
«Намигъ возставшая душа.

Кіевъ 22 Іюня.
1873.

Въ Іюлѣ пріѣзжалъ на короткое время Графъ С. Д. Шереметевъ, на котораго расчитывалъ А. Н., что онъ возьметъ на извѣстныхъ условіяхъ его усадьбу со всею святынею и имуществомъ, но дѣло не состоялось и только огорчило его, потому что не было принято во вниманіе историческое значеніе мѣстности и всѣхъ рѣдкостей.

Въ концѣ осени я порѣшилъ жениться на личности, любившей меня восемь лѣтъ; А. Н. возстававшій всегда противъ моей женитьбы, ни слова не сказалъ, когда я ему объяснилъ свои желанія и самъ назначилъ день свадьбы 22 Октября, въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери. Бракосочетаніе было совершено въ Андреевской церкви; онъ благословилъ меня какъ любящій отецъ и за свадебнымъ столомъ шутилъ и всѣхъ занималъ своими игривыми остротами.

Моя женитьба не только не охладила нашихъ отношеній, но больше сблизила, такъ какъ всякій день или я съ женой проводилъ вечера у А. Н., или онъ къ намъ

приходилъ во всякое время, иногда даже и рано утромъ. Если же въ теченіи дня я не показывался къ нему, то являлся кавалеристъ съ запискою и большею частью веселаго содержанія, а иногда и съ изображеніемъ на ней кого либо изъ насъ карандашемъ въ карикатурномъ видѣ. Однимъ словомъ, жизнь наша шла такъ весело и пріятно, что лучшаго и грѣшно было бы ожидать. Мы часто обѣдали у А. Н., онъ у насъ; вечера проходили пріятно, такъ что трудно было собраться къ кому либо изъ знакомыхъ, а время летѣло быстро и не замѣтно. Такъ прошли Рождественскіе праздники и новый годъ и мясоѣдъ. А. Н. снова прихварнулъ на маслянницѣ, хотя и собирался въ Царьградъ и на Аѳонъ. Рѣшено было, что я поѣду съ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось съѣздить на Пасху и въ Питеръ съ женою, которая дальше Кіева нигдѣ не бывала и еще не видѣлась съ моими родными. Я разсчитывалъ, что въ два мѣсяца успѣю побывать и въ Питерѣ и вернуться къ выѣзду А. Н. на Аѳонъ, чтобы сопутствовать ему. Дѣйствительно такъ и условились, но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: сперва жена, потомъ и я заболѣли предъ самымъ выѣздомъ изъ Петербурга и должны были остаться еще на двѣ недѣли, а А. Н. отправился одинъ на Востокъ и не могъ этаго мнѣ простить, какъ видно изъ прилагаемыхъ его писемъ ко мнѣ.

Кіевъ. 24 Марта 1874 г.

«Хотя птица завтра гнѣзда не вьетъ, а я все таки пишу тебѣ, любезный бѣглецъ, послѣ Софійской всенощной, потому что къ себѣ подняться не рѣшился отъ уду-

шенія и слабости колѣнъ, и такъ придется скитаться цѣлую недѣлю по чужимъ церквамъ. Обѣдалъ я въ первый разъ съ апетитомъ у M-me Безакъ и тебя поминали, а мимоѣздомъ останавливался у твоей квартиры. Въ самый часъ вашего отъѣзда была у васъ катавасія. Красное Солнышко [1]) умно затопивъ печку, и оставивъ душникъ открытымъ, ушелъ, а дымъ наполнилъ всю комнату; думали, что пожаръ, сломали замокъ и открыли дверь; впредь велѣно топить въ присутствіи, а не въ отсутствіи. Былъ у меня на другой день Ген. Д. и я съ нимъ говорилъ о тебѣ, что скоро у васъ въ Штабѣ будетъ перемѣна, и ты лишишься мѣста и потому просилъ принять тебя въ Окружной Штабъ, такъ какъ онъ знаетъ тебя за дѣльнаго офицера. Онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно ты таковъ, и что онъ ни сколько не противъ этаго, но что тутъ надобно согласіе Ч., такъ какъ Штабъ собственно въ его рукахъ. Я сказалъ, что Ч. давно мною предваренъ, и онъ опять повторилъ, что съ своей стороны онъ согласенъ, присовокупивъ, что всѣ сіи перемѣны будутъ не ранѣе Іюля. И такъ ты видишь, какъ только будетъ вакансія, тебя примутъ, а теперь еще торопиться нечего.—Марья Ивановна [2]) привезла прекрасную пелену и коврикъ въ церковь. Былъ у меня сегодня Князь Д. и сказалъ что у Демидова ребенокъ умеръ. Посылаю тебѣ письмо Княгини Мещерской распечатанное для легкости и потому читанное мною. Прости, обнимаю тебя, кланяюсь благовѣрной

---

[1]) А. С. Солнцевъ.

[2]) Супруга Ген. Лейт. Копьева

и твоимъ роднымъ и Мазовскому. Остаюсь душевно тебѣ преданный. С. Я. Беригиной поклонъ и Шаху».

28 Марта.

«Сейчасъ получилъ письмо твое и спѣшу отвѣчать, чтобы сказать, что все у тебя благополучно, но со мной съ самимъ не хорошо. Кромѣ обычнаго нездоровья, пошелъ я было на отпѣванье младенца Демидова къ Георгію, и подымаясь на крыльцо упалъ во всю длину и раскроилъ себѣ лѣвую ногу объ острую ступень, такъ что теперь все лежу, а въ церкви сижу, хотя сегодня и пріобщался.—Не знаю какъ дотяну всѣ службы до Пасхи, потому что мнѣ все становится больнѣе; рана большая, хотя и не глубокая, но на самой кости. Князь Хилковъ пріѣхалъ и готовитъ мнѣ всякую всячину на пасхальный столъ. У Немилочки бы глазки разбѣжались отъ поросятъ и ягнятъ и пулярдъ, но еще пока ничего нѣтъ. М. И. была у меня сегодня и взяла картинку для великолѣпной рамы, которую наконецъ рѣшился сдѣлать ея благовѣрный. У П. Ѳ., во флигелѣ, были опять гости, въ самый полдень взошли съ задняго хода пока всѣ были въ банѣ и обобрали пожильца, а вышли на парадный ходъ. Ихъ встрѣтили кучеръ съ кухаркой съ узломъ и учтиво пропустили. Прости, кланяйся благовѣрной и всѣмъ своимъ. Я думаю теперь твою барыню изъ колбасной лавочки не выманишъ, развѣ только салакушкой. Проститъ мой другъ послѣдній разъ и не забываетъ вамъ, какъ писалъ нѣмецъ».

3 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

«Поспѣшаю отвѣчать тебѣ, любезный другъ, чтобы поздравить съ праздникомъ и сказать тебѣ, что я совсѣмъ расклеился. Въ концѣ Страстной недѣли, желудокъ мой ничего не варилъ и меня все рвало желчью. Первые два дня Пасхи я немного оправился, но вчера я съѣлъ лишнее за обѣдомъ и меня опять сильно рвало вечеромъ, ночью и сегодня утромъ, такъ что я совсѣмъ ослабѣлъ. Не знаю, что будетъ дальше. Нога моя подживаетъ и я всю недѣлю былъ на всѣхъ службахъ, хотя и сидѣлъ, кромѣ утрени великой Субботы, что уже было не въ силахъ. Сегодня была у меня всенощная на дому, погода вдругъ измѣнилась, дождь цѣлый день, а теперь и снѣгъ. Гостемъ своимъ я очень доволенъ, но онъ больше сидитъ внизу. Меня посѣщали всѣ власти первые три дня, но я никуда не выходилъ кромѣ церкви. Твой Генералъ прислалъ мнѣ наконецъ хорошенькую рамку. У тебя въ домѣ больные. Я оберегаю твое хозяйство. Какъ то твоя благовѣрная вернется изъ золотаго Питера въ нашъ убогій Кіевъ, гдѣ ей все покажется не хорошо, потому что она тамъ сдѣлалась большой барыней. Не зачѣмъ было ее туда возить; а въ Умань не хочетъ? Сегодня балъ у Генералъ-Губернатора и мой Князь туда ѣдетъ, а я пою одиночество, да еще безъ заднихъ ногъ Когда поправится мое здоровье? П. грозитъ мнѣ водянкой, если не буду пить вина или кумыса, а до отъѣзда осталось всего три недѣли. Посмотрю, окрѣпну ли на будущей недѣлѣ? Прости,

обнимаю тебя, кланяюсь благовѣрной, родителямъ и всѣмъ, кто вспомнитъ меня, остаюсь душевно тебѣ преданный. П. Ѳ. кланяется».

7 Апрѣля.

«Сейчасъ получилъ твое письмо, любезный другъ, и спѣшу отвѣчать, а вмѣсто краснаго яичка посылаю тебѣ мою Тиверіаду въ красной обверткѣ,—только пожалуста не оглашай ее и не вздумай продавать Кораблеву, чтобы не навлечь на меня журнальной брани. А самъ прочти вновь печатную, отъ начала до конца, потому что рукопись ты не хорошо разобралъ и твоя пѣхотная душа не довольно поняла рыцарскую ея поэзію. Лапка моя совсѣмъ зажила и здоровье поправилось, хотя и моритъ насъ П. Ѳ. (сирѣчь я, пишущій на себя этотъ укоръ) въ холодной церкви не вѣдая за чѣмъ, ибо богомольцевъ нѣтъ. Завтра обѣдаю съ Кн. Х. у Князя Дондукова и подамъ ему просьбу о паспортѣ. Сегодня обѣдалъ у М-me Безакъ, которая тебѣ кланяется. Вижу, что салакушка сманила твою благовѣрную и сманиваетъ тебя въ Питеръ, къ безсмертному Т , какъ будто все такъ и останется послѣ него. Имѣя здѣсь въ виду Окружной Штабъ, собственный домъ и насъ грѣшныхъ, кажется можно бы довольствоваться. Не знаю, отчего ты сомнѣваешься въ моей пріязни: кажется я тебѣ ее довольно доказалъ. Я могу принять на свой счетъ собственно путевые твои расходы на Востокъ, какъ человѣка мнѣ нужнаго. Я все таки думаю выѣхать въ Преполовеніе, аще буду живъ и здоровъ. У тебя въ

домѣ все благополучно, хотя еще не совсѣмъ здоровы люди. На мою усадьбу теперь явились новые охотники, кромѣ Г. Гессе, —Тарновскій и М-me Безакъ предлагаетъ отъ имени сына тѣже условія, но я еще подумаю по возвращеніи. Спасибо, что ты посѣтилъ больнаго Шаха, а С. Я. Веригина меня совсѣмъ забыла,—я даже и не зналъ, что она переѣхала къ себѣ въ домъ. Кланяйся ей отъ меня и Аркадію Николаевичу тоже. Отдалъ ли ты кольца Г. Полозовой? Твоимъ поклонъ отъ меня, а тебѣ кланяется пишущій, который очень тревожится тревогою Мамы, по случаю внезапной болѣзни Мани,—такъ какъ С. И. собираетъ цѣлый факультетъ. Кн. Хилковъ у меня гоститъ до четверга,—и потомъ я опять буду пѣть одиночество. Прости, обнимаю твою благовѣрную салакушку, и очень радъ, что хотя кіевскія колбасы будутъ манить ее обратно, а при ея хвостѣ и тебя. Остаюсь душевно тебѣ преданный.

Сейчасъ посылалъ въ твой домъ, все благополучно, Шунька кланяется, приказала у барыни ручку полизать и ушко укусить. Посылаю еще два экземпляра Тиверіады,—одинъ Шаху, а другой Аркадію».

12 Апрѣля.

«Вижу, любезный другъ, что тебѣ очевно не хочется ѣхать на Аѳонъ, и тебя, подъ вліяніемъ салакушки, сбиваетъ твоя благовѣрная. Отложить поѣздки я не могу, потому что иначе никогда не поѣду, а мнѣ это необходимо сдѣлать пока еще не стукнулъ годъ лишній 80-го

Апрѣля. Слава Богу, мое здоровье поправилось, лапку совсѣмъ починили, и я уже ѣздилъ верхомъ и завтра опять поѣду. Вчера провожалъ Кн. Хилкова и заявилъ на пружинѣ Фонъ-Огліо, что хочу выѣхать 25-го утромъ, чтобы приготовили вагонъ, а онъ хочетъ меня проводить до Одессы, а тамъ что Богъ дастъ! Пожалуста не церемонься и для меня не спѣши возвратиться, если тебѣ хочется еще провести время съ родными, ибо не легко тебѣ опять собраться въ Питеръ, а на Востокъ я одинъ могу съѣздить! на морѣ ты мнѣ не поможешъ, ибо самъ будешъ безъ заднихъ ногъ, а въ Царьградѣ и на Аѳонѣ за мной ухаживать будутъ. Лучше оставайся и займись общимъ хозяйствомъ, которое будетъ въ плохомъ видѣ.— У П. Ѳ. большое горе въ семействѣ. Маня совсѣмъ умираетъ и вѣроятно завтра ее уже не будетъ, а С. И совсѣмъ упала духомъ и тѣломъ; жаль ихъ мнѣ.

Сейчасъ получилъ два письма: одно отъ о. Ѳеодорита [1]) съ Аѳона, который пишетъ, что выѣдетъ ко мнѣ навстрѣчу въ Царьградъ и кромѣ высланныхъ денегъ, беретъ обитель на себя всѣ издержки, только бы я ихъ утѣшилъ и *утвердилъ духовно* своимъ присутствіемъ, и такъ ты видишь, что это долгъ совѣсти, который измѣнить нельзя; другое очень любезное письмо отъ С. Я Веригиной; она боится за мое здоровье, но славу Богу, мнѣ теперь хорошо, а духъ поддержитъ мнѣ и тѣло въ эти 6-ть недѣль Завтра пишу на Аѳонъ, Н. П. Игнатьеву и Корсакову въ Одессу о моемъ пріѣздѣ. Поблагодари С. Я. за ея дружеское участіе, которое я очень цѣню. По бла-

---

[1]) Наст. Рус. Андреев. скита на Аѳонѣ

годари и добрую Княгиню В. С. за ея память; будетъ ли она къ намъ?

Ты спрашиваешъ о моей арендѣ; она кончается 18 Февраля. Прошу кланяться Неонилѣ и своимъ родителямъ. Сейчасъ ѣду съ визитами Прости, обнимаю тебя».

19 Апрѣля.

«Вотъ тебѣ и Никитушка! вотъ тебѣ салакушка! и удержала она добраго молодца отъ Царьграда и Аѳона, и все промѣнялъ на кукушкины слезки, хотя другой подобный случай никогда уже не представится; куда все молодечество дѣвалось? театры, да парады, да и только! а я, признаюсь, хотя и не настаивалъ, но все таки на тебя надѣялся и думалъ еще предъ отъѣздомъ видѣть, но все напрасно. Свози хоть 30-го въ Сергіеву пустынь вмѣсто театра, а я въ этотъ день, Богъ дастъ, буду уже въ Св. Софіи и у Живоноснаго источника. Здоровье мое очень хорошо, лишь бы не разстроилось моремъ. Но вотъ что грустно: Маня скончалась въ ужасномъ тифѣ, и вчера уже ее схоронили на Флоровской горѣ; П. Ѳ очень убитъ и С. И въ отчаяніи и едва жива Не знаю, кто займется моимъ хозяйствомъ и уплатами при полученіи аренды. Боюсь, что все мое шпорное царство разбредется по гостямъ. Въ понедѣльникъ у меня собраніе Братства и не знаю какъ свести счеты; я все откладывалъ, надѣясь, что ты въ этотъ день пріѣдешъ; дѣла передамъ Прот. Лебединцеву. Прошу отъ меня кланяться Княгинѣ и благодарить ее за вниманіе ко мнѣ, также и С. Я. Вериги-

ной; С. П. Лоскутову скажи, если время будетъ, то напишу; кланяйся своимъ; на канунѣ моего отъѣзда еще надѣюсь тебѣ написать. Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно преданный».

Кіевъ. 23 Апрѣля 1874 г.

«Прощайте дядюшка! я на Кавказъ ѣду!» Послѣ завтра выѣзжаю. Сейчасъ получилъ письмо. Наслаждайтесь салакушками въ Питерѣ вмѣсто Царьграда и Аѳона. Погода у насъ холодная, какъ то будетъ на морѣ! «боюсь мамонька, боюсь!» Изъ Царьграда, что можно будетъ, привезу. Мнѣ хотя и за 66, а все таки въ душѣ молодецъ мужчина и дышу поэзіей. Пишу не много; хозяйство твое идетъ такъ себѣ, но не отвѣчаю въ отсутствіе; Шунька всего не укараулитъ.

О печальной кончинѣ Мани я уже тебѣ писалъ. Мать и доселѣ не можетъ оправиться и лежитъ въ постели. Забылъ тебѣ написать, что Княгиня М. уже болѣе мѣсяца здѣсь и съ своимъ священникомъ устрояетъ домъ; не довольна подрядчикомъ и работами. Она до сихъ поръ не давала о себѣ вести, и я уѣду, не видѣвъ ея. Т. нечаянно увидѣлъ у Подвыс. Кажется и на тебя гнѣвается Княгиня, что ты не устроилъ ей дома. Вчера было засѣданіе въ 7 душъ и протоколъ сегодня подписанъ. Сейчасъ украли у насъ жидовку, которая готовилась къ завтрему креститься, это уже вторая безъ тебя украдена.

Все мѣшаютъ гости; сейчасъ были Г. Дрентельны. Вчера былъ у меня Скляр. и я его не узналъ, постарѣлъ

на 10 лѣтъ, любовь сгубила, уѣзжаетъ скоро въ Питеръ.—Прости, кланяйся благовѣрной и роднымъ. Теперь не скоро напишу, развѣ послѣ Аѳона Преданный тебѣ».

24 Апрѣля.

«Кланяйся Княгинѣ и С. Я. Веригиной. Прощайте, завтра ѣду. Честь имѣю поздравить съ моимъ рожденіемъ, но не иначе какъ депутатомъ отъ меня къ Архимандриту, и съѣздить въ Сергіеву пустынь непремѣнно. Все начинаетъ у насъ цвѣсть, фруктовыя деревья бѣлѣютъ какъ снѣгъ, погода мягкая и дождливая, а я бѣгу такъ, что жаль оставить».

По возвращеніи нашемъ въ Кіевъ, я получилъ еще три письма самыя интересныя уже изъ путешествія А. Н. на Востокъ.

Аѳонъ. 8 Мая 1874 г.

«Вотъ я наконецъ и въ своемъ скиту, любезный другъ, послѣ благополучнаго плаванія, и я весьма сожалѣю, что ради *обыденнаго* ты пожертвовалъ *необычайнымъ* и уже невозвратимымъ и лишилъ себя и меня такого утѣшенія. Вокругъ меня кипарисы; изъ моей кельи великолѣпно видны зеленые лѣса на холмахъ и за ними сѣдой Аѳонъ возвышается какъ сахарная голова и прямо на

меня глядитъ: Ты бы ахнулъ! Въ Руссикѣ, гдѣ я пробылъ два дня, меня приняли съ большою любовію, но я тамъ нашелъ жестокую вражду между Русскими и Греками, коихъ Греки хотятъ выжить, хотя ихъ больше и все деньги Русскихъ. Но какъ меня приняли въ Скиту? это свыше всякаго описанія! Я могъ только плакать, а не отвѣчать на привѣтную рѣчь о. Ѳеодорита. 250 человѣкъ братіи вышли всѣ ко мнѣ на встрѣчу, и сквозь ихъ ряды я подошелъ къ Архимандриту со всѣми іеромонахами и діаконами въ богатѣйшихъ голубыхъ ризахъ съ крестами, съ иконами въ Св. вратахъ. Я заплакалъ и братія также. Только четыре человѣка меня еще видѣли за 25 лѣтъ. Поднесли мнѣ хлѣбъ - соль на деревянномъ блюдѣ изъ масличнаго дерева, на коемъ прекрасно вырѣзанъ мой гербъ и скитъ и годы 1849 и 1874, съ подписью событія. Потомъ повели крестнымъ ходомъ на лѣстницу, уставленную лаврами, въ великолѣпную церковь для литіи и многолѣтія; она была торжественно освѣщена и всѣ зажженныя люстры, по обычаю Аѳонскому, качали какъ бы кадили, такъ что это было чудное зрѣлище и братія пѣла отлично. Я ожидалъ благолѣпія и встрѣтилъ великолѣпіе: вотъ каковъ о Ѳеодоритъ! Моя келлія была убрана какъ бы въ палатахъ, и видъ изъ нея чудный. Вошелъ я въ прежнюю мою убогую келлію, предъ коей стоитъ мой кипарисъ съ моимъ именемъ; вездѣ память обо мнѣ и надписи: гдѣ я жилъ, гдѣ стоялъ. Постройки огромныя, но самъ Архимандритъ, по смиренію, живетъ въ старыхъ убогихъ келліяхъ бывшаго Сераля, что ему дѣлаетъ честь

Море и острова Архипелага раскинулись предо мною съ балкона бывшей келліи; пригласили послѣ вечерни къ

трапезѣ, а когда смерклось сдѣлали иллюминацію; весь дворъ Скита былъ освѣщенъ, а па бывшихъ моихъ келліяхъ горѣлъ щитъ съ моимъ вензелемъ и гербомъ и хоръ запѣлъ въ тишинѣ ночи: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ! и всѣ меня поздравляли съ 25-ти лѣтнимъ юбилеемъ Скита и моего пришествія. Право такой встрѣчи я не ожидалъ и гдѣ же? въ пустынѣ Аѳонской! Утреня была Пасхальная въ 3 ч. ночи и въ бѣлыхъ ризахъ, шитыхъ гирляндами, ризница великолѣпная; пѣли стройно, и канонъ Пасхи по 3 разъ каждый стихъ. Послѣ обѣдни торжественно вышелъ Архимандритъ съ 12-ю іеромонахами и 4-ми діаконами, служить благодарственный молебенъ о моемъ пріѣздѣ. Сейчасъ привезли письмо Представители Протата и сосѣдней Кореи и я имъ много говорилъ о ссорѣ между Русскими и Греками въ Руссикѣ. Теперь готовимся къ бдѣнію, которое продлится отъ 8 часовъ вечера до 4-хъ утра подъ воскресенье Буду говѣть на этой недѣлѣ, а на слѣдующей поѣду по окрестнымъ монастырямъ и 22-го думаю сѣсть на пароходъ, идущій изъ Солуни въ Царьградъ. Сегодня за всѣхъ васъ молился, всѣхъ поминалъ, начиная съ Михаила и Неонилы, и всѣхъ сестеръ и Павла и Сусанну и пр. и пр. Кланяйся всѣмъ отъ меня и дай Боже мнѣ столь же благополучно возвратиться, хотя и страдаю на морѣ. Надѣюсь, что не безъ пользы будетъ сюда мой пріѣздъ Пріемъ Н П. Игнатьева былъ самый дружескій. Напишу изъ Буюкъ-дере Прости обнимаю тебя. Каково идетъ хозяйство? П Ѳ. я писалъ изъ Царьграда; прочти ему сіе письмо, также и Г. Дрентельну, коихъ также поминалъ всѣхъ, и Барону Раму. Кланяйся домочадцамъ и Г. Копьеву, а М-me Безакъ вѣрно уѣхала».

Буюкъ-дере. 26 Мая 1874.

«Прямо въ окна мои плещетъ Босфоръ, такой голубой, какъ бирюза твоего перстня, любезный Адъютантъ, бѣжавшій своего Генерала; изъ саду вѣютъ кедры и кипарисы, а со двора штамповыя розы кустами, что рукой недостанешъ; и такъ ты видишъ, что съ трехъ сторонъ очарованіе, ибо мой кіоскъ лучше Посольской квартиры, но совсѣмъ тѣмъ время кричать: «мама домой», ибо всѣмъ уже пресытился и въ четвергъ, т. е. 30, сбираюсь въ путь, хотя и на дурномъ пароходѣ, (о чемъ со страхомъ помышляю) но больше медлить не приходится. Погода холодная, хотя и ясная, все вѣтры, такъ что о купаньѣ еще долго, долго нельзя и подумать. И такъ нечего медлить и засиживаться даромъ, хотя меня окружаютъ всевозможными ласками и я оченно доволенъ Прощаніе съ Аѳономъ было столь же трогательно какъ и встрѣча; я это тебѣ писалъ. Но ненависть Грековъ къ Русскимъ тамъ сущій адъ, такъ что все отравляетъ, и теперь старцы Руссика пріѣхали сюда судиться у Патріарха, ибо ихъ душатъ Греки. Плаваніе было самое счастливое по тихому морю, что то будетъ до Одессы. Если все будетъ благополучно, то въ субботу надѣюсь быть въ Одессѣ, а въ Воскресенье вечеромъ выѣхать, чтобы въ понедѣльникъ утромъ быть у Княгини Кочубей, а вечеромъ ѣхать бы въ Браиловъ и въ среду вечеромъ въ Кіевъ. Скажи это все П. Ѳ., который желалъ выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Браиловъ или на станцію Гнѣвань,

(а когда бываетъ обѣдня не написалъ). Писать ему отсюда не буду, чтобы не повторять одно и тоже, а только благодарю за дружеское письмо, и за добрыя вѣсти о моемъ домѣ. Очень буду радъ съ нимъ и съ С. И. встрѣтиться на пути и помолиться.

Со мной напросился изъ Аѳона, служившій мнѣ тамъ монахъ, нѣкто о. Савватій на богомолье въ Кіевъ, и у меня остановится; онъ проѣдетъ прямо съ вещами въ Кіевъ въ понедѣльникъ вечеромъ, пока мы останемся у Кн. Кочубей, и надобно будетъ выслать къ нему на встрѣчу Эсаула, иначе растеряетъ вещи и дома не найдетъ. Аѳонскаго товару везу довольно и тебѣ око табаку, который здѣсь по новому акцизу столь же дорогъ какъ и въ Кіевѣ и не лучше, по словамъ Михайлы, а я не знаю толку. Деревянными ложками отдѣлаюсь, всѣхъ буду ими по лбу стукать, благо съ Аѳона! и твою благовѣрную стукну также и прошу ей кланяться и сестрицамъ и Дрентельнамъ и Копьевымъ и всѣмъ домочадцамъ П. Ѳ. и моихъ поблагодари, что все въ порядкѣ. Очень хочется возвратиться: «мама домой!» Сегодня послѣ обѣдни ѣду въ Азію смотрѣть на камень моего брата, а завтра съ Посломъ прощаться и со всѣми Патріархами и Экзархомъ, а потомъ уже собираться въ путь дороженку.

Меня, по обычаю, ругаютъ здѣсь во всѣхъ газетахъ какъ Панслависта, хорошо еще что не бьютъ! Вліяніе Посла огромное; это первый человѣкъ въ Царьградѣ,— такъ умѣлъ себя поставить. Время кончить, сейчасъ къ обѣдни. Обнимаю тебя и надѣюсь до скораго свиданія».

24 Мая

«Вчера былъ я на памятникѣ моего брата и нашелъ здѣсь напечатанною мою о немъ статью въ Русской старинѣ. Въ Четвергъ собираюсь въ путь. Уфъ! море!»

Одесса. 1 Іюня 1874.

«Берегъ, берегъ!! уже я въ Одестахъ у любезнаго племянника, совершивъ благополучно мое плаваніе по морю—уфъ! Я въ Юхновъ пріѣхалъ, впередъ по морю не заманишъ. Въ среду вечеромъ надѣюсь тебя обнять. Завтра вечеромъ выѣзжаю отсюда; понедѣльникъ утромъ проѣду къ Кн. Кочубей; во вторникъ сбираюсь отъ нее въ Браиловъ, гдѣ меня встрѣтятъ П. Ѳ. и С. И., а въ среду утромъ выѣду отъ Княгини. Не забудь въ понедѣльникъ вечеромъ выслать на пружину Эсаула, для принятія моихъ вещей и о. Савватія, котораго узнаетъ по рясѣ, яко монаха. Надѣюсь, что мнѣ будетъ встрѣча торжественная какъ на Аѳонѣ, съ пѣніемъ ликовъ, иллюминаціей и звономъ шпоръ вмѣсто колоколовъ. Кланяюсь Немилочкѣ, а по моей неграмотности и усталости росписывается за меня племянникъ».

Дѣйствительно не далекъ былъ берегъ и тихое пристанище, послѣ житейскихъ плаваній. Встрѣча наша съ А. Н. была трогательная. Мы провели у него вечеръ далеко за полночь и угощали его ужиномъ, и онъ чувствовалъ себя мало утомленнымъ отъ путешествія. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ, онъ началъ обдумывать свое описаніе путешествія и горячо за него принялся, а мнѣ поручилъ составить соображеніе, во сколько обойдется предполагаемое изданіе, которое онъ хотѣлъ приложить 3-мъ томомъ къ «Письмамъ съ Востока». Писали и на Аѳонъ Настоятелю Андреевскаго Скита, согласно его заявленію, о высылкѣ необходимыхъ денегъ; но не суждено было этому совершиться. На двухъ главахъ «Царьградъ» и «Руссикъ» остановилась, подъ свѣжими впечатлѣніями, начатая работа, остановилась многолѣтняя дѣятельность: все замерло!

Спустя нѣкоторое время по возвращеніи съ Аѳона, какъ то вечеромъ, я поднялъ вопросъ о томъ, почему А. Н. не соглашается уступить свою усадьбу Т. на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, т. е. уплатѣ 50 тысячъ р. и продолженіемъ жить до кончины въ этомъ же домѣ? А Н. отвѣтилъ: «куда я дѣнусь съ деньгами! мнѣ все будетъ казаться, что живу въ чужомъ домѣ; лучше дотяну до Января, аще не потащутъ въ тюрьму, а также если выберутъ Городскимъ Головой, (что однажды было, если бы не возвратился П. П. Демидовъ) то и средства мои улучшаться». На это я возразилъ: а если затянется дѣло и вдругъ что нибудь случится съ вами, вѣдь Старокіевская часть захватитъ все въ свои руки и наложитъ печати. «Любезный другъ, сказалъ А. Н., во первыхъ, будущее

неизвѣстно; придетъ смертный часъ, ты же будешъ со мной, а полиціи покажу вотъ что», погрозивъ кулакомъ. Мои предсказанія сбылись, а его слова не исполнились. Кому то перейдетъ его прекрасная и живописная усадьба??..

III.

Въ концѣ Іюля былъ проѣздомъ чрезъ Кіевъ Ген. Адъютан. Н. В. Исаковъ; провожая дорогаго гостя, А. Н. съ особенною выразительностію сказалъ: «любезный другъ, спасибо, что ты меня не забываешъ. Если пріѣдешъ еще и не застанешъ меня дома, то зайди туда (указывая на Сергіевскую церковь), тамъ я буду». Въ этихъ словахъ сказалось предчувствіе А. Н. Генералъ возвращался въ Петербургъ чрезъ Кіевъ, когда уже не было дома хозяина и онъ прошелъ въ усыпальницу, гдѣ попросилъ отслужить панихиду.

Въ началѣ Августа А. Н. заболѣлъ обыкновенною лихорадкою, съ параксизмами черезъ два дня въ третій; при этомъ давно уже онъ страдалъ катаромъ желудка, и рвоты появлялись безпрестанно, къ этому присоединилось зараженіе почекъ и болѣзнь легкихъ; все взятое вмѣстѣ само по себѣ дѣлало положеніе опаснымъ, при малѣйшей невоздержности или простудѣ. Въ прежніе годы, онъ жаловался часто на болѣзнь въ ногахъ и болѣе 15-ти лѣтъ имѣлъ на нихъ ранки, которыя при своемъ закрытіи производили опухоль и отекъ ногъ; послѣднее и случилось съ прошлогодней его болѣзни пятнистой лихорадки.

Чувствуя внутренній жаръ, больной, въ отсутствіе доктора, принялъ дома три ванны, хотя и съ добавленіемъ теплой воды, но ванны эти отозвались ночью на 8-е число сильнымъ обморокомъ, такъ что прибѣжавшій на звонокъ камердинеръ, засталъ его сидящимъ безъ сознанія на постели. Въ 3 ч. утра былъ докторъ, а въ 12 ч. прислалъ за мной, но какъ я былъ въ Штабѣ, то пошла жена. А. Н. съ грустью сказалъ: «а знаете, что я сегодня ночью чуть не умеръ и Миши не было со мною, такъ ни кто бы и не зналъ». Жена успокоила его, на сколько можно, и заплаканная вернулась домой. По возвращеніи изъ Штаба, я также побѣжалъ къ нему и просилъ беречься, упрекнувши, что вѣрно насъ не любитъ, такъ какъ не слушаетъ совѣтовъ доктора и нашихъ. 9-го мы провели вмѣстѣ вечеръ и онъ при насъ, вмѣсто чая кушалъ рыбу, ради поста. Здѣсь опять мы упрашивали не ѣсть рыбы, такъ какъ принимаетъ хининъ; онъ отвѣтилъ, что «его тошнитъ отъ чая, а въ пятницу нельзя ѣсть мясное, въ особенности въ Успенскій постъ». 10-го въ субботу, проведя дурно ночь, отправился на черный дворъ осмотрѣть свое хозяйство и лошадей, что всегда дѣлалъ, затѣмъ, почувствовавъ пароксизмъ лихорадки, легъ въ постель. Предъ всенощной я зашелъ навѣстить его и узналъ, что сдѣлалось на ногѣ рожистое воспаленіе. Больной жаловался на то, что докторъ, будучи у него, не осмотрѣлъ ногу и потому просилъ меня сказать ему объ этомъ, такъ какъ предстояло съ послѣднимъ видѣться. Я зашелъ и послѣ всенощной провести вечеръ; жаръ продолжался и больной постоянно просилъ воды и вишни, которыя докторъ позволилъ пить.

За тѣмъ, въ воскресенье 11-го параксизмъ продолжался; ночь прошла безъ сна съ небольшимъ бредомъ. Я ожидалъ, что въ 12 часовъ дня жаръ уменьшится, но онъ продолжался до понедѣльника утра. Мы начали дежурить по очереди, чтобы при малѣйшемъ движеніи больнаго удовлетворять его желанія. 12-го, въ понедѣльникъ, въ 8 ч. утра пришелъ ко мнѣ докторъ уже отъ больнаго и заявилъ, что нужно пригласить еще доктора на консиліумъ, такъ какъ нога больнаго заставляетъ опасаться. Я тотчасъ поѣхалъ къ доктору и назначилъ собраніе въ 1 часъ дня. Когда же заявилъ больному, что будутъ два доктора, то онъ выразился: «не надо, зачѣмъ платить деньги, они моей болѣзни не поймутъ; мнѣ нужно очистить желудокъ, а меня пичкаютъ лекарствами».—Доктора осмотрѣли внимательно ногу, прописали мазь и ароматическую подушку и разрѣшили принять слабительное; но всѣ эти лекарства были только успокоительныя, такъ какъ болѣзни не могли угадать сразу, и поручили мнѣ пригласить хирурга. Когда принесли лекарство, то больной не позволилъ мазать ногу и класть подушку, ссылаясь на то, что его кожа не выноситъ никакихъ наружныхъ лекарствъ, а между тѣмъ принялъ слабительное и сталъ въ то же время жаловаться на острую боль въ правой ногѣ, въ которой началось судорожное подергиванье. Хирургъ, по случаю выѣзда изъ города, не могъ быть въ этотъ день, а явился только 13-го во вторникъ, при собраніи прежнихъ докторовъ. Боль все дѣлалась сильнѣе, ночь проведена безъ сна; больной метался и постоянно требовалъ воды, виши, и перемѣны позы лежанья; ногу слегка растирали и завязали напудренной ватой. Желудокъ требовалъ частыхъ вста-

ваній, что еще больше утомляло ногу. Вечеромъ о. Протоіерей и я просили согласія больнаго, не желаетъ ли послѣ ранней обѣдни пріобщиться; онъ отвѣтилъ: «хорошо»; когда хотѣли уйти домой, то онъ просилъ еще остаться. 13-го утромъ, по случаю постоянныхъ вставаній и слабости, больной не рѣшился пріобщаться и на мой вопросъ, почему онъ не хочетъ совершить этотъ обрядъ, какъ и всегда въ этотъ постъ говѣлъ, онъ отвѣтилъ: «дай немного окрѣпнуть». Когда собрались доктора, то больной менѣе жаловался на ногу, но говорилъ, что давитъ подъ ложечкой отъ мало очищеннаго желудка и не можетъ спать.—Въ это время, не смотря на уменьшеніе острой боли, на ногѣ были замѣчены докторами какія то красныя жилки въ родѣ снурочковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завалы, при нажатіи которыхъ рукою, ощущалась боль.

14-го утромъ повторено предложеніе о пріобщеніи, на что больной изъявилъ согласіе и пріобщился съ большимъ чувствомъ; при чтеніи молитвъ, установленныхъ для приготовленія трудно-больныхъ, А. Н. сначала заплакалъ, а потомъ отъ сильнаго душевнаго волненія съ нимъ сдѣлался слабый обморокъ.—Тайны Христовы принялъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ и отрадой. Мы всѣ радостно поздравили недужнаго и пожелали скораго выздоровленія. Въ теченіи дня, предъ собраніемъ докторовъ, больной вдругъ заявилъ, что у него начинается параличъ въ лѣвой ногѣ, такъ какъ чувствуетъ сильную боль въ колѣнѣ, однако безъ наружныхъ признаковъ. Доктора посмотрѣли и прописали, не говоря больному ни слова, іодъ, которымъ и намазали все колѣно. Вечеромъ когда я сидѣлъ съ нимъ, то онъ высказалъ желаніе, чтобы я поѣхалъ

въ Лавру къ обѣднѣ на его лошадяхъ, по случаю праздника Успенія. Каждый день пріѣзжали знакомые навѣщать больнаго и всѣ были, согласно его волѣ, допускаемы. Получаемыя съ почты письма я распечатывалъ и передавалъ ихъ содержаніе. Въ этотъ же день получена была телеграмма о кончинѣ брата Сергѣя Николаевича, о которой я умолчалъ.—На вопросъ не написать ли Марѳѣ Михайловнѣ, его невѣсткѣ, или племяннику Владиміру Сергѣевичу, онъ отвѣтилъ: «не нужно тревожить первую, все равно не можетъ пріѣхать, а второму необходимо быть около отца, который боленъ». Генералъ Черкесовъ при свиданіи сказалъ, что онъ телеграфировалъ племянницѣ Александрѣ Николаевнѣ Демидовой, а я добавилъ, что и деньгами меня снабдилъ на леченіе; А. Н. поблагодарилъ за все добраго Михаила Николаевича.

По пути къ обѣдни, въ праздникъ Успенія, П. Ѳ. заходитъ къ А. Н. и говоритъ ему: «Вы бы пособоровались». «Слабъ я теперь,—пусть не много окрѣпну», отвѣчалъ онъ. «Не мнѣ объяснять Вамъ, что таинство Елеосвященія укрѣпляетъ и возстановляетъ силы больныхъ, говоритъ П. Ѳ., не сегодня такъ завтра». «Посмотримъ, что будетъ завтра», былъ отвѣтъ. По уходѣ его заѣхалъ Преосв. Филаретъ и убѣдилъ недугующаго собороваться, обѣщая завтра совершить надъ нимъ Елеосвященіе. За тѣмъ, когда П. Ѳ. зашелъ отъ обѣдни, А. Н. говоритъ ему: «завтра приходите,—Преосв. Филаретъ обѣщалъ пріѣхать съ своимъ Намѣстникомъ въ 8 ч. утра, а въ 10 ч. Преосвященьому нужно ѣхать на Археологическое собраніе». Послѣ обѣдни, въ Андреевской церкви, собрались къ нему Ген. Копьевъ съ супругой, вашъ Протоіе-

рей, его жена и я съ женой, всѣ мы были порадованы хорошимъ состояніемъ больнаго, который шутилъ, что ему не чѣмъ разговѣться, такъ какъ коровушка его за нѣсколько дней пала. Жена Протоіерея сейчасъ же послала за сливками къ чаю; сравнительно лучшее состояніе больнаго насъ одобрило. На помощь къ намъ пріѣхалъ, на канунѣ, мой пріятель Саперный Капитанъ Ларіоновъ, который дежурилъ по ночамъ и въ состояніи былъ поднимать и перекладывать больнаго. Не успѣли всѣ разойтись, какъ меня вызвали и сказали, что какая то дама желаетъ меня видѣть. Это была А. Н. Демидова. Послѣ минутнаго свиданія съ ней, я возвратился къ больному, чтобы подготовить его къ встрѣчѣ съ племянницей; затѣмъ вошла Алекс. Никол. и сказала: здравствуй дядя?— больной встрепенулся, протянулъ руки, обнялъ ее, нѣсколько разъ поцѣловалъ и сказалъ: «благодарю тебя мой другъ, что ты пріѣхала; какая ты милая и добрая вспомнила про дядю, а я вотъ лежу больной». Та утѣшала его чѣмъ можно и просила, чтобы онъ теперь ни чѣмъ не стѣснялся и не отказывалъ бы въ своихъ желаніяхъ, такъ какъ у нея денегъ достанетъ. Онъ вдругъ обращается къ ней: «давай сто тысячь».—Та отвѣчала: ну, дядя положимъ такихъ денегъ у меня нѣтъ, а съ тебя хватитъ на все. Сейчасъ же больной просилъ меня распорядиться на счетъ помѣщенія Ал. Ник. и обѣда, что я и исполнилъ. Послѣ чаю время было отправляться, согласно заявленному наканунѣ желанію, въ Лавру; Ал. Ник. тоже хотѣла съѣздить помолиться, но при этомъ не желала оставить дядю. Больной, услыхавши нашъ разговоръ, изъявилъ желаніе, чтобы и племянница отправилась въ Лавру; и тогда мы

поѣхали на самое короткое время, такъ какъ застали уже проповѣдь. Заходили на минутку къ Митрополиту, который разспрашивалъ про больнаго и просилъ извиненія, что за службами не могъ навѣстить А. Н., и что завтра послѣ обѣдни будетъ у него. Вернувшись домой, я оставилъ Алек. Ник. у кровати больнаго, а самъ пошелъ въ кабинетъ для прочтенія полученныхъ писемъ. Потомъ я узналъ, что на замѣчаніе Ал. Ник., что видѣла нашъ домъ, больной сказалъ: «да у него и жена хорошая; я доволенъ его женитьбой; полюби ихъ обоихъ». Доктора ничего новаго не прописали кромѣ успокоительнаго, чтобы подкрѣпить силы сномъ, и вторично помазали ногу іодомъ. Больной жаловался, что ему жестко лежать на своемъ матрасѣ, Ал. Ник. поручила сейчасъ же моей женѣ купить новый и нужно было видѣть нетерпѣніе, съ какимъ онъ ожидалъ новаго матраса; чуть ли не каждую минуту меня спрашивалъ: «что пріѣхала?.. привезла?.. отчего это такъ долго!...» Мы на простыняхъ приподняли и переложили больнаго съ большимъ трудомъ и тогда онъ успокоился. Наступило время обѣда, а я съ утра дежурилъ въ мундирѣ, такъ какъ не успѣлъ переодѣться и голодный не пивши чаю; племянница пошла въ столовую съ ночнымъ дежурнымъ Ларіоновымъ, а я остался около постели. Вдругъ больной спросилъ: «а мнѣ дадутъ обѣдать?» я отвѣтилъ: все что хотите. «А что есть?» бульонъ. «Только?» Циппиньку. «А котлетины?»—дадутъ все что хотите. Принесли бульонъ, выпилъ полчашки. Я спросилъ не хочетъ ли курочки съ бульона? «дай». Пожевалъ и выбросилъ на тарелку: «нѣтъ никакого вкуса». Я предложилъ жареннаго цыпленка; опять: «дай»; и вторично выбросилъ:

«нѣтъ не могу; не вкусно что то». Я же сказалъ: какъ мнѣ хочется ѣсть!—«ѣшъ, ѣшъ на здоровье», былъ отвѣтъ. Вечеромъ зашелъ о. Протоіерей, больной уже при мнѣ вторично къ нему обратился: «П. Ѳ. вы завтра съ Преосв. Филаретомъ будете меня соборовать въ 8 ч. утра». Тотъ отвѣтилъ: «Хорошо» и больше ни слова.—На ночь дали больному чайную ложку усыпляющаго, онъ выплюнулъ,—потомъ чрезъ два часа, согласно наставленію докторовъ, повторили. Принялъ. Ночь была проведена въ страшныхъ мученіяхъ отъ боли въ ногѣ, которая была намазана іодомъ; больной требовалъ льду, чтобы утушить жаръ, но конечно ему не дали; жаръ и ознобъ въ тѣлѣ постоянно перемежался и ему продолжали давать по прежнему чрезъ два часа хину. Отъ морфія напала самая тяжелая дремота, въ которой больной постоянно находился. Во время обряда соборованія, онъ постоянно крестился, при молитвахъ. Я два раза давалъ ему вишни, чтобы освѣжить отъ духоты и жару, такъ какъ всѣ стояли со свѣчами. Послѣднюю молитву произнесъ твердо. Духовенство при прощаніи благодарилъ и каждому изъ нихъ сказалъ нѣсколько словъ, а нашему Протоіерею: «*чинно совершили*». Изъ окружающихъ ни у кого не хватило духа подойти и по обычаю проститься. Я вышелъ въ образную и зарыдалъ какъ бы предчувствуя живо, что не задолго настанетъ и послѣднее прощаніе. Въ этотъ день пріѣзжалъ Митрополитъ и пробылъ очень не долго. Пригласили еще доктора и всѣ четверо послѣ консиліума грустно покачали головами, потому что началось полное разложеніе крови, т. е. воспаленіе венъ. Доктора сказали, что еще не было примѣра, чтобы при такомъ состояніи боль-

ные выздоравливали. Намъ окружающимъ не вѣрилось въ этотъ приговоръ; мы ждали, что крѣпкая натура и сонъ возьмутъ свое, но увы! дремота не проходила въ теченіи цѣлаго дня и больной лежалъ уже безъ движенія, не въ состояніи самъ приподняться, а когда просыпался, то требовалъ воды или виши, или тепленькаго чаю; при этомъ иногда просилъ освѣжить лице мокрою губкою. Все это исполнялось немедленно. Иногда онъ просилъ приподнять, не обращая вниманія кто сидитъ у постели и протягивалъ руки мнѣ или супругѣ Протоіерея, и конечно мы какъ безсильные звали кого либо на помощь. Когда я уходилъ домой на короткое время, то больной открывая глаза спрашивалъ: «гдѣ Семеновъ»? Ему говорили, что сейчасъ придетъ, или не послать ли за нимъ? «Нѣтъ не надо, пусть отдохнетъ». Такой же вопросъ былъ сдѣланъ вечеромъ доктору, который самъ хотѣлъ за мной идти, но онъ не позволилъ. Въ минуту пробужденія, я обращался къ нему съ вопросомъ: милый А. Н вы меня звали? «да»; хотите передать что нибудь?—«нѣтъ», или: «дай отдохнуть».—За тѣмъ: «а что говорятъ доктора?—Вѣдь опасность миновалась?» При моемъ отвѣтѣ онъ тотчасъ же засыпалъ, такъ что тяжело было его безпокоить и мы всѣ окружающіе старались исполнять всѣ его желанія, не затрудняя вопросами.

Ночь на 17-е и весь день проведены были въ дремотѣ и только вечеромъ больной открылъ глаза и совершенно пришелъ въ память. Я спросилъ хорошо ли спалъ? онъ отвѣтилъ: «да». Освѣжилъ ли Васъ сонъ? «освѣжилъ». Можетъ быть хотите чаю?—«Нѣтъ». Бульону?—«дай». Полчашки было выпито. Потомъ долго сжималъ мою руку

и будто хотѣлъ что то сказать. Я навелъ на тему объ образной, и онъ изъявилъ желаніе передать ее въ Андреевскую церковь, а такъ какъ не могъ самъ выразить письменно это завѣщаніе, то мы окружающіе въ числѣ пяти человѣкъ, въ томъ числѣ Генералъ Черкесовъ, племянница А. Н., Капитанъ Ларіоновъ, я и камердинеръ составили бумагу за общею подписью.

Ночь на 18-е число прошла въ дремотѣ, въ которую снова впалъ больной. Въ воскресенье утромъ передъ обѣдней зашелъ Протоіерей и скромно спросилъ: не желаетъ ли сегодня еще разъ пріобщиться А. Н., вслѣдствіе чего Богъ пошлетъ облегченіе,—тотъ отвѣтилъ: «я недавно пріобщался»; за тѣмъ когда послѣ обѣдни принесъ просфору, больной уже машинально ее поцѣловалъ. Въ два часа дня были доктора и онъ отвѣчалъ еще на ихъ вопросы, гдѣ самая большая боль въ ногѣ. Въ 4-мъ часу только что мы пошли обѣдать, такъ какъ больной уже ничего не требовалъ, какъ прибѣжалъ посланный съ словами: «Генералъ кончается». Не помню какъ я добѣжалъ. Въ 4 часа 15 м. дня, послѣ мгновенной конвульсіи и черной рвоты, его не стало....

Все замерло и вся наша надежда рухнула. Окружающіе со слезами пали на колѣни, а о. Протоіерей тихимъ, но дрогнувшимъ голосомъ прочиталъ отходную. Я зарыдалъ опять въ образной и нѣкоторое время не зналъ, что дѣлать, но жена вывела меня изъ этаго положенія своими слезами.—По пріѣздѣ племянницы, А. Н. поручилъ мнѣ хозяйничать и тутъ я вспомнилъ свою обязанность. Приготовили воды, обмыли и одѣли покойнаго и понесли въ столовую. За тѣмъ приведши въ порядокъ спальню, кабинетъ и образную, при-

гласилъ Полицейскихъ чиновъ, согласно распоряженія Генералъ-Губернатора, опечатывать имущество. Тяжело было заниматься въ такую минуту подобной формалистикой, для спасенія имущества будущимъ наслѣдникамъ. По окончаніи всего, принялись за установку стола цвѣтами, отправленіемъ телеграммъ и въ 8 часовъ вечера была первая соборная панихида, на которую собрались знакомые и не знакомые; входъ для всѣхъ былъ открытъ.— На заявленіе, будто покойникъ желалъ быть похороненъ на Флоровскомъ кладбищѣ, Князь Дондуковъ-Корсаковъ возразилъ, что А. Н. нѣсколько разъ указывалъ женѣ его мѣсто своей усыпальницы, тоже подтвердили и другіе, а потому рѣшили, чтобы могила была приготовлена въ фундаментѣ подъ Андреевскою церковью, рядомъ со входомъ въ пещерную церковь, во имя Пр. Сергія. Съ вечера все было покончено съ подрядчикомъ и пр., а утромъ съ Алекс. Никол. купили покровъ и траурныя принадлежности. Офиціальныя панихиды были назначены въ 1 ч. дня и въ 8 ч. вечера. Первую служилъ Преосв. Филаретъ, а вторую Преосв. Александръ. Кромѣ этихъ двухъ панихидъ было совершено въ теченіи дня еще пять священнослужителями приходившими безъ всякаго приглашенія, въ числѣ коихъ неожиданно явился Іеромонахъ съ Св. горы Афонской, проѣздомъ чрезъ Кіевъ. Два діакона попеременно читали Св. Евангеліе и Псалтирь. Вечеромъ положили въ гробъ тѣло предъ панихидою. 20-го, во вторникъ, послѣ панихиды, перенесли торжественно усопшаго въ Андреевскую церковь, при громадномъ стеченіи народа. Во главѣ гроба несли Свято-Владимірскую хоругвь, символъ Братства, за тѣмъ была совершена Пр. Филаретомъ панихида, также

какъ и въ 8 ч. вечера, при полномъ освѣщеніи церкви. Въ 10 ч. вечера пріѣхалъ одинъ изъ наслѣдниковъ, только что похоронившій своего отца, которому я передалъ ключи отъ незапечатанныхъ комнатъ и показалъ, что все находится въ полномъ порядкѣ. Въ среду 21-го, послѣ божественной литургіи, совершенной Митрополитомъ, началось отпѣваніе при участіи 2-хъ Архіереевъ, 8-ми Архимандритовъ и 16-ти Протоіереевъ. Во время причастнаго Протоіереемъ Н. А. Ѳаворовымъ сказано было прекрасное слово, которое съ его позволенія помѣщаю ниже, за тѣмъ во время отпѣванія также было сказано задушевное слово Протоіереемъ Н. Я. Оглоблинымъ и по окончаніи всего закрытый гробъ оставили въ церкви, до полученія Высочайшаго разрѣшенія на погребеніе въ приготовленномъ склепѣ, что было испрошено Генералъ-Губернаторомъ только наканунѣ, а безъ этого разрѣшенія Митрополитъ не рѣшался хоронить въ церкви. Съ большимъ нетерпѣніемъ мы ожидали Царскаго слова, тѣмъ болѣе, что по извѣстіямъ телеграмма была подана ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ на пути въ Москву. Наконецъ въ 8 ч. вечера, послѣ панихиды, было получено Высочайшее разрѣшеніе на погребеніе труженика Церкви Православной въ избранномъ имъ мѣстѣ. Отлегло отъ сердца и со слезами благодарности встрѣтили мы это милостивое Монаршее соизволеніе. На другой день, 22 Августа утромъ, послѣ ранней литургіи, Преосв. Филаретъ въ сослуженіи 4-хъ Протоіереевъ, совершилъ панихиду, послѣ которой и проводили покойнаго въ могилу, усыпавъ гробъ цвѣтами.

Миръ праху твоему, дорогой нашъ и незабвенный Андрей Николаевичъ не забывай насъ тамъ, въ моли-

твахъ предъ престоломъ Всевышняго, какъ ты здѣсь вспоминалъ своихъ друзей предъ престоломъ, гдѣ приносится безкровная жертва. Съ опущеніемъ тебя въ могилу окончилось и мое видимое единеніе съ тобою, послѣ девяти съ половиною лѣтъ; много было хорошаго, были и пасмурные дни, ибо *человѣцы есмы* Дѣлились и средствами, ничего между нами не было скрытнаго; ты пріучилъ меня передавать все, что на душѣ, и мнѣ жилось легко. Ты какъ отецъ благословилъ меня на новую жизнь и я счастливъ, пока и до меня не дойдетъ очередь.—Всемъ, что сохранилось въ памяти и о чемъ говоритъ сердце мое о тебѣ, я считаю долгомъ подѣлиться съ твоими же друзьями; а если что утаилъ и не такъ выразилъ, то да простятъ мнѣ мою неопытность и не умѣнье излагать такъ, какъ писалъ мой учитель!

[illegible]

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПАМЯТИ

АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА:

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Кіевѣ, 18-го августа 1874 г., въ 5 часу по полудни, въ концѣ 7-го десятка жизни, скончался *Андрей Николаевичъ Муравьевъ*, почти цѣлое полстолѣтіе неутомимо подвизавшійся на церковно-литературномъ поприщѣ, смѣло возвышавшій голосъ на защиту всякаго общеполезнаго дѣла, вообще слишкомъ хорошо извѣстный, какъ ревностный поборникъ православія не только у насъ въ Россіи, а и далеко за границею, съ самаго того времени, когда еще въ началѣ 30-хъ годовъ нашего столѣтія онъ возвратился изъ Палестины въ отечество и издалъ свое краснорѣчивое «Путешествіе по св. мѣстамъ на Востокѣ».

Поставивши главною задачею своей жизни-распространеніе въ просвѣщенномъ русскомъ обществѣ истинно-православныхъ, душеспасительныхъ свѣдѣній касательно предметовъ вѣры, Церкви, самой жизни христіанской, Андрей

Николаевичъ до 1853 или 54 года попеременно жилъ то въ Москве, то въ Петербурге, то странствуя или снова по Востоку, или по всемъ св. и достопамятнымъ местамъ Россіи, и только съ 1854 года сделался оседлымъ жителемъ Кіева, пріобретши противъ самой церкви Андрея Первозваннаго, въ непосредственномъ соседстве съ Десятиннымъ храмомъ, совершенно запущенную гористую местность, превращенную имъ въ превосходнейшій садъ, съ такими поразительными видами, которые и въ ряду кіевскихъ чудныхъ видовъ занимаютъ далеко не последнее место и на которые долгомъ считали приходить любоваться путешественники, посещавшіе Кіевъ.

Впрочемъ и изъ Кіева Андрей Николаевичъ каждую зиму и на целое ея продолженіе уезжалъ въ Москву или въ Петербургъ, для окончательной подготовки къ печати своихъ новыхъ церковно-литературныхъ произведеній, или для вторичнаго изданія прежнихъ. Такъ продолжалось за жизнь знаменитаго его руководителя и пособника, Московскаго Митрополита Филарета. Съ кончиною же этого іерарха, Андрей Николаевичъ, за исключеніемъ кратковременныхъ поездокъ въ Почаевъ, Острогъ (древнее достояніе Князей Острожскихъ), въ Полтавскую и Херсонскую губерніи, постоянно жилъ въ Кіеве, между прочимъ ревностно занимаясь обновленіемъ снаружи и внутри знаменитой Андреевской церкви, укрепленіемъ ея славнаго апостольско-пророческою на немъ проповедію св. Ап. Андрея Первозваннаго, водрузившаго здесь и первый не только въ Кіеве, а и во всей Россіи крестъ, историческаго холма, и последніе четыре года несменно председательствуя въ Свято-Владимірскомъ при Кіево-Софійскомъ Соборе Братстве.

Упадокъ жизненныхъ силъ у Андрея Николаевича сталъ очень замѣтенъ еще съ прошедшей осени. Но крѣпкое отъ природы тѣлосложеніе и правильный образъ жизни не давали силамъ падать быстро, и въ продолженіе цѣлой зимы не произошло значительныхъ измѣненій въ его повседневной, непрерывной дѣятельности. Весною онъ даже предпринялъ (въ третій, если не въ четвертый, или въ пятый разъ) путешествіе на Аѳонъ, для обезпеченія правъ устроеннаго имъ тамъ русскаго Андреевскаго скита, при Руссикѣ или монастырѣ св. Пантелеймона. Полный успѣхъ въ предпринятомъ путешествіи, не смотря на нынѣшній необыкновенный весною холодъ на Босфорѣ, не позволившій воспользоваться предполагавшимся морскимъ купаньемъ, повидимому благопріятно подѣйствовалъ на самое здоровье Андрея Николаевича, и онъ, возвратившись въ Кіевъ какъ бы съ обновленными силами, мужественно продолжалъ еще прежде поѣздки на Аѳонъ столь дѣятельно имъ предпринятое участіе въ борьбѣ противъ извѣстнаго «проэкта духовно-судебной реформы». Но эта мужественная, крѣпкая борьба была послѣднимъ, заключительнымъ дѣломъ его общественной, многоплодной дѣятельности.

Съ первыхъ чиселъ Августа прошлогодній недугъ открылся въ небывалой дотолѣ силѣ, обнаружившись изнурительнымъ лихорадочнымъ состояніемъ и рѣшительнымъ упадкомъ силъ, хотя еще и послѣ этого Андрей Николаевичъ не совсѣмъ прикратилъ обычныя свои занятія, особенно хожденіе въ свой возлюбленный Андреевскій храмъ. Но съ Успенія Божіей Матери (15 авг.) прекратилась всякая его внѣшняя дѣятельность: ни въ этотъ день, ни на канунѣ, во время всенощнаго богослуженія, онъ уже не

былъ въ Лаврѣ, гдѣ столь торжественно отправляется этотъ ея главный храмовой праздникъ, и гдѣ Андрей Николаевичъ неизмѣнно бывалъ каждый годъ во все время его постояннаго жительства въ Кіевѣ.

Утромъ 16 Августа, въ день особенно чтимаго Андреемъ Николаевичемъ празднованія «Нерукотворенному Образу Спасителя», Преосвященнымъ Филаретомъ Епископомъ Уманскимъ (Ректоромъ Кіевской Дух. Академіи), вмѣстѣ съ нѣсколькими градскими протоіереями и іеромонахами Братскаго монастыря совершено надъ больнымъ таинство Елеосвященія, во время и послѣ котораго духовныя его способности и даръ слова на столько еще были дѣятельны и въ такомъ порядкѣ, что прощаніе съ Епископомъ и пресвитерами онъ заключилъ столько свойственнымъ ему, по его прежнему обычаю, замѣчаніемъ, что таинство совершено *чинно*.

За таинствомъ Елеосвященія послѣдовало окончательное приготовленіе къ переходу изъ настоящей въ будущую жизнь, при полномъ же сознаніи умирающаго, которое не оставляло его и во весь день 17 числа, такъ какъ и во все утро 18-го, и только за 3 часа до смерти въ этотъ послѣдній день оно перестало управлять мыслями и словами умирающаго, давши полный просторъ жалу и порожденію грѣха-смерти.

Во все время, отъ смерти до выноса тѣла въ церковь, панихиды по покойнику, въ полдень и въ вечеру, отправляемы были попеременно то Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ, то Преосвященнѣйшимъ Александромъ [1]) (быв-

---

[1]) Недавно скончавшимся.

шимъ Епископомъ Полтавскимъ), при участіи градскаго и монастырскаго духовенства.

При выносѣ тѣла въ Андреевскую церковь, 20-го Августа въ 12 часовъ дня, присутствовали: Преосвященнѣйшій Филаретъ, градскіе и соборные протоіереи со іереями и несмѣтное множество народа.

Погребеніе отправлено въ той же Андреевской церкви, 21-го Августа. Заупокойная обѣдня предъ самымъ погребеніемъ совершена была Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Митрополитомъ Кіевскимъ, въ сослуженіи 4-хъ архимандритовъ и 4-хъ Протоіереевъ; послѣ причастнаго стиха профессоръ богословія въ Кіевск. Университетѣ, о. Протоіерей Н. А. Ѳаворовъ сказалъ надгробное слово. — Въ отправленіи погребенія, кромѣ совершавшихъ обѣдню, принимали участіе Преосвященнѣйшіе Александръ и Филаретъ съ представителями всѣхъ важнѣйшихъ Кіевскихъ какъ церквей, такъ и монастырей и во время погребенія, по прочтеніи Евангелія, вновь предложено было Ключаремъ Софійскаго Собора слово въ честь почившаго.

Величественный Андреевскій храмъ далеко не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ собравшихся отдать послѣдній долгъ Андрею Николаевичу, такъ что, кромѣ родныхъ и начальствующихъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, почти никому не пришлось прощаться съ нимъ въ храмѣ. За то обширная терраса вокругъ храма, вся широкая, длинная, съ 3 уступами, лѣстница предъ храмомъ, вся площадка у подножія его и всѣ три ведущія къ нему улицы въ буквальномъ смыслѣ были покрыты народомъ, желавшимъ проститься съ Андреемъ Николаевичемъ и увидѣть гробъ, во время несенія его изъ верхней (главной)

церкви, мимо средней, въ самую нижнюю—такъ называемую «подземную», устроенную Андреемъ Николаевичемъ въ глубокомъ храмовомъ подвалѣ во имя Преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца, и гдѣ желаніе строителя и общій голосъ почитателей его издавна указывали мѣсто могилѣ его.

Но 21-го Августа гробъ не былъ вынесенъ изъ храма для преданія землѣ, по причинѣ запоздавшей телеграммы съ Высочайшимъ разрѣшеніемъ на погребеніе подъ Андреевскою церковію: это разрѣшеніе получено уже вечеромъ того дня, и преданіе гроба землѣ послѣдовало 22-го Августа въ 12 часовъ дня.

Миръ праху твоему, неутомимый труженикъ русской земли и русскаго дѣла.

Господь упокоитъ вѣрнаго дѣлателя своего въ вѣчномъ царствѣ своемъ; а безпристрастный судъ потомства отведетъ ему должное мѣсто въ средѣ истинно русскихъ полезныхъ дѣлателей въ великомъ дѣлѣ религіозно-духовнаго воспитанія русскаго народа.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

при погребеніи А. Н. Муравьева.

Блаженъ путь, въ оньже идеши днесь, *душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

Какъ отрадно вѣрующей душѣ слышать такую пѣснь надъ гробомъ ближняго своего!

Въ то время, какъ мы видимъ предъ собою бездыханнаго, недвижнаго, готоваго обратиться въ прахъ человѣка, надъ нимъ, какъ будто голосъ свыше, какъ бы привѣтъ изъ другаго міра, слышится ублажающее судьбу умершаго слово Церкви: *блаженъ путь, въ который идешь ты, душа*; *потому что уготовано для тебя мѣсто упокоенія.*

И дѣствительно это-голосъ свыше, такъ какъ его слышалъ нѣкогда тайновидецъ съ неба и получилъ повелѣніе передать вѣрующимъ: *и услышалъ я*, говоритъ Апостолъ-тайнозритель, *голосъ съ неба, говорящій мнѣ: напиши: отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ Ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ* (Апокал 14, 13).

Отнынѣ. Съ которыхъ же поръ?—Съ тѣхъ поръ, какъ Господь Искупитель, умерши за насъ, сдѣлался *первен-*

цемъ мертвыхъ, то есть главою и вождемъ, всѣхъ, которые вѣрою въ Него ходили въ настоящей жизни и съ тою же вѣрою отходятъ въ другую жизнь. Итакъ для всякаго, умирающаго въ Господѣ, за гробомъ открывается путь къ тому мѣсту, которое Спаситель обѣщалъ въ лицѣ учениковъ своихъ, всѣмъ, истинно вѣрующимъ въ Него, когда говорилъ имъ предъ страданіями своими: *Я иду приготовить мѣсто вамъ, и когда пойду и приготовлю мѣсто вамъ, пріиду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобъ и вы были, гдѣ Я* (Іоан. 14, 2—3). Потому-то Церковь, сопровождая въ могилу своихъ дѣтей, надъ гробомъ каждаго изъ нихъ, какъ мать надъ колыбелью уснувшаго дитяти своего, тихо и радостно поетъ пѣснь, ублажающую состояніе усопшаго.

Такъ самое печальное само по себѣ зрѣлище смерти силою вѣры способно обратиться для насъ въ явленіе утѣшительное и если еще не въ полный праздникъ, то по крайней мѣрѣ въ свѣтлое празднество.

Одно можетъ препятствовать свѣтлому расположенію сердца нашего при погребеніи нашихъ усопшихъ: это мысль, что не всякій умирающій съ именемъ христіанина, умираетъ въ Господѣ. Мысль не праздная, мысль-достойная занимать нашу душу во всякое время. Но пусть она и побуждаетъ насъ не къ празднымъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ о другихъ, а къ горячей молитвѣ другъ за друга и въ особенности живыхъ за усопшихъ. Предоставимъ судъ Тому, кто одинъ вѣдаетъ все и судитъ столько же по безконечной правдѣ, сколько и по безконечному милосердію своему. Господь не далъ намъ права *судить кому-либо,* а молиться заповѣдалъ за всѣхъ. Мы слышимъ, что и Церковь ничего

суднаго не произноситъ надъ усопшими, а напротивъ, изливаясь, такъ сказать, въ молитвѣ за нихъ и призывая насъ къ такой же молитвѣ, заботится оживотворить всѣхъ духомъ упованія на *единаго Ходатая Бога и человѣковъ, человѣка Христа Іисуса, давшаго себе въ избавленіе за всѣхъ* (Тимоѳ. 2, 5). Отсюда-то и нашъ обычай поминать добрымъ словомъ усопшихъ при сопровожденіи праха ихъ въ могилу.

Не красна похвала даже праведнику *въ устахъ грѣшнаго*, и если бы мы въ подобныхъ настоящему случаяхъ являлись на мѣсто христіанской проповѣди съ тѣмъ собственно, чтобы восхвалять усопшихъ, то водились бы не духомъ христіанскимъ, а духомъ мірскимъ, по которому хвалятъ другихъ, чтобъ угодить самолюбію человѣческому. Но мы не думаемъ хвалить для хвалы, и припоминаемъ добрыя черты и дѣла отшедшихъ отъ насъ ближнихъ нашихъ, чтобы живымъ сочувствіемъ къ нимъ укрѣпить духовный союзъ нашъ съ ними и оживить сердца свои упованіемъ для всѣхъ насъ вѣчной жизни въ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ нашемъ.

Къ искреннему утѣшенію нашему, братія, намъ есть-что припомнить изъ жизни усопшаго, для того, чтобы и о немъ имѣть доброе упованіе предъ Богомъ, и самимъ получить отъ него добрыя внушенія и уроки.

Имя А Н. Муравьева извѣстно думаемъ, почти всей читающей Россіи. Не безъизвѣстно оно и за предѣлами Россіи, и не только у единовѣрныхъ намъ христіанъ, но и у тѣхъ, которые давно перестали считать насъ сочленами единой Церкви Христовой и привыкли относиться къ намъ или съ гордостію просвѣщенныхъ предъ непросвѣ-

щенными, или съ недовѣріемъ правовѣрующихъ къ неправовѣрующимъ. Такую честь покойный заслужилъ по преимуществу прекрасными письменными трудами своими въ пользу вѣры и церкви православной.

Ничто особенное не предрасполагало его къ тому роду дѣятельности, какому онъ посвятилъ свои дарованія и силы. Ни происхожденіе, ни воспитаніе, ни внѣшнее положеніе въ обществѣ не опредѣляли сами собою его будущихъ занятій. Правда, онъ родился и воспитался въ средѣ, глубоко проникнутой духомъ православной вѣры и благочестія, но это нисколько еще не предопредѣляло его къ непосредственному служенію вѣрѣ и благочестію. Самыя дарованія, какими наградила его природа, могли быть обращены имъ на другіе предметы, безъ ущерба при томъ внутреннему религіозному его направленію. Итакъ онъ самъ, свободно, по любви къ православію, всему предпочелъ прямое служеніе истинѣ православія христіанскаго и остался до гроба вѣренъ разъ избранному имъ для себя служенію.

Тѣ, которые видѣли его въ молодыхъ его лѣтахъ, на военной службѣ, уже замѣчали въ немъ нѣчто въ нравственномъ отношеніи особенное, отличавшее его отъ другихъ молодыхъ людей. Въ лицѣ его отражалась серіозная мысль и во всемъ его поведеніи сказывалась любовь къ воздержной, правильной и чистой жизни. Его не чуждались другіе, какъ и онъ никого не чуждался, но въ отношеніяхъ съ нимъ само собою неумѣстнымъ являлось все недовольно скромное и легкомысленное, чтó такъ обыкновенно въ средѣ молодости, когда она безъ разборчивости ищетъ себѣ удовольствій и какъ бы своимъ правомъ считаетъ не стѣсняться строгими правилами нравственности.

Тогда же, любя литературныя занятія, онъ избралъ для нихъ такіе предметы, которые хотя и не относились прямо къ предметамъ вѣры и благочестія христіанскаго, но способны были возбуждать и питать мысли и чувства благочестиваго христіанина.

Скоро впрочемъ онъ оставилъ и эти занятія, и самое служебное поприще свое.

Издѣтства научившись любить Христа Спасителя и постоянно нося въ душѣ своей Евангельскіе образы и событія, онъ желалъ посѣтить тѣ мѣста, гдѣ Господь жилъ, училъ, страдалъ и умеръ за насъ. Какъ высшаго на землѣ счастія жаждалъ онъ ступить на почву, которой касались ноги Богочеловѣка, созерцать слѣды Его жизни на землѣ, облобызать предметы, освященные Его прикосновеніемъ и помолиться тамъ, гдѣ Онъ самъ молился Отцу своему небесному за грѣшный родъ человѣческій. Господь далъ ему по желанію сердца его, и тогда онъ захотѣлъ подѣлиться съ другими своими впечатлѣніями, наблюденіями и чувствами. Это и послужило началомъ его литературной дѣятельности, религіозной не только по духу своему, но и по самымъ предметамъ, на которыхъ она сосредоточивалась.

«*Путешествіе по святымъ мѣстамъ*» благочестиваго и краснорѣчиваго паломника имѣли полный успѣхъ въ современномъ читающемъ мірѣ, и это конечно, само по себѣ уже побуждало автора къ новымъ трудамъ въ подобномъ родѣ; но онъ кромѣ того, сознавалъ себя нравственно обязаннымъ пользоваться дарованными ему отъ Бога талантами именно такъ, какъ началъ ими пользоваться. И съ этихъ поръ дѣйствительно стали появляться скоро одно за другимъ различныя произведенія его, въ которыхъ

онъ то раскрывалъ смыслъ и изображалъ высокое благолѣпіе и красоту священныхъ обрядовъ богослуженія православной Церкви, то указывалъ и доказывалъ правду восточной церкви въ отношеніи къ отдѣлившейся отъ нея церкви западной, то старался начертать исторію отечественной церкви, то обращался съ словомъ вразумленія къ невѣрующимъ, то подавалъ руку помощи колеблющимся въ православіи, то обнаруживалъ намѣренныя или ненамѣренныя лжи иностранныхъ писателей, касательно православной Церкви, то отзывался сочувственно на голосъ хотя неправославныхъ, но любящихъ вѣру Христову мыслителей, и проч. Короче: догматъ, обрядъ, исторія, полемика, нравоученіе, все дѣлалось предметомъ для его способнаго пера, когда онъ видѣлъ потребность въ изложеніи такихъ предметовъ и надѣялся своимъ словомъ содѣйствовать духовному просвѣщенію, торжеству правды, одушевленію вѣры и возвышенію нравственности. Онъ всегда зорко присматривался къ тому, что происходитъ въ религіозномъ мірѣ, и старался пользоваться, какъ могъ, представлявшимися случаями къ употребленію въ дѣло своихъ знаній и способностей. Ревность говорить за вѣру и для вѣры равнялась въ немъ дару скоро обнимать предметы и легко выражать свои мысли на бумагѣ; оттого онъ писалъ много и произведенія его, по числу своему, составляютъ очень богатый вкладъ въ нашу духовную письменность.

Здѣсь не мѣсто ни исчислять эти произведенія подробно, ни оцѣнивать ихъ качества въ ученомъ, литературномъ и под. отношеніяхъ. Достаточно сказать, что всѣ они одушевлены искреннею любовію къ Св. вѣрѣ и Церкви православной и запечатлѣны духомъ чистой ревности по

истинѣ и благочестію христіанскому, что слова писателя не рознились съ его внутренними убѣжденіями, что онъ какъ самъ сознавалъ православную Церковь тихимъ и надежнымъ пристанищемъ отъ волненій житейскихъ, такъ и другимъ желалъ войти въ эту пристань, или не выходить изъ нея, если они уже въ ней находились.

Произведенія съ такими свойствами не могутъ быть безплодными, какъ бы ни судили объ ихъ качествахъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы не знаемъ, на кого, и какъ, и сколько они дѣйствовали; но если праздное слово, брошенное, такъ сказать, на вѣтеръ, не остается безъ всякаго, разумѣется—вреднаго, дѣйствія на другихъ, иначе оно не подвергало бы бросившаго его человѣка той отвѣтственности, какую, по словамъ Господа, онъ долженъ будетъ воздать за него въ день судный; то можетъ ли доброе слово изчезнуть безъ слѣда и не принесть никакого плода по своему роду! А кто всю жизнь свою старался, по силамъ, сѣять слова истины и правды, тотъ, вѣрно слово, не даромъ жилъ на землѣ и *не погубитъ мзды своей* у всевѣдущаго Господа, во имя котораго трудился.

Впрочемъ есть и очевидное свидѣтельство доброплодности письменныхъ трудовъ усопшаго. Произведенія его расходились въ весьма значительномъ количествѣ: знакъ, что они постоянно находили для себя не малое число читателей. А такъ какъ въ нихъ не было ничего, что или раздражало бы любопытство, или льстило бы чувственности, или занимало бы воображеніе какими-нибудь вымышленными образами; то, явно, они возбуждали и питали въ читателяхъ истинное любознаніе и содѣйствовали

образованію въ нихъ вкуса къ предметамъ религіозно-нравственнаго міра.

Можетъ быть, теперь произведенія его уже не возбуждаютъ къ себѣ большаго вниманія въ нашей средѣ читающихъ. Намъ случилось нѣкогда услышать изъ его собственныхъ устъ такое грустное сознаніе: «я пережилъ свои сочиненія». Чтожъ? Это-судьба большей части человѣческихъ произведеній, но въ ней никакъ не заключается еще приговора посильнымъ трудамъ того или другаго человѣка. Не все то лишено истинныхъ достоинствъ, что съ теченіемъ времени перестаетъ обращать на себя наше вниманіе; отживаетъ и то, что въ свое время приносило много добра и пользы. Человѣку, вложившему въ труды свои всѣ дарованія и силы свои, естественно чувствовать большую или меньшую грусть въ сердцѣ, когда онъ видитъ, что пора его вліянія на другихъ проходитъ; но къ нему близко и утѣшеніе, что сдѣланное имъ въ данное время послужило приношеніемъ въ общую сокровищницу просвѣщенія человѣческаго, слагающуюся изъ добрыхъ и полезныхъ духовныхъ приношеній всякаго времени. И мы должны помнить, что всякое поколѣніе пользуется духовнымъ наслѣдствомъ отъ предшествующихъ поколѣній, хотя большею частію не только не знаетъ, отъ кого именно то или другое наслѣдовано, но и не различаетъ ясно унаслѣдованнаго отъ пріобрѣтеннаго имъ самимъ.

Къ большей чести усопшаго, можно и должно указать и на то, что религіозныя убѣжденія его также вѣрно осуществлялись имъ въ самой жизни, какъ выражались въ словѣ.

Любовь его къ Церкви православной образовала въ немъ такого преданнаго ей сына, для котораго ея уставы

всегда были святы и который въ самой домашней обстановкѣ своей желалъ видѣть нѣкоторое подобіе церковнаго благолѣпія. Какъ дорого было для него все, что касалось церковнаго порядка и благочинія! Какъ услаждало его стройное отправленіе богослуженія и какъ глубоко огорчали нарушенія церковнаго строя! Если въ послѣднемъ случаѣ ревность его, казалось, переходила иногда законные предѣлы, то не будемъ скоры на осужденіе, чтобы мнимому, можетъ быть, недостатку христіанскаго смиренія не предпочесть дѣйствительнаго порока равнодушія въ вѣрѣ и Церкви Христовой. Гораздо лучше и справедливѣе поступитъ тотъ, кто припомнитъ и оцѣнитъ не мнимыя услуги покойнаго, оказанныя имъ во многихъ случаяхъ, по благочестивой ревности, Церкви и обществу.

Какъ самымъ дѣломъ желалъ и любилъ онъ служить нуждамъ и пользамъ другихъ, на это, безъ сомнѣнія, не было бы недостатка въ опытныхъ свидѣтельствахъ изъ некратковременнаго срока его жизни. Но мы можемъ сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ только занятіяхъ его въ этомъ родѣ. Какъ ни скромно дѣло, которое онъ принялъ на себя нѣсколько лѣтъ назадъ, ставши во главѣ нашего Братскаго общества, онъ смотрѣлъ на него, какъ на дѣло требующее полнаго къ себѣ вниманія и усердія, въ томъ убѣжденіи, что всякое служеніе общему благу можетъ быть благоплодно, если только оно исполняется какъ должно. И труды его въ настоящемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ не оставались безъ добрыхъ плодовъ. При его особенномъ содѣйствіи не малое число не христіанъ просвѣщены Св. крещеніемъ и получили возможность устроить какъ духовную, такъ внѣшнюю жизнь свою. Другимъ его

совѣты, ходатайства, пособія доставляли не маловажную помощь. По его начинанію устроилась при Братствѣ школа для бѣдныхъ дѣтей, которая потомъ и была предметомъ его особенной заботливости. Все это и подобное, само по себѣ, конечно, не видно, не велико, но имѣетъ характеръ добраго, христіанскаго дѣла, и для того, кто употреблялъ на него остатокъ силъ своихъ, служило достойнымъ продолженіемъ и окончаніемъ всего дѣла жизни.

Скажемъ въ заключеніе, что готовность и умѣніе его служить нуждамъ другихъ внушали къ нему уваженіе и довѣренность и въ далекихъ отъ насъ по пространству, но близкихъ по православію, церквахъ. Недавно Аѳонскія обители призывали его къ себѣ въ качествѣ миротворца, и Богъ даровалъ ему утѣшеніе выполнить такое призваніе.

Но это путешествіе было для него какъ бы предзнаменованіемъ близкаго путешествія его на другой, несравненно высшій Аѳонъ, на горы небесныя.

И вотъ теперь онъ на этомъ пути. И этотъ то путь разумѣетъ Св. Церковь, когда, обращаясь къ душѣ усопшаго, поетъ надъ его бренными остатками: *блаженъ путь, въ оньже идеши* днесь, *душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

По истинѣ блаженъ путь твой нынѣ, усопшій братъ нашъ во Христѣ! Если ты чувствовалъ святую радость въ сердцѣ, когда посѣщалъ градъ Божій на землѣ; то какое блаженство для души твоей вступать въ небесный градъ Божій, въ небесный Іерусалимъ, гдѣ уже не слѣды только присутствія нашего Господа, но самъ Господь въ

славѣ своей! Да дастъ же тебѣ Господь водвориться въ немъ со всѣми избранными Его. Буди, буди! Аминь.

Протоіерей *Н. Ѳаворовъ*.

СЛОВО

Надъ гробомъ Андрея Николаевича Муравьева, при погребеніи его въ Кіевской Андреевской церкви, 21-го Августа 1874 г.

Родъ почившаго Андрея Николаевича, въ служеніи отечеству и великимъ Монархамъ нашимъ, ознаменовалъ себя столько славными, и, по своему истинно русскому свойству, такими многоплодными дѣяніями и доблестями, что если бы почившему пришлось быть только послѣдователемъ знаменитыхъ своихъ родичей,—совершить лишь часть того, что совершено ими, особенно его родителемъ и двумя братьями: Николаемъ Николаевичемъ Карскимъ и графомъ Михаиломъ; то и въ такомъ случаѣ имя его заслужило бы «вѣчную память» на Руси.

Но почившій собратъ нашъ, оставаясь вѣренъ своимъ, такъ сказать, родовымъ, и въ то же время обще-русскимъ кореннымъ преданіямъ и стремленіямъ, съ ранней юности глубоко ощутилъ въ вѣрующей душѣ своей, *яко веселящихся всѣхъ жилище въ Сіонѣ,* и осязательно познаъ, сколь *благо есть исповѣдатися Господеви и пѣти имени Вышняго, возвѣщати заутра милость Его и истину Его на всяку нощь* (Псал. 91, 2. 3).

И такъ сильны, крѣпко мощны были его вѣщанія по чистотѣ его православнаго, истинно христіанскаго убѣжденія, по глубинѣ высокаго, несокрушимаго вѣрованія, по той широтѣ, и, можно сказать, неудержимости чувствъ, съ какою они могутъ изливаться только изъ пространной, своеобразной души Русской!

Слишкомъ памятно то время, хотя оно было весьма давно,—еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія,—слишкомъ памятно, когда Андрей Николаевичъ подъ необычайнымъ для молодаго офицера именемъ «поклонника по Св мѣстамъ», возвратился изъ Іерусалима въ отечество и издалъ свое «Путешествіе по Св. землѣ».

Пламенное его, краснорѣчивое въ этомъ путешествіи изліяніе благоговѣйныхъ чувствъ при видѣ Св. града Іерусалима, во время шествія «крестнымъ путемъ» Спасителя, при лобзаніи орошенною божественною кровію Искупителя Голгоѳы и другихъ священныхъ предметовъ; потрясающія душу изображенія дивнаго подвижничества великихъ древнихъ подвижниковъ Палестины, величественные образы ея минувшей, давней славы, все это глубоко поражало, неудержимо увлекало каждаго почитателя святыни, заставляя его читать и перечитывать краснорѣчивое «Путешествіе», которымъ Андрей Николаевичъ не только обновилъ искони свойственную русскимъ людямъ любовь къ «Св. мѣстамъ», а и положилъ счастливое начало появленію у насъ новѣйшихъ «Путешествій по Св. землѣ», въ настоящее время уже довольно у насъ не малочисленныхъ.

За путешествіемъ по «Св. мѣстамъ» Палестины, съ такимъ же обиліемъ благоговѣйныхъ чувствъ, величественныхъ образовъ, возвышенныхъ ощущеній, было издано по-

чившимъ «Путешествіе по Св. Русскимъ мѣстамъ», между которыми нашъ древній стольный Кіевъ, само собою, занялъ почетнѣйшее и болѣе видное мѣсто.

Дивный Аѳонъ не только величественно описанъ почившимъ, а такъ сказать и породненъ съ Россіею болѣе видимымъ, чѣмъ прежде, образомъ, чрезъ устройство тамъ «Русскаго Андреевскаго Скита» съ Русскимъ чиноначаліемъ и нашимъ Русскимъ церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ.

За описаніемъ всѣхъ этихъ и другихъ многихъ Св. и достопримѣчательныхъ мѣстъ какъ въ предѣлахъ нашего отечества, такъ и внѣ онаго, послѣдовало пространное многокнижное изданіе: «Житія Святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ, и мѣсто чтимыхъ подвижниковъ благочестія», чему предшествовали разнообразные цѣльные очерки изъ Исторіи Церкви какъ русской, такъ и вселенской, съ многочисленными, высоко назидательными подробностями.

И въ области вѣроученія, нравоученія, богослуженія, изъ числа предметовъ, о которыхъ въ современномъ обществѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ шли различные толки, сужденія, пререкательства, едва ли можно много насчитать такихъ, о которыхъ бы почившій не писалъ и не печаталъ.

И все, здѣсь нами исчисленное, вовсе не обнимаетъ всего того, что было издано и напечатано Андреемъ Николаевичемъ во благо ближнихъ, на защиту Церкви православной, для прославленія имени Божія.

А сколько осталось неизданныхъ его писаній, разсѣянныхъ по всему огромному пространству нашего великаго отечества и далеко за предѣлами его: въ Палестинѣ, Египтѣ, по Аѳону, Болгаріи, Италіи и по другимъ

странамъ Европы, даже въ отдаленной, не для всѣхъ еще доступной Японіи.

И не однимъ только словомъ или писаніемъ Андрей Николаевичъ столь ревностно и многоплодно служилъ Церкви, отечеству и пользѣ соотечественниковъ: онъ и *подвигомъ добрымъ подвизался*, и слова свои старался доказывать дѣломъ. Св. храмъ, въ которомъ намъ пришлось прощаться съ Андреемъ Николаевичемъ и молиться надъ его гробомъ о упокоеніи души его, этотъ храмъ своимъ истинно царственнымъ великолѣпіемъ, особенно укрѣпленіемъ историческаго своего подножія—той самой горы, на которой Первозванный Апостолъ водрузилъ первый въ Кіевѣ крестъ,—обязанъ именно великой ревности и необыкновеннымъ заботамъ Андрея Николаевича, исходатайствовавшаго Царственныя жертвы на это важное дѣло.

И у Андрея Николаевича не одно только это дѣло: у него были и другія слишкомъ важныя и разнообразныя дѣла; потому-то мы не можемъ не сказать,—мы должны сказать у сего гроба: почившій былъ мужъ слова и дѣла, неутомимый поборникъ православія, зоркій блюститель правды церковной и гражданской, былъ истый человѣкъ Русскій.

И мы уповаемъ и надѣемся на милосердіе Спасителя нашего, что Онъ—премилосердый помилуетъ вѣрнаго раба своего Андрея и «впишетъ въ писаніи людей и князей: сей родися въ Сіонѣ земномъ—въ Моемъ благодатномъ царствѣ на землѣ, и для Сіона небеснаго-вѣчнаго блаженнаго царства на небесахъ». Аминь.

Протоіерей *Николай Оглоблинъ*.

Извлеч. Изъ журнала «Руководство для Сельскихъ Пастырей». За 1874 г. № 37.

9 Марта 1857 года, въ 76 номерѣ Сѣверной Пчелы между прочимъ было сказано: «подходитъ уже двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности знаменитаго автора «*Путешествія по Св. мѣстамъ* (исполненнаго въ 1830 году, и вышедшаго въ описаніи 1833 г.) и критика еще не сказала до сихъ поръ должнаго слова объ этомъ важномъ дѣятелѣ отечественной литературы». Чрезъ 18 лѣтъ, или чрезъ 43 года, съ появленія перваго литературнаго произведенія, почившаго нынѣ автора, «Путешествія по Св. мѣстамъ», считаю не лишнимъ перечесть всѣ сочиненія вышедшія нѣсколькими изданіями, въ теченіи сего многолѣтняго литературнаго періода, расположивъ оныя въ томъ порядкѣ, въ какомъ по самому содержанію, надлежало бы ихъ издать:

1. Путешествіе по Св. мѣстамъ, въ 1830 году . . . . 2 ч. имѣло 5 изд.
2. Путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ 1863 г. . . . . . . 4 ч. — 5 изд.
3. Римскія Письма (съ приложеніемъ) 1847 г. . . . . 3 ч. — 2 изд.
4. Грузія и Арменія, 1848 г. . . . 3 ч.
5. Письма съ Востока, 1849 и 1850 годовъ . . . . 2 ч.

6. Русская Өиваида на Сѣверѣ, 1855 года . . . . 1 ч.
7. Кіевъ и его Святыня, 1867 года, 1 ч. имѣло 3 изд.
8. Почаевская Лавра и Острожское Братство, 1871 г. . . . . . 1 ч.
9. Святыя горы и Оптина Пустынь 1 ч

10. Первые четыре вѣка Христіанства 1 ч. — 3 изд
11. Исторія Россійской церкви, 1840 г. 1 ч. — 3 изд. (Переведена на Нѣмецкій, Франц. Англ. и Греч. языки).
12. Священная Исторія Ветхаго Завѣта, 1842 г. . . . . 1 ч.
13. Священная Исторія Новаго Завѣта 1 ч.
14. Исторія Іерусалима, 1844 г. . 2 ч.
15. Расколъ, обличаемый своею исторіею, 1854 г. . . . . . . 1 ч — 2 изд
16. Сношенія Россійской Церкви съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ 2 ч. (Матеріалъ на 3-ю часть и для Исторіи Патр. Никона сданъ въ Моск. Дух. Академію).

17. Письма о Богослуженіи 1873 г. 1 ч. — 10 изд. (Переведены въ 1832 году на Нѣмецкій языкъ.
— 1841 — — Польскій.
— 1850 — — Французскій.
— 1851 — — Греческій.
— 1854 — — Сербскій.
— 1866 — — Англійскій).

18. Письма о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ, 1844 г. . . . . . . 1 ч. — 2 изд.
19. Изложеніе Сумвола Вѣры . . . 1 ч
20. Правда Вселенской Церкви . . 1 ч. (Переведена на Греческій языкъ).
21. Слово Каѳолическаго Православія 1 ч. (Переведено на Греческій языкъ).
22. Житія Святыхъ Россійской Церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ 1855 г. . . . . 12 ч. — 2 изд.
23. Questions religieuses et d'Orient d'Occident, 1858 г. . . . . . 4 ч.
24. Письма о Магометанствѣ, 1848 г. 1 ч. (Переведены на Татарскій яз.)
25. Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. съ 1832—1867 г., 1869 г. . . . . . . 1 ч.
26. Письма о Православіи, 1873 г. . 1 ч. — 2 изд. (Тутъ же о Спиритизмѣ).
27. Акаѳистъ Св. Ап. Андрею Первозванному на Славянскомъ языкѣ 1 ч. — 2 изд.
28. По вопросу о соединеніи церквей.
29. Знакомство съ Русскими Поэтами.
30. Битва при Тиверіадѣ

и проч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 202 306 0